

Алексей ВУРДОВ

Ирвинские СНЫ

*Повести
Рассказы*

Сыктывкар
Издательство «Кола»
2008

ББК 84(2Рос=Рус)6
В 89

Вурдов А.И.

В 89 Ирвинские сны. – Сыктывкар: ООО Издательство «Кола», 2008. – 144 с.

Автор был очевидцем невероятных явлений северной природы. Они не только удивительны своей загадочностью, а еще и чувственны, в них есть нежность, благозвучие, благодать. Каждый человек может познать эти таинства. И неважно, во сне или наяву произойдет желанное соприкосновение. Надо только верить, что чудеса в нашей жизни происходят.

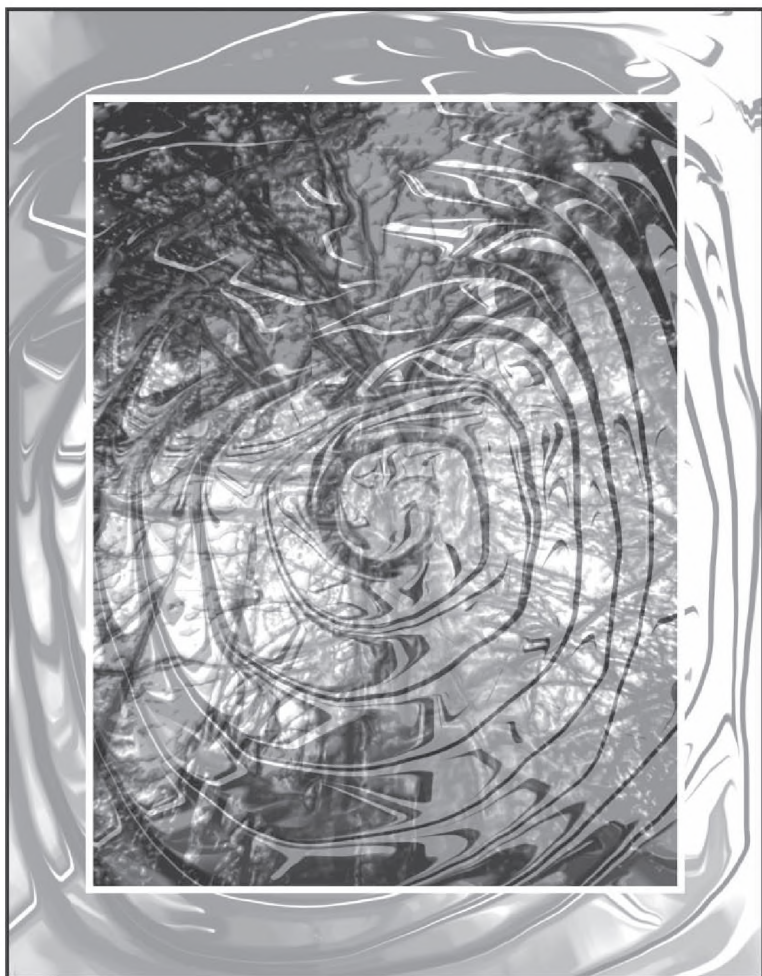
Автор призывает поразмышлять, помечтать и ощутить дыхание природы.

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Вурдов А.И., 2008
© Микушев П.Г., оформление, 2008
© ООО Издательство «Кола», 2008

Родовое начало

Повесть

Глава 1

Лука

Июнь 1685 года выдался довольно жарким. Вода после второго весеннего паводка шла на убыль, хотя местами забереги сливались с мощными потоками водоворотов. Своенравная река дышала шумно и величественно несла свои виды.

«Ну, наконец-то», – облегченно вздохнул Лука. «Причаливай!» – крикнул, обернувшись назад, и замахал руками. К правому берегу вскоре неуклюже причалили три плота с людьми. Первыми спрыгнули на берег собаки и только потом на небольшую лужайку люди стали выгружать разный скарб, а также пять коз, изнеможенные и сырые они все время блеяли. Женщины усаживали малолетних и грудных детей в одну кучу на кожаные тюки. Тучи комаров назойливо кружили над ними, и некоторые дети плакали. Лука быстро дал нужные распоряжения подошедшим к нему сородичам и направился к бугру, где отыскал уже заросшую мхом и травой полуземлянку. А ведь прошлой осенью он здесь ночевал не одну ночь, когда добывал оленей и большого медведя. Сделал значительные запасы вяленого мяса, звериных шкур. Осмотрев здешние места, уж больно они ему приглянулись, богатые зверьём, ягодами, грибами, птицей, рыбой. С каким упоением потом он рассказывал обо всём этом: что видел, что добыл, что растёт, какая земля нетронутая, – старейшине рода и сородичам. Вот почему он – Лука – решился переселиться, обжить эти места, сумел убедить в этом остальных ещё зимой, когда после смерти старейшины, родителя своего, ему как старшему сыну усопшего доверили свои судьбы люди, на которых он сейчас смотрел и думал о них, в душе благословляя каждого. Некоторые из его племени не дожили до этого дня. Ещё раньше свирепая болезнь – «горячка» унесла жизни любимой сестрёнки, которой не было и двенадцати; старушки Гуги; Мура – мо-

лодого парня, большого крепыша, и двух младенцев, не научившихся ещё разговаривать. Больно было вспоминать, но вера и надежда на лучшую жизнь вселяли в него непоколебимую уверенность. Их осталось всего 17 человек, больших и маленьких три семьи – но главное, что они выжили.

Постояв немного в раздумьях, Лука оглянулся, а затем направился к следующему бугру, где была яма с прошлогодними припасами. Он разгреб охапки пожелтевших еловых веток и с трудом вытащил оленью шкуру из горловины ямы. Сразу дунуло холодком и потянуло каким-то кисловатым запахом кожи и мяса вперемежку с плесенью. Было ясно – припасы сохранились не все.

Солнце клонилось к закату, но было светло, – на Севере белые ночи в эту пору всегда оставались для его обитателей какой-то божественной тайной и загадкой. На высоком берегу среди могучих сосен и елей стояли три чума, обтянутые оленьими шкурами и обложенные подпорками из кольев. От потрескивающего костра стелился над рекой сизый дым. Пахло жареным мясом. Трапеза удалась на славу, о чём говорили довольные лица сидящих вокруг костра людей. Тишину леса изредка нарушал их отрывистый говор и звонкое улюлюканье детей. Остался позади опасный и трудный путь длиной в 28 дней. Люди устали, но дошли, и сейчас нужно было думать о завтрашнем дне. Они понимали, что за короткое лето на обретённом новом месте нужно до снега построить жилища, расчистить участок под посевы, заготовить запасы пищи и кожи, сшить одежду, уберечь детей от болезней – сохранить родовое племя. На закате солнца, люди стояли лицом к востоку и просили Бога защитить их от разных бед на день грядущий.

В мучительных трудах проходила жизнь новообитателей. Третья часть посевов погибла ещё в начале июля, когда внезапный град прошёлся по этим местам. Рожь наливалась медленно и не успевала созреть полностью, начавшиеся частые дожди не давали для этого никаких возможностей. «Конечно, будет почти не из чего отобрать семена на будущий год», – заключил вслух Лука. Услышав голос Турьи, который просил его посмотреть замес глины у строящейся курной избы, он перелез через изгородь и поспешил к сородичу. Заканчивалось строительство второй избы. Закладывалась печь, и очень важно было правильно сделать замес глиняного раствора. Стенки ку-

пола печи перед обжигом обкладывались огнестойкими камнями. Турья хорошо умел это делать, но он, как и все, строго соблюдал традиции рода – прислушиваться к старшим и уважать их мнение и совет. Старейшина племени являлся главой всех дел и начал. Его слово было законом для всех. Лука прекрасно осознавал, какая тяжелая и ответственная ноша лежит на его плечах. Он всегда старался помягче разговаривать или выражать своё недовольство со своими сородичами. Злости в нём не было, хотя иногда его вспыльчивость к тем, кто допускал разгильдяйство и ротозейство, была чрезмерной. Вот и сейчас из сложенных уже камней, он выбрал несколько и выбросил остальные за порог как негодные. Турья тут же дал подзатыльник своему юному помощнику, сыну-подростку и что-то грубо пробормотал в его адрес. Скоро Лука с Турьей закончили процедуру замеса в глубоком корыте и, умело работая деревянными лопатками, начали лепить. К вечеру печь была готова. Четверо мужиков клали косую крышу из плах, расщеплённых сосновых брёвен. Женщины варили сосновую смолу и просмаливали наружные стены, а дети таскали мох. Кто-то катал и обтесывал брёвна, кто-то рубил жерди, кто-то – трамбовал землю под пол. Все были заняты своим делом. Издали, казалось, что строящаяся изба на треть была врыта в землю. А ещё через неделю уже красовались все три новые избы, а вокруг них стояли амбар, навес, хлев и баня. В канун праздника Воздвижения честного и животворящего Креста Господня в центре общины ранним утром возвысился священный столб с изображением на нём православного Креста. Лука, облаченный в длинную, грубую холщевую рубаху в широком кожаном поясе и с деревянным крестиком на груди, сияющим взглядом смотрел на собравшихся перед ним соплеменников, а затем после некоторой паузы, с волнением произнес:

– Родные мои! Братья и сестры! Детушки дорогие! Отныне это наша земля. Родители наши давали наказ искать лучшие земли, край оный мы обрели ныне. Да будем преумножать и крепить род свой во имя Христа. Пусть будущее наше станет разумным и смиренным. Да не забыты будут наши труды. Благословим Бога нашего Христа Спасителя во веки веков. Аминь!

И в ответ последовало дружное «Аминь!» Перекрестившись, старейшина добавил:

– Да будем жить в мире и согласии, как нам завещали родители наши!

Хотя и не все были крещенные, но это не смущало собравшихся. Они с радостью обнимали друг друга, похлопывали по плечам и улыбались. В них присутствовала единая вера и дух во имя продолжения рода в этом ещё незнакомом, неизведанном, суровом северном краю и никто не знал, что их ожидает в будущем.

Минуло шесть лет. Приближалась весна. Большие шапки плотного снега и сосульки свисали с козырьков крыш. Избы курились, и дым от утреннего холода столбом вился ввысь. Тайга оголилась от снежной шубы, и зелёная хвоя придавала воздуху неотразимые ароматы. Замерзшие забереги от талой воды блестели в первых лучах восходящего солнца. Трескотня сорок и щебетание птиц разрывали тишину во всей округе. Постепенно, то из одной, то из другой избы выходили женщины с деревянными кадками кормить и поить домашний скот. Вот побежали в конюшню ребятишки, одетые в козьи тулупы, похожие на малицы, чтобы почистить двух лошадей и погладить жеребёнка. Полтора года назад удалось выменять меха в далёкой Летке на рыжую кобылицу и чёрного коня. Низкорослые лошади оказались выносливыми и послушными, за что их сразу полюбили не только дети, но и взрослые. А полгода спустя у них появился первенец – жеребёнок рыжей масти с белым пятном на лбу. Он родился очень слабым, и были сомнения, что он выживет. Но старания людей и их заботы увенчались успехом, может быть, поэтому выхоженный жеребёнок стал ещё дороже.

Двор общины за последнее время постепенно расширялся. Прошлым летом появились ещё две избы, которые заселяли молодые семьи; небольшая кузница, где Лука обучал Иска, сына Турьи, нелёгкому кузнечному делу. В юности мастер сам познавал азыковки не понаслышке. Бывало, что падал в обморок от духоты и жары, когда его заставляли работать у горна помногу часов без отдыха. В общем, жизнь в общине протекала своим чередом и, как обычно, главы семей каждое утро первого дня недели заходили к старейшине в избу на свой совет. Снимая шапки-ушанки конусообразной формы, сшитые из шкурок куницы либо выдры, у порога каждый низко пригибался, чтобы не задеть косяк головой, заходил вовнутрь и, по-

здоровавшись, усаживался на длинную лавку около стены. Как правило, в это время жена Луки – худощавая, бойкая Гуля – удалялась в соседнюю половину и занималась своими делами. Бывало, что в особых случаях и праздничные дни Лука разрешал ей подавать на стол в качестве угощения сухарные шаньги, больше похожие на бесформенные лепёшки, и настоявшийся напиток из забродившей черники и малины в больших берестовых кружках. На этот раз угощения не было, да и разговор сегодня на Совете не клеился. Сородичи сумрачно поглядывали на Луку, ожидая, что он ответит им.

Прошлой осенью после сбора урожая ржи разгорелся спор, может ли каждая семья весной следующего года засеять свои личные участки. По праву говорить, семян для посева отобрано было достаточно – больше четырех пудов, так как урожай выдался небывалый доселе. Тогда точку в споре поставил Лука, пообещав решить этот вопрос до Вербного дня. И вот наступил момент, когда нужно было держать ответ. На самом деле лукавый Лука давно знал, как поступить, но некоторое смятение охватило его от настойчиво обращенных к нему взоров.

– Я, братья мои, не против. Но давайте поразмыслим, – он говорил вполголоса и медленно. – Эту Землю-кормилицу мы возделываем уже шесть лет и удобряем столько же. Вот земля и дала нам прошлый год самый большой урожай. Если разделить участок на семь частей – то никому не хватит хлеба, чтобы прокормить свою семью в отдельности. После паузы добавил:

– А теперь я хочу Вас выслушать.

Первым выступил Мока, кряжистый, чуть старше Луки по возрасту, на все руки мастер: и бондарь, и одежду, и обувь шьёт, лучше него никто из лука не стреляет, умом не совсем вышел, но исполнительный. Он почесал свою рыжеватую бороду и хриплым голосом сказал:

– Я так гляжу – свой участок каждая семья сама работает, излишек семян разделим поровну, чтобы никому не в обиду было. И ещё, из общего урожая – поделим также поровну. Вот и получится, что каждый получит долю с общего участка и с собственного, и будет чем кормить свою семью.

Не выдержал, вскочил самый молодой Тюка и выпалил:

– Как так поровну из общего урожая? Ладно у меня пять душ вместе с матерью, а у Пупы? – Одиннадцать

душ! – Что молчишь? – уставился на рядом сидящего. – Нет, из общего урожая разделим по числу едоков в каждой семье, а излишек разделим поровну.

Турья рыкнул:

– Угомонись, Тюка! Говоришь ты правильно о том, что надо по числу едоков распределить из общего урожая, но тогда и семена посевные этой весной на личные участки тоже надо выделить по числу едоков! Вот мой сказ.

Наступила затяжная пауза.

– Ну, что ж, – заговорил Лука, – так и решим – оставшиеся излишки семян после засева общего участка распределим по числу едоков в каждой семье, а после сбора урожая с общего участка разделим зерно тоже по числу едоков. Только хочу предупредить – на личных участках оставьте хоть покрупнее деревья на первый год, да удобрить надо получше, хотя вряд ли большой урожай получите осенью. Отцы учили нас – сначала земле добро сотвори, потом она тебе отплатит вдвойне. Обращайтесь с землёй ласково, как с бабой. Бог в помощь.

Все заулыбались, и по сему было видно, что довольными остались. Ещё толковали, кому и с кем идти на глухаринные токовища ставить силки и лосей тропить по насту, кому и где «вентеря» и «морды» поставить на щуку и налима. На этом закончили и разошлись. Свет с улицы слабо проникал через небольшие окошки, поэтому даже днём в избе горели лучины у печи и под образом в углу. На полу в прихожей комнате доснилась в отблесках света раскинутая шкура большого бурого медведя с головой, а над потолком, чёрным от сажи, стелилась волнистая пелена дыма.

Лука лежал на боку на полати, устланной лосиной шкурой, и посапывал. Зимой он сильно хворал, и хотя сейчас стало лучше, болезнь не отпускала его. Конечно же, старания бабушки Огры, единственной знахарки-целительницы в общине, не проходили даром. Различные снадобья и заговоры с молитвами подняли на ноги Луку. И с приходом весны его крепкий организм набирал утраченные силы. Среди сородичей вслух о болезни старейшины никто не говорил, хотя чего греха таить, в каждом из них в душе присутствовали беспокойство и тревога. Люди чаще старались улыбаться ему, спросить совета, когда тот сам подходил к ним, занятых разной работой на подворье. В последнее время он, опираясь на посох, почти не выхо-

дил за забор, а только обойдёт кругом раз в день все двори, и обратно возвращался в избу. Трудиться на воздухе было не велено и он, прилежно выполняя все указания старой знахарки, большее время отлёживался дома. Услышав стук в дверь, Лука очнулся от дремоты и поспешил сесть на лавку. Гуля встретила у порога входившую Огру поклоном. Покрестившись с ответным поклоном, знахарка сняла с головы меховую накидку, а хозяйка помогла снять козью шубчонку. Старушка была низенького роста, чуть сгорбленная, худощавая и только чепчик, закрывающий волосы и уши на голове, отчетливо вырисовывал контур лица в полумраке. Подойдя к Луке, она коснулась его рук и запричитала ласково:

– Как здоровье, батюшка, наш хранитель и благодетель?

– Уже намного лучше, чем вчера, добрейшая, – добродушно ответил Лука. – Господь милостив ко мне.

– Вижу по твоим глазам, батюшка, скоро поправишься, до ледохода, – молвила опять Огра. – Господь поможет.

– Присаживайся, сейчас вечерить будем, – произнес старейшина, поглаживая одной рукой густую, но аккуратную бороду.

Пока Гуля расторопно накрывала стол нехитрой снедью, знахарка шептала какие-то заговоры, изредка размахивая пучком сушёных трав. Затем достала из одежды клык медвежий, который попеременно прикладывала к рукам, плечам и голове сидящего Луке, прочитала молитву и перекрестилась три раза, стоя лицом к образу. После чего тихонько села за стол и облегченно вздохнула. Наконец и хозяйка управилась, поставила на стол последнюю чашу с грибной похлебкой. Перед вкушением пицци, как и полагалось, все встали и после произнесенных Лукой слов молитвы повторяли остальные: «Очи всех на Тя, Господи, уповают, и Ты даеши им пиццу во благовремени, отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполнявши всякое животное благоволения». Усевшись обратно, старейшина закатал длинные рукава серой холщовой рубашки, отобрал самый жирный кусок строганины белой рыбы, протянул через стол знахарке:

– Отведай, добрейшая гостья.

– Спасибо, спасибо, батюшка, за милость ко мне... – благодарила старушка.

– Кушайте, кушайте, – добавила Гуля.

Улыбка не сходила с её лица, особенно, когда муж ненаглядный громко чмокал, обсасывая хвост и косточки рыбы. В общине все соблюдали Великий пост, но случае, как это было с болезнующим Лукой, позволялось исключение, можно было полакомиться сигом. Поблагодарив Господа за пищу, Гуля занялась хлопотами по хозяйству, а Лука и Огра ещё долго о чем-то говорили. Перед уходом знахарка приготовила целебный настой и наказала старейшине выпить его только перед сном.

Ночь выдалась ясной и звёздной. Большая яркая луна освещала голубым светом округу. Снег искрился. Неопишуемая таинственная красота природы окружала этот маленький островок жизни – нет, скорее бастион жизни, огороженный высоким забором из брёвен с заостренными пиками. А внутри его десятки тонких струек дыма и пара взмывали к небесам от домиков, утопающих в снегу, отчего казались игрушечными. Только хаотичное потрескивание деревьев от мороза нарушало тишину неповторимой северной ночи.

Лука долго ещё ворочался с боку на бок, недовольно бормоча себе под нос. Грудной кашель временами усиливался и не давал ему спокойно спать. Наконец, всё стало тихо.

Через четыре дня вернулись с верховья реки его сыновья, Мосей, старший, от роду 18 лет и Никон, младший, 15-и годков. На облюбованных ещё осенью излучинах реки они построили две запруды – ловушки из кольев на наливых «тропах» и установили «вентеря» в проходах.

Каждая семья, помимо общинных забот, имела право заниматься собственным промыслом и добычей мяса, рыбы, различными заготовками ягод и грибов в оставшееся свободное время. Многие зависело от количества членов семьи мужского пола. Да и отчаянное трудолюбие помогало. В семьях, где не было достаточной мужской силы, превалировали другие возможности – шитьё одежды, обуви и другое. Натуральный обмен излишков регулировал баланс уровня жизни жизни круглый год. Общинных запасов пищи хватало всем, даже независимо от личных припасов. Вот и сейчас, благодаря расторопности детям Луки удалось первыми сделать задел по налиму. Своеобразное первенство друг с другом по разным видам промысла не являлось фактором зажиточности, а лишь способом для выживания и условием для создания новых молодых семей. Да и любая новая семья обретала свой статус только

с благословения старейшины. За последние годы Лука два раза отказывал желающим парам. И тому были весьма серьезные причины. Опасные многомесячные походы на Печенгу за тканями, солью и железом лишали десятков крепких работных рук. Помимо других трудностей и неурожаев, болезни уносили из жизни нескольких человек, особенно детей. Суровый быт приучил людей бережно и уважительно относиться друг к другу. Они свято верили в Бога и почитали законы и традиции рода своего.

— Помочь своим сородичам сохранить веру, а значит веровать в самого себя и ближнего в таких суровых условиях — это и есть основное предназначение главы общины, — считал Лука.

Мосей живо и подробно рассказал обо всём, как и где именно запруды сделали, как от волков ночью защищались и не спали вовсе, даже как сумел с тридцати шагов поразить стрелой глухаря, что редко случается.

— У Косой балки выдры много, несколько семейств, — продолжал Мосей, — можно и успеть ловушки поставить, всё равно на пути к запрудам.

— Можно, конечно, но вряд ли успеешь, сынок, — молвил Лука. — Пойдёшь с мужиками на лосей, до Пасхи управиться надо, да ещё и вывезти мясо из тайги. Грех, что раньше времени говорю, но что-нибудь добудете всё равно. С остальными сородичами этот вопрос мы уже обсуждали, пока тебя не было. Через пару дней и пойдёте. Копьё мое возьмишь да стрелы мои на зверя с утяжелёнными наконечниками. Смотри, чтобы наконечники железные от стрел обратно вернул, не теряй их, — добавил родитель, похлопав по плечу сына, который от смущения даже голову опустил.

По воле судьбы семья Луки была почти самой малочисленной. Бог подарил двух сыновей. А затем два раза были выкидыши, после чего жена Луки стала бесплодной. Оба сына росли, как и все дети, в общине без всяких привилегий. Мосей был похож на отца: отличался умом, скромностью, трудолюбием, добродушием, а Никон, наоборот, был весёлым, шkodливым, но беззлобным. Его бесшабашность и смелость иной раз поражали не только сверстников, но и взрослых, за что и получал частенько подзатыльники и упрёки. Может быть, поэтому среди ребятни он оставался признанным заводилой не только в шальных играх, но и в оказании посильной помощи взрослым в

трудовых делах. Где-то в глубине души Лука был самым счастливым человеком. Он знал, что растёт ему достойная замена, хотя рано об этом думать, но Мосей умом не обделён, ладный с людьми; многим ремеслам научен и грамоте, какой-никакой, но обучен; душа без горечи, чистая.

— Эх, успеть бы ещё мудрости ему набраться, пока я жив, — подумал с грустью Лука. — Ну да ладно, с Божьей помощью всё образуется. Хотя и жену надо подыскать подходящую, жених-то готовый почти.

На рассвете третьего дня толпа людей, стоя у ворот, провожала охотников, уходящих в тайгу. Девять силуэтов, опоясанных ляжками, чтобы тащить нарты, выстроившись в колонну, постепенно исчезали за деревьями, оставляя за собой один ровный лыжный след. Женщины махали руками, а Лука перекрестил на удачу и скорейшее возвращение.

Озябшие от утреннего мороза вскоре все разошлись по избам, чтобы опять заняться своими привычными делами. Дети ещё спали, и тишину разрывал только прерывистый лай собак в разных концах селения.

Дни ожидания для Луки тянулись томительно. Только молитвы как-то успокаивали его. До Пасхи оставались считанные дни. Наконец, на четвертый день под вечер из тайги вернулся молодой Нека. Лёгкий на ноги, он за день добежал на лыжах до селения. Предстал перед Лукой с поклоном, запыхавшийся и усталый.

— Попей, родненький, кваса, — подала ковшик Гуля. Лука проводил до стола и уставился на него. Нека с улыбкой на устах, сбивчиво и коротко рассказал, что «всё получилось очень складно, у Чёрных камней загнали и свалили за два дня шестерых лосей, и что Мосей отличился — двух сразил один», «пока волки не учуяли и не растерзали, надо скорее вывозить...»

— Хорошо, хорошо, сынок, завтра с двумя мужиками лошадей запряжётё и поедете с утра, — ответил Лука. Радость охватила старейшину, он обнял и благодарил Неку за благостную весть.

Назавтра, ещё засветло, две упряжки лошадей с санями отправились вдоль берега реки за долгожданной добычей. И уже через день, как раз на Пасху, вся община ликовала — люди встречали своих родных и близких, вернувшихся из тайги с большой победой — почти 80 пудов мяса пополнили скудные общие запасы. От радости жен-

щины не скупилась на слёзы, дети визжали, бегали и бросались снежками, а мужчины обнимались – все поздравляли друг друга с праздником Воскресения Христа и с почтеньем благодарили своего старейшину батюшку – благодетеля Луку.

А весна дружно наступала и, наконец, река дрогнула – бурный ледоход с шумом и рычанием чуть больше суток содрогал округу. Слова знахарки действительно сбылись – старейшина полностью выздоровел, если не считать ночные приступы кашля. Земля постепенно обнажалась, ручьи разливались, и вешние воды текли по склонам берегов. Вода в реке быстро поднялась и затопляла пологие участки леса, оставляя небольшие островки суши. Но в лесу, особенно в ельниках, снега ещё оставалось достаточно, было очевидно, что большого половодья не избежать. Но оно ничем не грозило маленькой деревушке, расположенной на высоком берегу.

Уже с началом наступления погожих дней мужики из больших осиновых брёвен начали рубить лодки – «долблѣнки», и сейчас одна из четырёх была почти готова. Оставалось только опалить изнутри дно и борта, и затем отшлифовать мелким речным песком, перемешанным с золой. Обычно до сей поры лодки рубили одноместные или двухместные, но потребности в перевозках возросли и необходимость заставляла строить крупнее. Ладили новые лодки только опытные мужики. Впервые для жесткости внутри их сделали поперечный выступ. Длина первой лодки-то как-никак достигала трёх саженей. Форма напоминала остроконечную пирогу, но овальными наружу бортами. Такие новшества вызывали у некоторых споры. Приходилось много раз спускать лодку на воду и проверять её устойчивость на плаву, после чего каждый раз подгонять форму днища и килевой линии.

Наступила пора охоты и на перелётных гусей. Около трёхсот петель, сплетённых из волос конских грив и хвостов, сумели мужики вчетвером за два дня установить на Лукиных болотах, что в пяти верстах от деревушки. Оголённые моховые подушки и кочки служили хорошей маскировкой вбитых кольев с петлями. Теперь оставалось только круглосуточно следить за садившимися на отдых стаями гусей, вовремя добывать и вынимать попавшую добычу, и вновь поправлять петли. Массовый перелёт гусей проходил обычно за три-четыре дня в тёплую погоду,

и удача во многом зависела от правильно выбранных участков. Опыт прошлых лет по отлову гусей показал, что места посадок почти каждую весну менялись, может быть ещё и из-за того, что болота раскинулись на добрые три версты. Тем временем дни проходили, а крупные косяки гуменников и казарок то пролетали мимо, то садились в стороне. За всё время попало всего около десятка птиц, и лишь в один из последних перелётных дней более тридцати удалось отловить только за утро. Наконец-то удача улыбнулась охотникам. Через сутки можно было петли снимать, воды на болоте накапливалось всё больше, да и перелёт заканчивался.

Гусь считался особенной дичью, ценился не только его пух и вкусное мясо. Его жиром смазывали лицо и руки в холодную тужу, предохраняясь от обморожений; смазывали ссадины и ожоги, кожаную обувь (бахилы, тяпи) и швы на одежде от промокания.

А гусиные маховые перья от крыльев лично отбирал Фоня, служивший некоторое время псаломщиком в одной из церквушек Печенги, где и научился нехитрой грамоте. Лет восемь назад судьба свела его с Лукой, который всячески поощряя его благое дело и никому не давал в обиду, и даже освобождал от разных трудоёмких работ. Фоня обучал азбуке детей, читать и писать, чему был сам научен. Многие родители неодобрительно к нему относились, когда учитель собирал детей на занятия у себя в избе, обычно не чаще трёх раз в неделю. Большинство взрослых полагали, что это пустое занятие и знать грамоту необязательно. Учитель не вступал в споры с родителями, а молча, но упорно продолжал своё дело. И так тянулось каждую зиму, именно тянулось, ибо дети были незаменимыми помощниками по хозяйству в каждой семье. И никакие жалобы старейшине не помогали. Фоня, наделённый терпением и выдержкой, сносил все обиды и не выказывал неприязненностей ни к кому из обидчиков. Каждую весну он изготавливал целую охапку гусиных перьев для своих учеников и большие стопки тонкой бересты вместо пергамента. Ни один праздник не обходился без участия Фони. Он сам придумывал разные игры, где главную роль всегда играл Мока. Как самый здоровый и крепкий, тот облачался в шкуру медведя и всех побеждал своей силой. Находясь в центре круга, размахивая руками, под крики и смех он валил всех наседавших на него.

С разных сторон к нему подкрадывались другие участники игры, тоже облаченные в шкуры разных зверей. Неизменно тогда же и проводились турниры среди мужчин по метанию копья и стрельбе из лука. Такие праздники обычно устраивались после посевной в июне, уборки урожая и заготовки грибов, ягод в сентябре, под Рождество Христово в январе, либо когда добывали медведя. Именно тогда совершался ритуал воздаяния похвал смелым охотникам-добытчикам, и старейшина лично каждому из них вручал освещённый у святого столба клык медвежий, который затем на тесёмке вешали на груди. У некоторых бывалых охотников таких памятных клыков было до семи штук. Как правило, на медведя ходили не менее четырёх охотников с хорошо натасканными на зверя лайками. Добывали двумя способами. Первый, когда выслеживали, куда и где ляжет медведь на зиму, и только после этого убивали в берлоге. Второй, когда устраивали западню с приманкой из тухлых лосиных останков – рыли глубокую яму, устанавливали берёзовые колья, остро заточенными концами кверху, а посередине ямы на шестах вровень с поверхностью земли привязывали приманку и тщательно маскировали. Однажды был случай, когда весь израненный зверь каким-то чудом выбрался из ямы и, истекая кровью, почти две версты прошёл, скорее прополз, и только затем испустил дух. Каково же было удивление людей, когда увидели переломанные колья и кровавый шлейф, проложенный от ямы в глубь лесной чащобы. Собаки быстро нашли мёртвого зверя и со злобным рычанием неистово рвали клочья тёмно-бурой шерсти, вцепившись в загривок и бока медведя до тех пор, пока не подоспели охотники. Этот случай в общине знал каждый: и стар, и млад. Он же и стал одним из сюжетов самых любимых зрелищных игр, правда, с другой выдуманной концовкой – «медведь обманул охотников, притворившись мёртвым, потом напугал их и убежал далеко в тайгу, а незадачливые охотники вернулись домой ни с чем». Любая игра сопровождалась мелодичным перебором трели «свистулек», сделанных из тонких лоскутков бересты и коротких ивовых прутиков с дырочками, наподобие свирели, и перерастала в настоящий массовый спектакль. Его участники шутили над собой, высмеивали незадачливых и ленивых, возносили труд и добро над злом – что во многом помогало им переносить тяготы и лишения и поднимать дух.

Посевная затянулась почти до конца мая из-за плохой погоды. С раннего утра и до позднего вечера люди трудились на земле. Сначала обрабатывалась и засеивалась общинная земля. Как всегда, первую пригоршню семян на мягкую почву бросил Лука, вслед за ним пошли остальные. Турья и Мока, ловко управляя запряжёнными лошадьми, бороновали. Прямо у поля женщины на костре варили в одном котле похлёбку с мясом, в другом – рыбу. Дети помогали взрослым ремонтировать покосившуюся изгородь вокруг поля. Обливаясь потом от приятной работы, люди улыбались друг другу. Завершив все работы на общинном поле, люди семьями разошлись на свои участки, чтобы успеть до захода солнца закончить посевную. К вечеру, кто быстрее управился у себя, помогали другим. Уж так было заведено изначально – посевную проводить всем миром в один и тот же день.

В пору цветения черёмухи поля зазеленели всходами. Это был самый ответственный и важный период. Чтобы уберечь всходы от наступавших заморозков, люди ночами дежурили у костров, разжигая их с вечера вокруг полей. Борьба за хлеб начиналась с появления всходов и продолжалась, как и положено, до уборки урожая. Коварный июнь в иные годы «наградил» поля и снегопадом, и большими дождевыми ливнями, люди не в силах были противостоять капризам погоды. Через неделю дежурную вахту передали детям своим. Главными задачами для юных сторожей было уберечь молодую зелень от ночных набегов зайцев и отгонять птиц, особенно ворон. Ночи были «белые», и ребятня с удовольствием проводила время на воздухе. От комаров мазались пахучей специальной жидкостью, которую готовила старушка-знахарка, а кто не хотел так делать, укрывался холщовой накидкой.

Благо, в сенокосную пору пойменных лугов по берегам реки хватало в округе, и далеко не надо было ходить. В промежутках от покосов, то есть днём или во время дождей, мужики занимались строительством новых изб, а женщины и дети ворошили, убирали и стоговали. Жара, оводы, слепни, комары изрядно утомляли уставших людей, которые к вечеру валялись с ног.

Изо дня в день жизнь протекала в трудах и заботах, и конца и края этому не было. И вот, на очередном Совете общины, настало время обсудить вопрос жизненно важный – кого отправить в поход на Большую русскую зем-

лю. Каждый глава семьи определял, кого из родных и взрослых мужчин выбрать в далёкое путешествие. Все они в кругу семьи были известны заранее, просто данное решение только на Совете приобретало официальный и необратимый характер.

Выбрали восемь человек. Не менее трёх лошадей им придется приобрести с саними на русской земле, чтобы как можно больше необходимого груза привезти домой. Больше спор возникал не из-за железа, тканей, соли и даже лошадей, а, сколько из-за ружей кремнёвых. Но как только Турья, который два раза уже ходил, попросился возглавить поход, Лука тут же остановил всех своим властным голосом:

– Так вот, пусть Турья и решит на месте, что полезно и верно для нас.

Стало всем понятно, что спорить дальше не имело смысла. Правда, Турья просил, чтобы Фоня, как человек самый грамотный и умеющий с купцами толково говорить, тоже был в отряде. Все безропотно согласились. Лишь Лука добавил, что «первый и последний раз Фоня пойдёт в такой поход». Он, конечно же, мог уберечь Фоню от этого предприятия, но тот ещё ранее сам просился включить его в отряд.

Август подходил к концу, когда Лука все ещё сомневался, правильно ли поступил в своём решении о Фоне, который был ему просто дорог, не только как самый грамотный человек и личный друг, но и ведущий по его поручению летописи рода. Но вскоре старейшина смирился с таким обстоятельством и перестал терзать свою душу.

Он всегда интересовался окружающим миром, стремился познать этот дикий суровый край. Здесь Лука со своими сородичами не только был первооткрывателем, но и хозяином. И знал твёрдо необходимо увеличивать вотчинные владения, рано или поздно другие пришлые либо государевы служивые дальше пойдут на Север. А места здесь на загляденье были красивые, богатые и зверьём, и дичью, и рыбой, и ягодами, и грибами. Границы владений с южной и восточной сторон были остолблены, и общинная карта-схема была составлена с нанесением речек, болот, озёр, землянок, и маршрутов охотничьих угодий и других особых мест. Лука собственноручно рисовал эту карту на куске холста после того, как сам исходил вместе с товарищами весь маршрут границ юго-восточных владений. Но

за последние два года былая удаля прошла – различные недуги постепенно ограничивали его физические возможности. Было понятно, что участвовать в новой экспедиции ему уже не придётся. На Совете решили снарядить в далекий путь Мосея, Юрия и Тюку, как самых выносливых, крепких, грамотных и хорошо ориентирующихся на местности.

В один из последних августовских дней Лука собрал всех трёх избранных смельчаков и долго давал наставления и указания, что и как должны были сделать при определении северных границ вотчины. Старшим назначили Юрия. Но рабочую карту рисовать поручил своему сыну.

– Ну, а что не успеете в течении месяца, то есть до наступления холодов и снега, отложить можно и на следующий год, – завершил Лука и после паузы добавил: – Да смотрите, ежели встретите людей каких, узнайте кто они, чем занимаются и откуда. От ваших стараний и трудов во многом зависит будущее ваших детей.

Глава 2

Мосей

Через день вся община проводила своих посланников в далёкий путь с единственным пожеланием, чтобы они вернулись живыми и здоровыми.

– Да хранит Вас Господь! – благословил старейшина и троекратно перекрестил каждого перед дорогой.

Все трое, впереди Юрий, уверенно шли привычным размеренным шагом друг за другом, всё дальше удаляясь в глубь тайги. До Светлых озёр, а это примерно в верстах двадцати пяти от деревушки, леса были знакомые, и особого труда не составляло правильно ориентироваться в заданном направлении. Каждый на спине нёс больше чем пудовую ношу, в основном, провиант, помимо личного вооружения: топора, ножа, лука со стрелами и копьё в руке. Через каждые полтора-два часа путники коротко отдыхали. К вечеру они достигли озёр, переплыли на плоту на противоположный берег и там заночевали.

С рассветом, наспех позавтракав оставшимися от вчерашнего ужина зажаренным на костре окунями и вяле-

ным мясом, люди молча двинулись туда, где ещё не ступала нога человека. Во время привалов Мосей аккуратно наносил на берестяные кусочки маршрут движения, отмечая каждый ручеёк, болото, высокий бугор, тип леса и другие особенности местности. Глухаринные, тетеревиные выводки и, особенно, рябчики встречались часто, хотя ягода уродилась местами. Постепенно ельники сменялись сосняками вперемежку с берёзой. В сумерках вышли на большие болота, на горизонте которых чернели пунктиры лесных островков, и сверкали глади озерков.

Устроив короткий отдых, все трое посоветовавшись, решили повернуть налево – на запад, и продолжить путь вдоль болот, а дальше будет видно. По времени за день они прошли около тридцати вёрст, но этого вполне хватало для того, чтобы заслужить долгожданный отдых до утра следующего дня. Выбрав посуше бугорок на краю болота, нарубили лапника и веток, соорудили привычный шалаш и подстилку.

Тихий ветерок разносил с дымом и приятный запах поджаренных тетеревов над костром. Вечерня получилась на славу. Нежное мясо птиц-первогодков люди макали в рассоле и лакомились, запивая оставшейся от вчерашнего дня простоквашей.

После трапезы Тюка укрылся своей накидкой и вскоре уснул. Ночь выдалась прохладной. Юрий подбросил ещё одну толстую валежину, и снопы искр взвились к небу. Сейчас костёр больше потрескивал, потеряв яркость, но горел умеренно. Поразительно, но вездесущие кукши вовсе не боялись костра и буквально, перелетая с ветки на ветку, садились на шалаш или рядом. Утомительный шум тайги иногда заглушало длинное дружное гоготанье гусей где-то на болотах. Юрий, видя, что Мосей ещё не спит, вдруг спросил:

– Мосей, а скажи, где такая жаркая земля Палестина, о которой рассказывал Фоня? Вот, я думаю, если там нет такой тайги, нет зимы и снега, то как же там люди живут?

– Да я и сам не знаю, правда, слышал, что на свете живут разные народы и цветом кожи отличаются тоже и на разных языках говорят, – спокойно отвечал Мосей. – Земля создана Богом и все живые твари, и мы тоже, этому меня мой родитель учил... Я вот многое не знаю, а ведь есть учёные люди, которые обошли весь мир, и тру-

ды написали великие. Но когда-нибудь всё равно я побываю в Великом Владимире, а может и в Великом Новгороде или Московии. — И вдруг захохотал, не веря своим мечтам.

— Ты ещё молодой, неженатый, умный — может, и будешь учёным, — весело вслух отозвался Юрий. Оба рассмеялись, повторяя присказку: «Тешил себя рыбак, да рыбу не поймал, тешил себя охотник, да ни пуха ни пера ему не досталось...» Лишь потом разговор умолк, а после и вовсе негромкий храп доносился из шалаша.

Блеклый рассвет из-за нахлынувших туч предвещал пасмурную погоду. Озябший Тюка проснулся первым и растолкал товарищей. От ночного костра остались только тлеющие угольки, вспыхивающие язычками пламени от порывов ветра. Съёжившись и поначалу с неохотой, все засуетились и натаскали ещё дров.

— Главное, нет дождя, — промычал Юрий, — но ветер переменялся на западный.

Через час путешествие продолжалось. Несмотря на хмурое утро, яркие соцветия листьев осины и берёзы от жёлтого до рыже-красного цветов на фоне зелёной хвои необычайно радовали глаз. Местами на склонах бугров низко свисали большие ярко-красные гроздья рябины. То и дело с шумом и треском тяжело взлетали глухари, уступая людям дорогу. Болото постепенно сужалось, обрастая стеной леса с обеих сторон. А вот и ручей, который начинался из болота, можно и привал устроить. Пока Юрий и Тюка занимались костром, Мосей аккуратно очерчивал контуры южной стороны болота, соединяя помеченные пункты, сделанные в пути, проставляя количество верст.

Но что это? Мосей сразу не разобрался, и тихо окликнул товарищей:

— Смотрите туда, туда, — указывая жестом руки в сторону болота. — Кажись не то волки, не то ещё кто?

Действительно, в саженьях двухстах на противоположной стороне болота из леса одно за другим выходили животные серого окраса. Пригнувшись, люди застыли на своих местах. И только через небольшую паузу всем стало ясно, что это олени. На болото вышло целое стадо из двадцати семи голов. Постояв несколько минут, вожак повёл остальных вдоль болота в сторону востока. Огорчёнными взглядами люди провожали всё дальше удаляющихся оленей.

— Да,— вздохнул Юрий,— не повезло, догнать можно, но добыть — нет, только вспугнём, а для этих копытных болото, как земля родная.

Тут, как назло, и дождь закапал. Пришлось перебраться под ели. Обедали без свежатины, довольствуясь вяленным мясом, ржаными лепёшками, запивали горячим чаем, приготовленным из чаги и брусники. Каждый себе добавлял в чашу по небольшому кусочку лесного мёда, но не больше нормы, какую определял старший. Все относились спокойно и с пониманием к подобным ограничениям. Прошло уже больше часа, а дождь не переставал моросить. Однако решили двигаться дальше на северо-запад. В сумерках наткнулись на бурелом и, пока с трудом одолевали его, стемнело. Ещё через час вышли на большой бугор. Через силу, преодолевая усталость и сырость, почти на ощупь соорудили шалаш под корневищем вывороченной ветром сосны. На удивление опытный Юрий сумел-таки быстро запалить кремнем сухие кусочки бересты, и вскоре огонь весело залясал, освещая вокруг кромешную тьму. От тепла запахло потом, кожей, и клубы испарины поднимались от одежды людей. Не давая себе расслабиться, Тюка лучше разложил лапник, а берестяные короба уложил сзади со спины. Мосей с зажжённым факелом из бересты и с котелком в руке пошёл искать воду. Юрий тихо бранился про себя из-за того, что порвал сапог, задев сучок.

К ночи дождь перестал, но всем было не до сна. Надо было обсушиться и согреться. Тюка долго рассказывал всякие небылицы, в том числе и случавшиеся с ним на охоте и рыбалке, показывал свои способности подражать пению птиц, да так мастерски получилось один раз, что где-то далеко сова откликнулась бу-буканьем на его голос. Тем временем Юрий пришил заплату на сапоге. Восход солнца все трое встретили в полной дремоте. Неожиданно напустившийся туман медленно рассеивался под солнечными лучами. Только остатки ночной прохлады волнами бродили по лесу. Небо постепенно прояснялось. Юрий выбрался из шалаша и осмотрелся. Недалеко у подножия бугра лежали большие каменные валуны, сверху заросшие мхом и лишайником. Подобрал несколько сушинок, он подтащил их к костерку и положил сверху. Затем улёгся поудобней, укрывшись накидкой и сказал:

— Ну, молодцы, пару вздохов можно ещё поспать, а то уж больно горка высока.

Поднявшись на вершину бугра, люди увидели, что возвышенности впереди закрывали горизонт. Обходить их не было смысла, только время терять и силы тоже. После очередного штурма лесной горы наметился пологий спуск, как будто к какой-то реке.

Так и оказалось, они вышли к быстрой порожистой речке шириной примерно в двадцать саженей. Противоположный берег был круто обрывистый, испещрённый светло-жёлтыми каменными отложениями. Удивлённые и очарованные такой величественной красотой смельчаки, сидя, любовались, отдыхая от усталости. Смеркалось, и надо было спешить.

Люди молча брели по галечному берегу вниз по течению. Солнце садилось за деревья, когда дым от костра расстелился над гладью быстрой воды.

Прошло ещё два дня, речка всё текла по направлению на запад. А первопроходцам пришла пора повернуть на юг. Чтобы обозначить границу, установили на берегу столб, на котором вырезали букву «Веди» (В), год и дату. Спустившись в лощину, шедший впереди Мосей вдруг остановился как вкопанный, в десяти шагах прямо перед ним стоял медведь на задних лапах и фыркал. Ничуть не испугавшись, охотник тут же метнул копьё, но зверь успел увернуться, бросившись в сторону. Стрела, пущенная шустрым Тюкой, также не попала в цель, а застряла где-то в густом можжевельнике. Только зад убегающего медведя ещё раз промелькнул меж деревьями, и на этом всё кончилось.

– Убежали клыки, – протяжно и с улыбкой на устах произнёс Юрий.

– Значит, не наши были, – весело отозвался Тюка. – Хитрый косолапый оказался.

Копьё и стрелу быстро отыскали, после чего ещё раз сверили самодельным компасом «маткой» направление и двинулись дальше. Вскоре Мосей и Тюка реабилитировались, показав свою удаль и сноровку, когда влёт каждый из них меткой стрелой поразил по глухарю. Юрию нравилось честное соперничество тщеславных молодых охотников, он при каждом случае старался похвалить обоих в равной мере, хотя по характеру и нраву они были разными.

В одном месте путешественники наткнулись на ключи, бьющие из-под земли, образовавшие целое озеро. С него

начинал своё начало и небольшой ручей, по которому люди продолжили движение. Примечательным являлось то, что попеременно с осиной и лиственницей произрастали высокие пихтовые деревья, придавая воздуху необычайно острый смолистый аромат. Пройдя около часа, люди вышли ещё на одно озеро шириной почти в двести саженей округлой формы. Северный берег был усыпан валунами, а южный – покрыт заросшими болотами. Вода была настолько прозрачна, что не только каждый камушек был виден, но и любая мельчайшая живность. Обойдя вокруг, обнаружили, что озеро проточное, – вытекал из него ручей, но шире, чем впадающий. Судя по всплескам на воде, рыба водилась разная.

– Останавливаться на ночлег не будем, хотя место заманчивое, – предложил Юрий.

Кивком головы его товарищи дали согласие. Путешествие продолжалось ещё три дня без каких-либо особых приключений, разве что Тюка ушиб бедро, свалившись с бугорка. А затем непрекращающиеся дожди двое суток держали людей в ельнике у безымянного ручейка. Все трое успели отоспаться и отдохнуть вдоволь, и молили Бога уговорить капризную погоду.

Только на третьи сутки задул северо-восточный ветер, и небо прояснилось от тяжёлой завесы дождевых туч. Взбодрённые и отдохнувшие люди поспешили, словно боясь куда-то опоздать. Жуткая картина предстала перед ними, когда пересекали прошлогодний горельник: искорёженные, обугленные деревья, сгоревший напочвенный покров и кустарник, остатки обожжённого молодняка навели мрачную тоску. На многие версты тянулись сгоревшие, оголённые, зубчатые бугры. Лишь несколько уцелевших зелёных островков напоминали о былой природной красоте здешних мест. А сотни чёрных стволов деревьев, уставших от огненной стихии, как пики, остались символами борьбы за жизнь.

Темноту встретили в чистом сосняке, где с удовольствием заночевали без назойливой мошкары. К полудню следующего дня путники вышли к речке и стали подниматься вверх – на восток. До дома добирались ещё четверо суток. Вся община с ликованием встретила своих героев. Перед праздничной трапезой все трое держали отчёт на Совете. А за общим столом старейшина произнёс хвалебную речь в честь отважных путешественников. С этого

дня начиналась новая веха в истории рода, ибо была узаконена общинная вотчина «числом 14-го, месяца сентябрь, 1692 года», о чём свидетельствовала полная картина с границами владений с прародительским символом буквой «Веди» (В) и за подписью старейшины.

Спустя неделю в далёкий поход на Печенгу отправляли уже другую группу да не только с ценной пушниной, а впервые с берестяными грамотами, составленными лично Лукой для заключения торгово-обменных сделок с купцами. Это позволяло родовой общине напрямую иметь торговые связи без всяких посредников, а также уменьшить риск от беззаконий, нередко чинимых служивыми на государевых землях. Снаряжённый отряд сначала на лодках добрался до верховья реки, а дальше пешком по известному маршруту. А сопровождающие на лодках обратно возвращались в деревушку. И так было каждую осень. Как правило, домой с грузом посланники приходили до Рождества Христова.

С наступлением холодов осенние заботы завершались и начинались другие, не менее важные: добыча пушнины и мяса. Сезон добычи оленей и лосей начинался с октября, то есть в период брачных гонов. На этот раз удача оказалась переменчивой. Большое количество выпавшего снега в столь ранний период помешало охотникам быстрее и расторопнее организовать загоны в нужных направлениях. Собаки быстро выдыхались и не успевали забежать вперёд животных, а те, в свою очередь, напропалую проскакивали через широкие бреши. Единственным утешением было лишь то, что почти ни одного раненного зверя не упустили. Обычно на второй день догоняли по следам обессилевшего животного и добивали или гнали зверя в обратном направлении, пока последний совсем не обессилит и не рухнет на землю. Освежеванные и разделанные на части туши и шкуры выносили к ближайшей лесной просеке. Такие дороги шириной всего в сажень прорубали и готовили ранней осенью в определённых местах, специально для вывозки на конных розвальнях не только добытого мяса, но и завоза провианта, снаряжения в дальние уголки охотничьих угодий. Каким-то чудом волки не успели воспользоваться заготовленной оленьиной и лосятиной, хотя следы много раз встречались людям. В первых числах ноября вывозка мяса закончилась, в целом, благополучно. Наконец-то, уставшие и замерзшие люди

почувствовали домашний уют и тепло. Особенно тяжело досталось бригаде Мосея. Из разных ям-ловушек они с большим трудом вытаскивали каждую из пяти туш. Их сначала снимали с острых кольев и с помощью верёвок долго извлекали, поднимая наверх. Выносить разделанное мясо в двух случаях приходилось на расстоянии не менее пяти-шести вёрст от просеки. У людей от тяжести жердей, на которые нанизывались куски мяса, жутко болели плечи. Достаточно было совершить две или три ходки в день, как человек уже не мог даже вверх поднять руку от боли. Но, слава Богу, справились без помощи других и сейчас об этом не вспоминали.

В один из вечеров Мосей долго убеждал родителя, чтобы тот разрешил ему на новых землях в северной части вотчины открыть своё угодье. Лука не противился, но и возражал разумными доводами, сводившимися к отсутствию условий жизнеобеспечения в незнакомой тайге.

— Возьму с собой Сергия, с ним за три дня поставим избушку-временку у Больших болот, там у ручья и глина, и камни есть, — доказывал своё Мосей. — Потом плашки и «трубки» изготовлять будем, куницы и выдры наверняка там много водятся.

— Морозы посильнее ударят, и временка ваша тогда не спасёт, — не сдавался Лука. — Потом надо и провианта, и шкуры на лежаки, на нартах вам за раз не сделать такой путь.

— Сколько сможем, сейчас утащим, а как построим избушку, возвратимся домой и опять потащим, — говорил Мосей.

— Ладно, давай попробуем по-другому, — спокойно заключил Лука. — Вам помогут ещё два человека дотащить до места всё, что можно, да помогут ещё и избушку поставить. Завтра об этом со всеми главами семейств поговорим. Всё равно когда-то надо начинать осваивать те края.

Обрадованный Мосей обнял своего родителя и говорил:

— Спасибо, спасибо за добро.

— Но, будет, бесшабашная твоя голова, — ласково произнёс Лука.

На Совете этот вопрос не только решили, но и приняли с одобрением инициативу Мосея, и даже на карте определили примерный участок для охоты. Кроме того, Мосей с Сергием выслушали много разных мудрых и полезных

советов от опытных охотников. На подготовку отвели всего один день, так как погода как раз была спокойная с лёгким морозцем, и дорог был каждый час.

Через трое с половиной суток Мосей привёл людей к облюбованному месту, именно туда, откуда он с Юрием и Тюкой наблюдали осенью за стадом оленей.

Пять мужиков дружным напором за четыре дня поставили очень даже ладную избушку с навесом. На следующее утро трое помощников налегке на лыжах с пустыми нартами отправились в обратный путь. Пока Сергей мастерил «плашки» и «трубки» (орудия лова), Мосей обходил каждый день округу, определяя места установки ловушек. Действительно, белки, куницы, выдры, горностая было много: собака то и дело облаивала то белку, то тропила куницу. Мосей оценил ситуацию: западная часть оказалась гораздо богаче зверьём. За последующие три дня они установили более двадцати ловушек на куницу с разной приманкой. Два раза обнаружили следы рыси и росوماхи. Собака Гунька даже один раз догнала росомаху, но в единоборстве со зверем проиграла вчистую и, скуля от полученных укусов, обратно прибежала к хозяину. А догнать на лыжах зверя по такому снегу было делом бесполезным, и охотники даже не думали реагировать на дальний лай собаки.

Мосей обычно шёл впереди, оборудовал места установки ловушек и делал топором затёски, а Сергей ставил «плашку» или «трубку». Но вот в сторонке звонко залаяла собака. Частый, почти без пауз, лай указывал на то, что это большая птица. Приготовив лук со стрелой, Сергей осторожно направился в сторонку лая. Прошло больше десяти минут, а собака продолжала работать. Большой глухарь, вытянув шею книзу с недовольством «хоркал» на игру собаки, которая, заметив подкрадывающегося человека, перекаtywалась на спине, отвлекала внимание птицы. Сергей два раза пускал стрелы, но промахивался скорее всего от волнения. Однако третья пронзила под крылом красавца, и тот с шумом и хлопаньем рухнул на землю. Хватило двух прыжков, и собака уже с рычанием вцепилась в шею птицы. Старый глухарь тянул на десять килограммов. Тут и Мосей подоспел.

— Ну вот, за наши труды и Бог вознаградил нас таким богатырём, — весело отозвался он.

— Только с третьей попытки завалил, рука дрожала от

спешки, – сказал Сергей. – Молодчина Гунька, отвлекала играючи.

Поискав кругом, только одну стрелу и нашли.

– Ладно, потеря одной стрелы ничего не значит, – замолвил Сергей, – надо успеть ещё «плашку» поставить, а то скоро стемнеет.

Сергей был старшим сыном Никона, младше на два года Мосея, ростом вровень с ним, хотя шире в плечах, особенно отличался изобретательностью. Его пушистая, небольшая тёмно-рыжая бородка всегда вызывала улыбку, а глаза всегда блестели. Характером был покладистый и, в отличие от некоторых сверстников, никогда не ссорился с Мосеем, и всегда старался быть похожим на своего товарища. Грамоту, правда, знал плохо – не хватало выдержки и стараний, особенно пренебрегал заучиванием молитв. Но всегда был справедливым и честным, что-то было в нём притягательное. Всегда что-то изобретал и мастерил. Даже стрелы его были самые бесшумные в полёте. Недавно он изобрёл трёхрядную звуковую дудку, но, правда, все посчитали это за игрушку для малышей, и никто не придавал особого значения. Но изготовленная рыболовная мушка пользовалась большим успехом у всех, недаром прозвали «Сергиевой мухой». Вот и сейчас вечерами он пытался смастерить другие ловушки, но не получалось так, как хотелось, и он даже высказывал Мосею мысль о железных обручах.

А погода совсем остервенела, морозы достигали более двадцати градусов ниже нуля. Отдельные дни охотники отсиживались в избушке. Промысла было немного – семь куниц и один соболь, что очень редко бывало. Почти месяц прошёл с момента их пребывания на новом месте. Мосей нервничал и было отчего – через пару недель завершится декабрь и надо будет возвращаться домой. А тут, как назло, два раза плашки подвели, да ещё в рысь два раза промахнулись стрелами, хотя и легко ранили. Но вот как-то, проверяя ловушки, наткнулись на свежую тропу оленьего стада. Мосей тут же распорядился, чтобы Сергей придерживал собаку, а сам налегке побежал вперёд по следам. Через три часа он догнал стадо, успел вовремя обойти и сейчас выжидал. Животные появились в ста шагах, но проходили параллельно от него. Мосей снова осторожно сделал круг и притаился совсем на краю небольшого болота. Вожак, ничего не подозревая, двигался

почти прямо на него. Олени узким клином приблизились почти на расстояние в десять сажений и, почему-то, остановились, озираясь по сторонам. Этой паузы хватило, чтобы два раза прицельно пустить стрелы. Уже вдогонку ещё одна стрела догнала очередную жертву. Один олень пробежал ещё примерно шестьдесят сажений и рухнул. Ещё два уже двигаться не могли и брыкались на одном месте. Возбуждённый охотник на лыжах быстро добегал до каждого подстреленного оленя и пускал кровь, перерезая ножом горло. Отдышавшись, начал освежевать каждого зверя. Через часа полтора подоспевший Сергей, увидев такую картину, аж крикнул:

– Господи, Мосей, ну ты даёшь, ну молодец!

Не переставая удивляться, он помогал разделывать туши и продолжал хвалить товарища.

Нарты были одни, поэтому, загрузив одну тушу, Мосей опоясался ляжками и потащил вперёд. Сергей окликнул товарища:

– Постой, Мосей, я положу своё оружие в нарты.

Затем снял пояс, обвязал за голени неразделанной туши и пыхтя, закинул на спину её целиком.

– Ну вот, сейчас можно и двигаться, – заключил Сергей.

– Смотри, не надорвись, – отреагировал Мосей. – Как тяжело будет, оставь в пути, всё равно ещё раз придётся возвращаться.

– Посмотрим, может и не донесу, – спокойно сказал Сергей. Путь предстоял не очень далёкий, напрямую около пяти верст. Через каждые полтора версты отдыхали, переводя дух. За версту до избушки Сергей отстал, а Мосей, оставив нагруженные нарты, запрягся другими и пустился в обратный путь.

Уже стемнело, когда запыхавшийся и весь в инее Мосей притащил последнюю ношу. Сергей готовил пищу из свежатины. В протопленной избушке было тепло и светло от горящих лучин. Мосей, весь мокрый от пота, разделся до рубашки, развесил накидку и штаны, бахилы на палках прислонил к стене около печки, а потом распластался на лежаке, тяжело дыша. Да, сегодня ему досталось, и труды выпали, и, главное, – удача. Вечерять уже не осталось сил. Сергей снял котёл с печи и тоже улёгся рядом со спящим товарищем. Через минуту сон и его победил. Тёплый дымящийся запах варёного мяса долго ещё витал над головами спящих людей и собаки.

Спустя пару дней подул юго-западный ветер, да так, что лес выл и шумел, осыпая с ветвей снежную одёжку. Потеплело немного, а значит, нужно поспешить совершить обход угодья длиною семнадцать верст в округности. Положив три заготовки для ловушек в нарты, охотники быстрым ходом устремились по старой лыжне вслед за собакой. Первые три плашки были пусты, хотя куница в двух случаях трогала приманку. Такие «осечки» бывают, когда сторожок обледенеет, и ловушка не срабатывает. Ещё в нескольких местах ловушки присыпало снегом. Но всё-таки три зверька попались к радости охотников.

Дни проходили, ничем не примечательные, обычные в привычных трудах. Добытая пушнина прибавилась ещё на четыре шкурки. Через день охотники наметили возвращение домой. Оленину кусками подвесили на верёвках под навесом в прихожей избушки накануне дня ухода, а очищенные от мездры и прожилков скрутили в трубки.

В одну из плашек недалеко от избушки в последний день попался лис, когда он был ещё живой, собака успела придумать его. Путь домой начался неожиданно трудно. Сергей топором рубил дрова из сушины, как от сучка соскользнул топор и задел стопу. Крови было много, хотя тугая перевязка, сделанная Мосеем, не только прекратила её, но и частично заглушила боль, рана была присыпана толчёной сушёной зеленью из лечебных трав. Несмотря на боль, Сергей аккуратно двигался по лыжне, приподнимая правую лыжу без натуги. На вторые сутки ходьбы нога в стопе опухла так, что пришлось бахилу разрезать в области щиколотки. Опираясь на копьё, Сергей двигался размеренно своим шагом. Через пару дней поднялся жар от воспаления раны, и идти приходилось через силу. Мосей подбадривал своего товарища, как мог, но понял, что тому не дойти своим ходом. После долгих уговоров Сергей согласился лечь на нарты, и Мосей потащил необычный груз. Медленно и тяжело они двигались на юг, изредка поглядывая на компас. Когда вышли на реку, оба поняли, что в течение суток доберутся до дома. Так и случилось, на следующий день Мосей и Сергей встретили своих сородичей в трёх верстах от деревни, которые помогли добраться до дома на конной повозке. Добрая бабушка Огра через неделю вылечила пораненную стопу Сергея, который, опираясь на палку, уже выходил на улицу. Кто раньше, а кто позже возвращались и все ос-

тальные охотники с других угодий. Трофеи были не ахти какие. Всего набралось пушнины: сорок три куницы, два соболя, семь выдр, две рыси, пять лис, а три оленьи шкуры определили для шитья обуви. Но самым важным и волнительным событием явилось возвращение с Большой земли главных посланцев, в аккурат за два дня до Рождества Христова. Ребяшня, первая заметившие на реке четыре конные повозки, громко крича на весь двор, зазывала взрослых скорее пойти на берег. Люди, наспех набросив на себя шубы и малицы, бежали к реке. Кто-то, надев лыжи, побежал первым навстречу санным повозкам. Доспешие на родину люди неуклюже сходили с саней. Все девять человек, обросшие, некоторые обмороженные, поднимали руки вверх, обнимали встречающих, кричали, плакали, целовали жён и детей своих. Трудно передать словами, что чувствовали и переживали эти люди, но радость на изнеможённых и почерневших лицах говорила только об одном — они дошли, они дома!

Наконец груз выгрузили в общинный амбар, лошадей распрягли и водворили в общий хлев, люди разошлись по избам. Только собаки во дворе всё ещё продолжали бегать и лаять, как бы извещая округу о возвращении домой своих хозяев.

Через день состоялся расширенный Совет у старейшины, на котором присутствовали только мужчины. Изба еле вмещала всех приглашённых. Турья и другие участники похода долго рассказывали о своих приключениях и торговых делах, о стычке с разбойниками на обратном пути, о помощи чужим людям, на которых напали волки. Много интересного и разных новостей услышали сородичи в этот день. Но были и другие, более серьёзные и важные сообщения, о которых поведали походники только членам Совета общины, как и полагалось правилами.

— Не всем посадским государевым людям нравится вольная жизнь родовых общин, — тяжело говорил Турья. — Я с Фоней говорил с воеводским человеком, который грамоту воеводы показывал о поплинах непомерных да контроле над используемыми землями.

— А как же это понимать? — спросил у Турьи Серафим.

— Да я и сам не знаю толком, — отвечал Турья. — Только мне показалось, что это личные прихоти тамошнего воеводы, уж больно он жаден и немилостив, ходят среди людей такие слухи о нём.

– Ещё один купец из Московии послание, батюшка, тебе написал, на пергаменте, – продолжил Турья. – Очень интересовался разной пушниной, особенно куньими да медвежьими шкурами, даже готов после твоего согласия приехать сам со своими людьми за товаром, да, вобщем-то, там на бумаге написано.

– Эть! Какой шустрый! – заговорил Лука, прочитав послание. – А предлагает-то ненужный товар, пусть подождёт покамест. А насчёт прыти воеводы и о непомерных пошлинах, то я против его воли, пусть сам, если захочет, к нам приезжает и посмотрит, как мы живём и трудимся, а радеть его прихотям, нет надобности, – высказался Лука. – Аль у кого-то есть другое мнение?

– Нет, другого быть не может, согласны, – все поддержали старейшину.

– Торговать будем, но по-честному, – заключил Лука. – Знали бы купцы и воеводы, с каким трудом достаётся каждый зверь, какие страдания испытывают наши люди. А коль мы вольные от Бога, то и терпение должны сохранять должным образом.

Затем Фоня похвастался привезённым пергаментом да Библией в кожаном переплётё. Потом гурьбой пошли в амбар. Из мешков достали ткани льняные, парчовые лоскуты, даже несколько бус из бисера. В конце осмотра Турья вручил главный подарок старейшине – кремнёвое ружьё из трёх приобретённых.

– Уж больно дорогие, но не поскупились, – жаловался Турья. – А это пороховницы из меди, и свинец есть, правда не очень много, и стреляет ружьё хорошо.

– Ну, братья, велик подарок, – чуть смущенно, но с нескрываемой радостью благодарил Лука. – Спасибо, добрейшие, за честь.

– Кажется, железа маловато привезли, но соли должно хватить, – на ходу говорил Лука. – Но всё же молодцы, доволен братья мои, доволен вашими стараниями.

На следующий день все праздновали Рождество Христово. Лука не скупился, каждому подарки раздавал лично. Женщинам достались парчовые лоскутки одинаковой длины, нарезанные заранее, для них такие подарки были самыми желанными, о чём говорили радостные лица. За общим столом Лука выставил бочонок ржаной бражки и не поскупился на хвалебные речи своим дорогим сородичам.

Дотемна продолжались игры на дворе вокруг большого костра, несмотря на колкий мороз.

После праздников Мосей со своим дружкой Тюкой и с любимой собакой Гунькой вновь отправился в уголье на промысел. Старая лыжня держала хорошо, хотя немного была припорошена снегом. На полпути к избушке наткнулись на свежие следы двух крупных волков. По величине отпечатков следов ясно было, что это – самец и самка. Бедная собака, чуя опасных зверей, ни на шаг не отходила от хозяина. Волки преследовали охотников, но держались на дистанции пятьдесят – сто саженей. Во время ночлега у костра Мосей с Тюкой дежурили поочерёдно, а преследователи, наоборот, то приближались в темноте, то выли поодаль. Такая наглость матёрых особенно раздражала Тюку, который со злости ругал их всякими словами на чём свет стоит. На следующий день охотники благополучно добрались до избушки и свободно вздохнули. Разгрузив нарты, пока было светло, Тюка сделал небольшой круг и прошёлся по лыжне, – следов волчьих не обнаружил. После ночного отдыха в тёплой избушке всё-таки перед уходом в тайгу Мосей снял с бечевки из прихожей куски оленины и занёс во внутрь, подальше от греха. И, оказалось, не напрасно. Вернувшись вечером, люди обнаружили не только натоптанные круги вокруг избушки, но и усердные попытки хищников лапами сделать подкопы у стен, изгрызенный край дверцы, и хорошо, что окошко было закрыто ставней.

Неожиданно возникшая ситуация оборачивалась беспокойством охотников уже не на шутку. Весь вечер с угрюмыми лицами Мосей и Тюка думали, что придумать, чтобы каким-то образом дать отпор волкам. Наконец, выбрали вариант с загоном. С утра из вырубленных кольев сделали невысокую округлую сквозную изгородь, в центре которой на вбитый кол привязали кусок оленины, а напротив установили лук с натянутым пучком из трёх связанных стрел. Протянутая от приманки и привязанная к тетиве тонкая верёвочка служила сторожком.

Потратив почти полдня времени, охотники поспешили на маршрут. Смеркалось, когда люди осторожно подходили к избушке. К радости, ловушка сработала, колья были разворочены, пятна крови и клочья серой шерсти на разрытой площадке говорили о том, что зверь скорее всего ранен. Глубокая снежная борозда со следами крови

уходила в глубь леса. Под вечер преследовать смысла не было и охотники вернулись обратно.

— Ну вот, получил злодей своё, — радовался Тюка, — больше не захочет нос совать... Жаль, что и приманку утащил с собой.

— Чтоб тебе околеть! — погрозив кулаком в сторону уходящей тропы, добавил Мосей. И, действительно, прошла уже неделя, а волки больше не появлялись. В один из дней, прямо около лыжни собака облаяла куницу на старой сосне. Пришлось срубить дерево, так как зверёк находился внутри в прогнившем канале ствола. Постукивая тихонько топорами от комля до вершины, Тюка выманил рукавицей вцепившегося острыми зубами зверька и голой рукой цепкой хваткой снизу придушил его. Такое редко случалось, но и на этот раз умение и сноровка не подвели охотников. А через день ещё одну куницу выкурили дымом из-под валежины, где уже опытная Гунька отличилась, одним броском настигнув зверька и вмиг придушив его. Следует учесть, что не каждой собаке удаётся поймать куницу. Зверь может так «обидеть» ловца укусом за морду, что у того тут же пропадает всякое желание повторить свое нападение. Только специально натасканные собаки могут безболезненно побеждать ловкого «противника». За десять дней охоты добыча составила шесть куниц и один соболь, да еще два зайца и три глухаря.

Чтобы не терять дни, решили отправиться вниз по ручью, разведать западное направление. Ручей впадал в озеро длиною в полторы версты. Водоём где-то наполовину не замерз, и над водой от мороза клубился пар. В середине озера играли большие водовороты, обдавая обледеневшие берега небольшими волнами. Таких мощных ключей Мосей и Тюка никогда и не видели. Удивлённые чудным явлением они молча постояли на берегу, вглядываясь в необычные волны. Из озера ручей вытекал во много раз шире и глубже. Местами по руслу тянулись узкими ленточками промоины. Тропы, проложенные выдрами по берегам, то исчезали в лунках, то вновь появлялись за поворотом. Скоро берега совсем перешли в крутые склоны лесных бугров. Дальше идти вперёд время не позволяло, и охотники повернули обратно. По пути выбранные места для ловушек и сам маршрут отмечали затёсками. Следов россомахи и лисы встречалось больше, чем куньих, а значит и плашек покрупнее следовало изготовить. Весь сле-

дующий день потратили на конструирование орудий лова, более массивных и тяжёлых, чем обычные.

С момента их установки не прошло и двух дней, как ударили крепкие морозы, ночью даже огонь в печке постоянно приходилось поддерживать. Вокруг от холода всё трещало, и стоял стойкий туман.

– Боже мой, всё-таки придётся бока память несколько дней на лежаках, – говорил Мосей. – Хоть бы дров хватило.

– Должно хватить, если что, сходим за сушиной, здесь недалеко, я заприметил, – отозвался Тюка. – Жаль другое, сторожки примёрзнут, вот тогда будут дела.

– Я всегда раньше думал, что когда морозы крепкие, – продолжал Тюка, – как же дичь под снегом не замерзает, сидя там по нескольку дней и не питаюсь ничем? Ладно, у зверья мех тёплый да жира хватает – это понятно, а у птиц совсем не так, им летать нужно.

– Да, птица, конечно, намного хуже, некоторые замерзают и дохнут, – говорил Мосей. – Я сам замечал, особенно рябы.

– Сейчас мы сами были бы как рябы, если б не избушка да огонь, – рассмеялся Тюка в ответ. – Но главное, мы существа, Божьи создания, самые развитые, умные и умеющие творить. Жаль только одно – не умеем летать.

– А, может быть, когда-нибудь люди научатся летать, как птицы? – с оживлёнными глазами продолжил Мосей. – А почему бы и нет, приделать крылья большие и хвост веером прикрепить сзади и...

– Ха-ха-ха, – опять громко засмеялся Тюка. – Вот ты полетишь, а тебя ветер унесёт куда-нибудь в облака и будешь святым...

– Хватит гоготать, лешего разбудишь, – сам, улыбаясь, просил угомониться его Мосей. – Давай лучше чулок свой заштопай, а то пальцы через бахилу вылезут.

Долго ещё болтали и смеялись над своими фантазиями два друга, пока оба не уснули.

Продрогший от холода первым проснулся Мосей. Весь съёжившийся он растолкал своего товарища и принялся растапливать давно потухшую печку. Однако Тюка не нашёл в себе силы подняться с лежака, что-то пробурчав себе под нос, укрылся с головой накидкой, свернувшись в «калачик». Когда дрова разгорелись, Мосей полностью открыл дымоход и откинулся на лежак. Одна лишь собака не показывала никакого беспокойства, а продолжала

лежать клубком около печки, изредка поглядывая на хозьяина. Яркий огонь жёлто-красными бликами освещал тёмные стенки и плавно «раскачивал» толщу дымовой пелены под потолком. За окошком медленно брезжил холодный рассвет.

Всё бы ничего, но на восемнадцатые сутки пребывания в глухой тайге какая-то внутренняя тоска по родному дому начала одолевать обоих охотников. То ли усталость, то ли проклятые морозы, то ли одиночество смущало души, но наступала апатия ко всему. Пропал и аппетит, и азарт к охоте. Даже добытая с большим трудом россомаха, которая вырвалась из ловушки и, пройдя версты четыре с переломанными задними лапами, залегла под валежиной, где и стала трофеем, – не прибавила большой радости усердным промысловикам. Они не жаловались друг другу, но по глазам было нетрудно угадать непривычное состояние каждого. Такое бывает, когда занимаешься одним и тем же делом долгое время в одних и тех же условиях. Потратив ещё пару дней на обход уголья, чтобы снять ловушки, Мосей и Тюка приготовили всё необходимое, снарядили нарты и ранним утром следующего дня отправились в обратный путь домой. Как будто появилось второе дыхание, несмотря на довольно холодную погоду, они скользили на лыжах бодро и уверенно. Труднее было собаке, которая часто проваливаясь в снег, бежала по лыжне сзади них.

Одержимые мыслями о скорой встрече с родными, эти люди мужественно покоряли и усталость, и холод, и стужу, и трудные версты далёкого пути.

Год спустя с небольшим в мае месяце сразу после Пасхи Мосей обвенчался с Люлей. Ни для кого из сородичей такое событие не было неожиданностью. Молодые друг друга знали давно и несколько лет готовили себя к этому торжественному моменту, заранее зная, что родители обеих сторон ничего против не имеют. До августа молодая супружеская пара жила у Луки, а потом перешла в свою новую избу. Так началась самостоятельная жизнь Мосея. К этому времени его родители, старейшина Лука, утомлённый частыми болезнями, сильно сдал здоровьем, а к зиме и совсем слёг.

Будучи ещё в здравом уме, он распорядился собрать Совет общины и объявил старшего сына правопреемником и просил членов Совета утвердить Мосея старейши-

ной. Утверждение на Совете было по большей части формальностью, но того требовала установившаяся ранее традиция. Никаких возражений не поступило ни от кого, и только прослезившиеся глаза верных друзей печально смотрели на дрожащую руку своего отца-благодетеля, когда тот медленно выводил свою подпись на пергаменте. Все понимали, что Луке осталось жить недолго. После торжественной клятвы, произнесённой Мосеем у священного столба перед сородичами, те поклоном ответили ему и молча разошлись по избам. Ещё через месяц вся община проводила в последний путь любимого Луку. Он умер, когда ему было всего сорок пять.

Глава 3

Испытания

Август 1699 года выдался сухим и тёплым, когда в семье старейшины родился третий ребёнок – дочь, назвали Феней. Первенец – сын Лука, названный в честь покойного деда, четыре с половиной годика от роду, рос светловолосым кудряшом, на год младше его – дочка Марфушка, вся была в маму – тёмно-русые волосы, большие глаза, курносенькая. И теперь ещё одна дочка своим появлением на свет принесла большую радость в дом. Мосей всю ночь не спал, волновался за жену, у которой начались схватки, и только к утру всё разрешилось благополучно. Старушка Огра, принимавшая роды, успокоила старейшину, что всё прошло хорошо и девочка здорова. Народ уже томился у дома, когда счастливый родитель бережно на руках вынес завернутое в серую тряпицу дитя на крылечко и поднял над головой. Толпа радостно заулюкала и встретила поклонами и громкими поздравлениями.

Праздество продолжалось весь день, так как все работы были отменены, кроме хозяйских забот на личном подворье. При делах оставались только мальчишки, которые пасли коз и лошадей на окраине деревушки. Малышку нарекли Фроськой.

Через несколько дней Люля, ещё слабая, уже хлопотала по хозяйству. Мосей вместе со всеми с утра до позднего

вечера пропадал на дальних сенокосах. Страда завершалась, и все мужчины торопились уложить последние стога и огородить их, пока дождей не было. Часто вечерами приходила в гости старушка Огра, помочь молодой маме по уходу за детьми, да чтобы уберечь их от разных болезней. Хотя в доме всегда хлопотала по хозяйству матушка Люли, любимая свекровь, такая опека и забота была естественной и понятной для всех окружающих. В общине среди семей царило почтение и уважение друг к другу, несмотря на случавшиеся ненужные ссоры. Порой глава какой-нибудь семьи нет-нет да и «учил» кротости и послушности свою жену тумаками, но об этом, как правило, никто не судачил и «сор» из избы не выносился.

Жизнь в общине протекала по своему устоявшемуся календарному кругу. Лишь неожиданная непогода могла вносить свои изменения в планы обитателей. Каждый месяц имел свое назначение: после сенокосной страды начиналась уборка урожая, а с наступлением заморозков в сентябре занимались рыболовством и добычей боровой дичи; в октябре промышляли лосей и оленей; в ноябре почти вся добрая мужская половина отправлялась в тайгу на пушнину... И так из года в год.

Однако, кроме всех прочих забот, Мосея беспокоило совсем другое. В прошлом походе на Большую землю приходилось ему от многих людей слышать об учёте вольных зырянских общин и их имуществвах, а также об образовании новых поселений на Северных землях по указу самого царя Российского. Не выходил из головы и недавний разговор с Вашкинскими охотниками на берегу Большой реки, от которых он и его товарищи узнали об экспедициях государевых людей в эти края.

— Чай, грядут перемены, — сидя у окошка на лавке, про себя размышлял Мосей. — К худому аль доброму?

Действительно, трудно было предполагать, чего ожидать в будущем.

— Ведь главное, вольная жизнь и без того тяжелейшая вряд ли слаще мёда будет, хотя, — почесав свой лоб, подумал он, — Бог не даст в обиду.

Очередной поход на Большую землю завершился только перед крещенскими морозами. Пожалуй, он стал не только самым трудным, но и трагичным. Потеряли в пути одну лошадь, которая сломала переднюю ногу и, поэтому, пришлось пустить под нож. Тяжело заболевшего Григо-

рия вынуждены были оставить на милость Божию в далёком пермском селении у знахаря за пять шкур выдры. Да и двое посланцев заболели неведомо какой хворью. И заветных товаров доставили немного. Несмотря на привычные заботы и дела, что-то тревожное поселилось в души людей. Потянулись тягучие дни и недели. Через месяц заразная болезнь свалила с ног ещё четверых. Вскоре двое умерли, несмотря на все принимаемые усилия и чудодействующие отвары из лекарственных растений.

На очередном Совете Мосей выглядел взволнованным и несколько растерянным. Настроения участников выражали нервозность, и разговор не клеился. Старейшина с грустью читал в их глазах явную тревогу и страх. Однако, он сам не знал, что делать. Главы семей предлагали самые разные варианты, как избавиться от страшной болезни. Согласились на том, что всех больных надо изолировать от семей в отдельную избу и таким образом их попытаться излечить снадобьями, упоая на милость Божию.

— Если мы так не сделаем, то мор не пожалует никого из нас,— такими словами завершил Мосей и поставил точку в тяжелейшем обсуждении.

Сильные духом люди, каждодневно переносившие тяготы и лишения, не впали в отчаяние, а молча и терпеливо боролись за своё выживание. Мосей, как мог, старался подбадривал каждого. Сам неустанно трудился вместе с другими мужиками и, возможно, больше всех переживал за будущее. Казалось, эпидемию удалось обуздать, но ещё две невинные души покинули земной мир, так и не встретив весенних оттепелей. Люди с нетерпением дожидались схода снега, чтобы потом окончательно определиться: покинуть обжитое место либо остаться жить дальше. Об этом думал каждый, и каждый надеялся выжить.

В апреле, как назло, припасы заканчивались, особенно зерновые. Хорошо, на двух глухариних токовищах удачно поохотились молодые охотники. Трофеев добыли больше двух десятков, в основном, на силки. Обитатели общины, занятые нехитрыми ремёслами, торопились встретить очередную долгожданную весну в полной готовности.

Как-то ранним утром Тюка и Никола по твёрдому насту спустились по реке к Большому омуту, где перемышки-ловушки были устроены на налима и щуку. Появившиеся забереги разливались на излучинах, и Никола постоянно окликал собак, когда те подбегали к открытой

воде. Короткие камусовые лыжи легко скользили по искристому хрустящему снегу. Озорной морозец щипал нос и щёки. Красное солнце поднималось из-за леса, окрашивая лучами верхушки деревьев и дальний горизонт. Добравшись до места, молодые люди умело и ловко отбили пешнями лёд и вытащили колья из воды. Подняв вентеря, вывалили рыбу на снег, радуясь улову. Как раз в это время одна из собак притащила к хозяину не весть откуда кусок свалывшейся шкуры.

Тюка, отобрав из собачьей пасти находку и рассмотрев повнимательнее, поделился вслух со своим товарищем:

– Посмотри – да это же рваная шапка из Выдриных спинок с ушами. Странно, интересный пошив с двойными узлами крестиком, таких мы не шьём. Давай обойдём местечко. Вон там!

Пройдя по еле заметным следам собаки, оба обогнули склон, затем среди елей почти у самого берега заметили обветшалый навес из прошлогодних сухих ветвей.

Подойдя поближе, рыбаки увидели страшную картину: человеческие останки в позе клубка с остатками сгнившего козьего полушубка, наполовину засыпанные снегом, покоились под деревом. Шест от копыя со сломанным концом торчал сбоку от комля.

– Господи! Это человек! Откуда он? – залепетал взволнованный Никола. – Свят, свят, свят! Сохрани наши души! Пошли отсюда, Тюка, нашим сообщить надо.

Позже четверо мужчин на нартах перетащили останки «чужака» до ворот общины. Мосей лично осматривал обнаруженное содержимое в кожаном кошеле: истлевший кусок пергамента, нательный медный крестик, и в придачу топор и копьё. На следующий день мужчины захоронили останки безымянного христианина чуть в сторонке от общинного погоста. Понятно, что подобный случай никак не мог прибавить бодрости. И всё же Мосей думал совершенно о другом, нежели его товарищи.

– Если этот незванный незнакомец добрался до наших мест, значит где-то есть и другие селения и, наверняка, не ахти как далеко, – размышлял про себя старейшина. – Скорее всего тоже у реки. Точно – у Большой реки! Жаль, что пергамент не сохранился. С чем он шёл, бедняга, одному Богу известно было.

Время шло, а роптанье среди сородичей продолжалось. Больше всего угнетала атмосфера страха и неуверенности.

Каждый держал свой «камень» в глубине души, хоть и не показывал.

Причём, из трёх оставшихся тяжело больных до ледохода не выжил никто. На том и закончилась эпидемия. Дорогой ценой заплатили ирвинские обитатели за своё будущее. За зиму потерять семь человек – это трагедия. В двух семьях отцов заменили старшие сыновья.

В конце мая после посевных работ по решению Совета отправились в дальнюю экспедицию на Большую реку Тюка с Некой и Юрием. На двух новеньких «долбленках» с благословения старейшины и под поклоны своих земляков трое отважных с восходом солнца отчалили от родного берега. С собой они везли письменное послание Совета ирвинской общины, обращённое ко всем жителям Большой реки о налаживании добрососедских отношений и торговых связей. Впервые шаг в сторону от устоявшейся традиции обособленности был сделан велением времени и обстоятельств. Мосею всё-таки удалось убедить других, что «в одиночку выживать из года в год не только тяжело и опасно, но, главное, такое положение не имеет будущего». Последние события, связанные с эпидемией, явилось тому свидетельством, да частые неурожаи сколько раз ставили всех на грань вымирания. Весомые доводы убедили глав семейств в правильности принятого решения. Риск перед неизвестностью оставался. Возникало много вопросов: с какими людьми налаживать отношения? кто они – друзья или враги? Однако выбор состоялся, и сейчас всё зависело от трёх посланников, на которых была возложена хоть и опасная, но благородная и ответственная миссия. Среди подарков Мосей от себя дал ожерелье из медвежьих клыков и напутствовал Тюке «подарить его в знак уважения главе самого большого селения, а значит, самого богатого». Перед экспедицией Мосей принял участников у себя в избе и после трапезы дал наказ составить схематический маршрут движения вверх по Большой реке.

Так начинался новый отсчёт исторического времени, вряд ли ирвинцы совсем недавно предполагали о таких переменах. Теперь они жили надеждами и молились о скорейшем возвращении сородичей с добрыми вестями.

Не прошло и трёх недель, как путешественники вернулись домой. Усталые, закопчённые, но радостные лица говорили о некой удаче и отнюдь не предвещали разочарованием. То о чём рассказали посланники, явилось от-

крытием и неожиданностью. Оказывается, в верховье Большой реки, что в пяти днях подъёма, основано поселение пришлых – «чудских».

– Люди они русые, рослые, языком отличные, хотя и наш разумеют. Оружия разного много. Огненная кузня есть и много лошадей и коз. Одежда лучше и шапки меховые с наплечниками. У Главы крест на груди и медальон. Ведаёт грамотой Великого Новгорода, – сбивчиво и непоследовательно говорил Тюка.

Затем поправляли и дополняли рассказ Юрий и Нека:

– А ещё собаки лохматые, грозные. Лодки как баркасы, есть и пироги – «долблѣнки». Соль добывают на красном болоте. Места богаче, чем наши. Вообще, вроде бы степенные, но воинственные. И грамоту как послание передали для тебя, наш Родитель. Причём, как подарок дали поровну зерно, соль, холст и, главное, железный котёл. Осеню готовы с нами встретиться.

Любопытство присутствующих не иссякало, и каждый старался спросить о самом разном.

Бойкий на язык Нека усердно, жестикулируя руками, яркие кокошники женщин, украшенные бисером, короткие широкие мечи на поясах мужчин, барабаны, обтянутые кожей, горны и дудки-свистульки...

С удивлёнными глазами, взбудораженные люди бурно реагировали хлопками ладоней и даже улюлюканьем, слушая дивные прерывистые рассказы.

Всё бы ничего, но каждый понимал, что их доля гораздо тяжелее в сравнении с «чудскими» обитателями.

Возможно, кто-то в глубине души скрывал свою зависть, а некоторые открыто восхищались, задаваясь вопросом. А тут ещё и Нека нечаянно выпалил:

– Эх! Приняли бы они меня к себе, пожил бы власти!

Сразу возникла пауза. Однако Мосей не рассердился, а просто спокойным голосом, улыбнувшись, произнес:

– А что! Вот сладим с ними и не хуже их будем жить, и будет вдоволь того, чего сейчас не хватает, и огненную кузню построим, и шелковые рубахи носить будем, а пока строить нужно да детей растить.

На том и разошлись по избам. Солнце клонилось к закату, и только лай собак разрывал тишину летнего вечера.

Как-то в один из дней Тюка завёл странный разговор с Мосеем. А тот никак не мог уразуметь, что его друг хочет

сказать. Наконец, почесав короткую, но аккуратную бороду, выдохнул и прямо заявил:

– Дорогой мой, Мосей, я тебя давно знаю и почитаю, я верно и честно трудился на благо всех, а теперь хочу покинуть с семьёй родное селение, перехожу к «чудским».

Мосей оторопел сначала, но тут же резко обронил короткую фразу:

– Не позволю род позорить!

– Прости меня, но я решил... – тихо произнес Тюка.

– Покинуть свой род – это великий грех перед памятью предков и перед Богом. Пусть люди решат, а твоё сердце пусть подскажет правильное решение, – закончил разговор старейшина и отошёл в сторону.

Не находя себе места, Мосей долго сидел на берегу. Он мысленно обращался к отцу и просил совета у него. Душу раздирало от обиды и боли, ведь речь шла о его закадычном друге. Он никак не мог понять истинную причину намерений Тюки. А если другие захотят покинуть общину? Он и себя винил в сложившейся ситуации, ибо считал, что где-то допустил просчёты.

Через день у священного столба собралась вся община. Мосей с трудом объявил роковую новость и предоставил слово Тюке. Люди молча выслушали последнего и разделились во мнениях. Часть присутствующих осудила решение Тюки, часть высказалась за свободный выбор, а остальные, то есть большинство, промолчали. Ситуация разрешилась после слов старейшины:

– Пусть Бог будет ему судьёй. И все поняли – отпустить с миром и есть «соломоново» решение, окончательное и бесповоротное. Не поднимая глаз, Тюка низко поклонился всем до земли. Его жена в длинном сарафане, обливаясь слезами, вместе с двумя детьми также распрощалась поклонами. Наватра семья Тюки покинула навсегда родное «гнездо».

Через два года Тюка провалится под лёд и утонет. А жена и дети проживут долгую жизнь в далёком «чудском» селении.

Глава 4

Благословение

Последние семь лет не прошли даром. Много изменилось в укладе жизни, но традиции ирвинцев бережно сохранялись.

Селение обрело другой облик. Уже более десятка жилых изб, не считая хозяйственных построек, компактно, полукругом красовались на берегу реки. Обновлённая высокая изгородь светилась острыми пиками, очерчивая границы деревушки.

Давно уже ушли в мир иной бабушка Огра, мать Мося – Гуля, славный грамотей Фоя. Уже два года прошло, как пропали Никон со своим сыном Сергием, которые уехали на Вашку с пушниной, да так и не вернулись.

– Да, когда-то Мосей обещал, что будем носить шёлковые рубахи – и теперь носим, построим огненную кузню с мехами – построили в прошлом году, купцы сами стали заезжать к нам! Где это видано! Казённые люди нас почитают! – горделиво хвастал седой Турья, сидя на лавочке с малолетними детьми. – Учитесь детки, ума-разума набирайтесь и милость Божью принимайте на благо родной земли. Вот жил когда-то Фоя, грамотный и умный. Он и меня подучил азбуке. Правда, мне некогда было, да не стал вникать.

Детки облепили деда и смеялись, когда кто-то дёргал за длинную бороду. Но стоило Турье зыкнуть, как все притихли.

– Ах, птенцы. Вам бы баловаться. Счастливые, вы, шалунишки, – продолжал разговаривать дед. – Ладно, пора и честь знать. Пойду схожу на кузню.

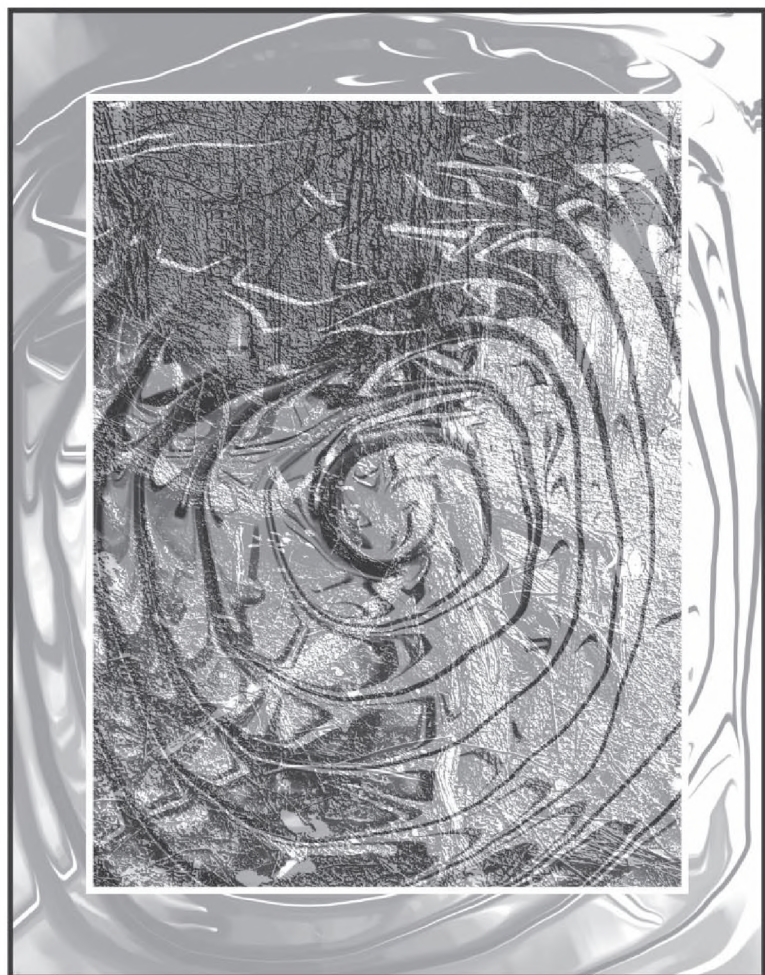
Хромая на повреждённую ногу, Турья поковылял в сторону дымящейся полуземлянки. По пути встретились с Мокой, который шёл от смолокурни с туесом дёгтя. Разговорившись, оба обсудили вопрос о венчании своих детей, младшеньких Нила и Люли, но уже взрослых. Условия как нельзя лучше благоприятствовали созданию очередной новой семьи. «Красавица-изба возведена и готова принять молодых, а остальное всё приложится», – так думали мудрёные жизненным опытом главы семейств обеих

сторон. Понятно, что жители общины приветствовали подобное решение и пребывали в ожидании образования новой семьи.

В один из осенних дней, как и подобает, у священного столба состоялось общее празднество по поводу венчания молодых. Старейшина благословил чету, приложив крест ко лбу жениха и невесты, объявив о свершении брака на небесах. В своей напутственной речи Мосей не без гордости произнёс:

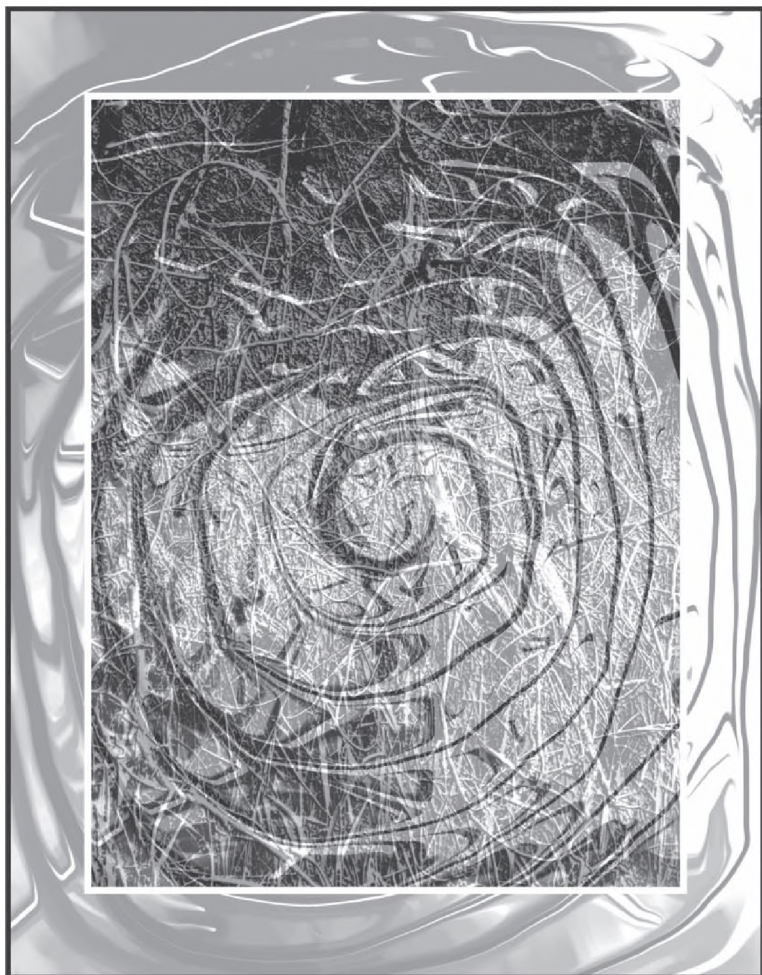
– С момента основания родовой общины нашими благословенными родителями прошло всего рождение двух поколений. Земля-матушка приняла нас, и волею Божьей мы выдержали многие лишения и утраты. Потомство наше окрепло и выжило. Во имя Христа призываю Вас на благие труды и старания. Возрадуемся свершениям, терпению и разуму. Лишь сохранив веру и единство, мы сможем перебороть все трудности. Помните об этом. Будущее в руках наших детей. Благослови нас, Господь. Спаси и сохрани!

Через год была построена первая часовня, внутри которой красовался образ Христа, вырезанный из дерева Нилом с благословения старейшины. Священный столб ещё простоит ровно пять лет до самой смерти Мосея. Мудрый старейшина уснул навеки с застывшей улыбкой на устах. Родовые корни сохранились до наших дней.

В мире сновидений

Повесть

Глава 1 В мире сновидений

В Ирвинской тайге

Утром, когда ещё солнце поднималось из-за горизонта, я очутился в Ирвинских лесных дебрях. Кругом стояли огромные деревья – «великаны» с могучими корнями. Сквозь густые темно-зеленые кроны еле пробивались прожектора света, кусками освещая моховые «джунгли», плоские стебли трав – гибридов в человеческий рост и сумеречную близлежащую округу. Казалось, что всё перевернулось с ног на голову. Я ощущал себя каким-то карликом в этом лесу. С одной стороны, здесь всё было знакомо, только в десятки раз в увеличенном виде. С другой стороны, может, я уменьшился во столько раз.

Странное беспокойство охватило, когда среди опавших еловых иголок увидел обычного дождевого червяка, выползшего из земляной норы. Он казался похожим на пожарный шланг с большим диаметром и лишь гелеобразная красно-бурого цвета масса в гибкой оболочке, сокращаясь, а затем выпрямляясь, импульсивно создавало ускорение, отчего этот «шланг» извиваясь, двигался вперед. Я стоял неподвижно и наблюдал, тараща глаза, на это живое существо. Червяк уполз, шурша остатками прошлогодней сгнившей листвы. Затем справа услышал нарастающий шорох, похожий на многократное однообразное цоканье копытцами. Странные звуки сопровождалось прерывистыми хрипами. Любопытство взяло вверх, и я направился сквозь заросли мха, прорубая себе проход охотничьим ножом.

Пройдя немного, вышел на необычный тракт довольно широкий и прямой. Поразительно, но видимую полосу заполнили обыкновенные лесные муравьи, которые двигались в обоих направлениях, не обращая на меня никакого внимания. Размером в собаку с глянцевым округлым

рыжим брюшком, с большими круглыми глазами, усам-антеннами волочили из числа растительных остатков мелких насекомых в общий «дом»-муравейник. По мере таяния утренней прохлады количество бегающих муравьев постепенно увеличивалось. Но, когда некоторые неожиданно стали проявлять некий интерес, я убрался восвояси в сторону бугра. Пробравшись до могучего ствола ели, присел отдохнуть. Одновременно начал перебирать в памяти накопившиеся свежие впечатления об увиденном, отчего мурашки поползли по спине. Хотя никакого страха не было, внутреннее чутьё подсказывало, что надо быть постоянно начеку и готовым ко всем возможным неожиданностям.

Однако стоило отвлечься от мыслей, как почувствовал облегчение и умиротворенность. Кругом как будто все преобразилось: залитый ярким светом лес играл тенями, зеленые блики отражались на ветках, мелкие разноцветные капли сверкали и искрились на листочках трав, похожие на овсяные зерна споры зеленых мхов приоткрыли свои лепесточки, лёгкая испарина заволочла низинку, а застойный воздух, насыщенный за ночь хвойным ароматом и запахами трав, колыхаясь, приятно щекотал нос и успокаивал моё дыхание. А какое разноголосье птиц! Порхающие лесные обитатели, особенно те, которые посмелее, совсем близко подлетали ко мне. Проявляя истинное любопытство, длиннохвостые кукушки плавно пикировали на голову, отчего приходилось уворачиваться и отмахиваться руками. Но, стоило лишь вблизи промелькнуть ястребу-тетеревятнику, как тут-же назойливые «шалуны» исчезли из виду.

Вдруг почувствовал жесткий толчок в бок, покачнувшись, успел обернуться. Передо мной «красовалось» огромное клещевидное руло, отливаясь черными блеском, с острыми зубчатыми краями. Длинные упругие усы изгибались по обе стороны зловещих челюстей, а выпуклые круглые глаза, будто обтянутые тонкой сеткой, неподвижно сверкали на свету. Цепкие ворсистые лапки впивались в кору дерева, удерживая продолговатое туловище. Крепкий щитовой панцирь с продольными бороздами защищал спинку и сложенные крылышки. О, Господи! Наконец-то в этом чудовище я узнал хвойного большого черного усача. «Цвирк! Цвирк!» – издавая подобные звуки, существо медленно направилось в мою сторону.

Отпрянув назад, я споткнулся и упал на спину. Чувство беспокойства и волнения, охватившее в ту же секунду, ничего хорошего не сулило. Я вытащил свой верный охотничий нож и собрался духом, каждый момент ожидая коварного нападения. И тут из трещины потрескавшейся коры навстречу усачу выполз массивный долгоносик, который охраняя кладку яиц почувствовал опасность и теперь был готов защищать ее до последнего конца.

Вытянув хоботок, отважное насекомое в коротком прыжке буквально протаранило гиганта-усача. Однако, непрощенный «гость» только наклонился от толчка на бок. Следующий удар получился по мягкому брюшку снизу. Возникла некоторая пауза, усач отступился и полез по стволу дерева наверх. А долгоносик долго еще «пыхтел» то ли от возбуждения, то ли от усталости. Невольно оказавшись очевидцем короткой схватки, подумал: за все надо бороться, чтобы выжить. Но, в данном случае, я не заметил жестокости, и это помогало сохранять спокойствие. Помахав рукой своему спасителю и отряхнувшись, я зашагал к поваленной сосне с оголенной верхинкой и разломом посередине ствола. Вокруг беспорядочно валялись сухие ветки и обломки сучьев. Пластинчатый зелёный лишайник успел разукрасить отсыревшие части гниющего дерева, а жуки лубоеды выгрызли на оголенном стволе такие оригинальные лабиринты, что любой художник мог бы позавидовать искусным росписям. Трутовые серо-желтые грибы обрамляли комлеву часть, и видно было, что достаточно уже давно сосна была поражена губкой. Гниль изъела ядровую часть ствола живого дерева изнутри, постепенно «пожирая» древесные волокна все выше и выше. Причем, с внешней стороны, несомненно, постарались также причинить свой урон летающие вредители. На первый взгляд, безобидные нежные существа – сосновые бабочки пяденица и совка, обитая в густой кроне, ничем не привлекали внимания. Но, через 20-27 дней из сотен отложенных яиц появлялись прожорливые гусеницы, которые безжалостно поедали свежую хвою.

Увлечшись наблюдениями за поведением насекомых, я совершенно позабыл об осторожности. Угрожающие звуки короткого рычания с фырканьем вмиг напрягли мои мысли. В трех шагах от меня около вывороченного корневища из земляной норы выглядывала усатая звериная морда, а исподлобья глазели сверкающие глазки. В следу-

ющий момент массивное тело с темно-бурым мехом и по бокам от плеч до хвоста с широким белесым шлейфом с невероятной лёгкостью пронеслось мимо меня, демонстрируя в прыжке свои обнаженные длинные, острые с немного загнутыми концами когти. Видимо, своими запахами и присутствием, отдохавшую после ночной охоты росомаха вынудил покинуть дневное убежище. А ведь опасный хищник мог со мной расправиться в два счёта. Правда, в летний период этот зверь для человека не так опасен, если, конечно не разозлить.

Росомаха всеядна, хорошо лазает по деревьям, может преодолевать большие расстояния и скрытная. Хоть и зверь всего весом до 17 кг, а в голодную пору, особенно, в конце зимы во время наста не гнушается нападать даже на лосей.

Я воспользовался случаем и осторожно пробрался во внутрь норы. Разгреб упавшие сверху комья земли с прохода и очутился в темной овальной яме. Продолговатая ниша уходила в сторону от прохода. Ощущая руками приямтый сухой мох, понял, что это и есть место лежки, так называемый «лежак». Воздух внутри еще сохранялся запах желез бывшего обитателя.

Прилипшие к одежде разные останки шерсти говорили о том, что не только росомаха пользовалась этой норой, но и другие звери. По слабоосвещенной боковой стенке у основания ямы можно было прочесть строение почвенного профиля.

Стоило мне присмотреться к лесной подстилке, как заприметил массовое хаотичное движение самых разнообразных и разноцветных мельчайших существ. Среди сгнивших растительных остатков и песчанок кипела другая жизнь, совершенно не похожая на ту, о которой мы что-либо представляем. Только включив виртуальное воображение, я мысленно перенёс себя, сконцентрировав всю свою энергию рассмотреть как можно ближе эту непознанную скрытую среду.

Ирвинская тайга довольно разнообразна по типам растительности. Есть и заросшие вырубки, и старые гари, где наряду со мхами и кустарничковыми активно произрастают злаковые. На приручейных лесных участках несложно отыскать нужные лекарственные растения от дикой мяты до «золотого» корня.

Менее привлекательна растительность водоемов – водоросли. Они лишены корней и поглощают нужные им

вещества всей поверхностью. Многие из них участвуют в биологической очистке сточных вод. Мелким живым существам они служат не только укрытием, но и местом для размножения и обитания, в том числе разных видов насекомых.

Когда впервые я увидел ночью на озерах Чур-ты и Югыд-ты светящиеся ярко зелёным светом небольшие колонии водорослей, то подумал о насыщенности их воздушными пузырьками. Но, оказалось, что растения усеяны множеством мельчайших личинок. А на речных перекатах доводилось много раз любоваться «серебристыми» водорослями. Свечение то появлялось, то исчезало и именно в тех местах, где быстрое течение на какое-то время поднимало на поверхность пучки стеблей, а затем снова уносило под воду. Оставшийся воздух под плёнкой жидкости приобретал форму мелких пузырьков, которые в лунном отражении давали серебристый оттенок. Красотища!

Совершив короткую прогулку по утреннему лесу и вспоминая ночные речные перекаты, я ощутил – уже в который раз! – всю полноту гармонии в природе, ибо не находил никакого антагонизма среди живых обитателей, кругом царило удивительное сосуществование всех форм и видов. Казалось, какой-то некий Разум управляет всем этим миром, неподвластный и неподдающийся человеческому сознанию.

На Большом Субаче есть одно место, где при малой воде обнаженный придонный участок покрывается тонким кристаллическим слоем оранжевого цвета. В дождливую погоду слой разрушался, но через неделю обратно восстанавливался и приобретал прежний вид. Сначала я не обращал внимания, пока не попробовал кристаллики. Солёный вкус убедил меня в том, что это наверняка природная соль. Из-под соляной ямы струились небольшие родники, образуя воронки. Рядом неровный пласт голубой глины окаймлял галечный берег, а каменистая коса защищала от размыва. Стайка хариусят все время держалась на мелководье, но не подходила к солёной воде.

Осмотрев участок, заметил у ямы скопище мелких рачков, а у кромки берега вереницу тёмных крылаток и буровидных личинок берёзовой бабочки. Эти редкие живые существа не так уж и часто встречаются по соседству. Видимо, насыщенная парами соли естественная среда создаёт свой микроклимат, что и позволяет уживаться раз-

ным видам в одном месте. Но самым интересным и загадочным явилось то, что в поздние сумерки откуда-то прилетали четыре-пять летучих мышей. Они кружили над этим местом, издавая короткие пiski, то плавно взмывая вверх, то резко падая вниз до воды. Впрочем, немало и мелких грызунов открыто появлялось на берегу в тёмное время, некоторые из них активно плавали. Вроде бы и ничего примечательного, а ночь в тихую погоду непременно можно увидеть над водой слабое зеленоватое свечение. Это удивительно!

Обычно основным объектом рыбалки на Большом Суbacher остаётся хариус. Практически самым эффективным способом является «дедовский» – боталить ямы, где собираются косяки. Конечно, азартно ловить и удочкой на мушку и блесну. Но важно учесть обстоятельства, при которых даже на уху не поймаешь. После обильных дождей на глазах уровень воды поднимается на высоту локтя, бурлящие жёлто-бурые потоки с грохотом ворочают валуны и шлифуют берега на изгибах быстрой речки. А как начнет цвести свежая водоросль, корма от разной мелкой водной живности будет повсеместно и предостаточно. Поэтому, насытившись, рыба становится безразличной к любым приманкам. В жаркую летнюю пору вся рыба, кроме мальков, ищет прохладу не только на порожистых быстринах, но и холодных родников, и в ручьях.

И совершенно другая картина в небольших старицах. Временами на поверхности воды всплывают красноватые пузыри со дна, образуя слой пены. Здесь обитает только карась, хотя весной иногда заходит и щука. На некоторых озерах вообще нет никакой рыбы, только изобилие насекомых и мелких беспозвоночных.

Около старицы как-то заметил огромную поваленную ветром ель с вывороченными корнями. Частично отслоившаяся сухая кора ее уже покрылась сверху налетом зелёного мха. Масса мелких короедов хаотично ползала по всему стволу. И тут обнаружил на освещенной части неподвижных серо-зелёных ящериц. Небольшие животные скуddenно грелись в лучах солнца и не обращали на меня никакого внимания. Экзотическое зрелище на фоне папоротников и могучих деревьев, отдалённо чем-то напоминало некий фрагмент из цикла «Парк Юрского периода». Однако стоило подняться вверх за бугор шагов на сто, как таёжный ландшафт резко приобретал другую форму и

окрас. Смешанный состав древесных пород, невысокий бонитет, разнообразие напочвенной растительности.

Не меньшее любопытство вызывали обнаруженные мною в верховье Большого Субача воронки глубиной до двух метров диаметром от шести до пятнадцати метров, расположенные друг от друга в пределах от нескольких десятков до ста метров. Примечательно, кроме мохового покрытия, внутри другая растительность отсутствовала. Каких-то повреждений вокруг стоящих деревьев не было. Лесной массив выглядел совершенно естественным образом, без всяких внешних изменений. Песчано-галечная почва с примесью суглинка не может содержать высокую влажность, а значит, и грунтовые воды не могли залегать близко к поверхности земли. Причём, после таяния снега весной или продолжительных дождей вода в воронках не скапливается, а практически сразу уходит в почву. Проверил влияние на изменение направления магнитной стрелки компаса – результат также отрицательный. Ясно одно, что без научного подхода причину образования подобных ям не объяснить. А сколько еще таких загадок у природы? В процессе ее познания я открываю всё новые и новые истины и этим вылечиваю и душевные раны.

Муравьиное королевство

Промокший и уставший я рухнул под сухой полог огромной ели. Освободился от лямок тяжёлого рюкзака набитого глухарями и полулежа, упёршись головой к стволу дерева, раскинулся на земле. Ломота и боль пронизывали всё тело. До избушки оставалось совсем немного, около двух километров. Дождь не прекращался, а продолжал моросить, и я решил немного передохнуть. Хорошо, силков немного, а то бы не унести было столько добычи. Сей год урожайный – в уголье и дичи много, и ягод достаточно, а главное – медведя нет, видимо, весной покинул эти места. Распластавшись, я ни о чём не думал, только смотрел на тёмно-синее небо. От пота щипало глаза, а испарина медленно остужала намокшую одежду. Веки смыкались сами по себе, и через несколько минут не заметил, как уснул. Очнулся от колючих тычков по телу и пронзительных окриков, издаваемых «металлическим» голосом. Дыхание сперло, а я, туго связанный эластичными верёв-

ками из древесных волокон, не мог шевельнуться. В голове была такая путаница, что, в конце концов, подумал о самом худшем – я сошёл с ума. К моему удивлению, вокруг стояли чёрные насекомые, либо люди облаченные в яйцевидные панцири, шаровидные шлемы с антеннами, а ротовой аппарат представлял грызуще-сосущий механизм с клыками по краям рыльца. Огромные сетчатые глаза чёрным блеском неподвижно выделялись полусферой по бокам головы. Цепкие клещевидные покрытые ворсинками лапки держали багровидные шесты. Двенадцать таких существ между собой о чём-то переговаривались, а один все время тыкал меня в грудь своим оружием. «Что это? Что происходит? Еде я? Кто эти существа?» – эти бесконечные вопросы бессмысленно терзали мой мозг. Закрыв глаза, переставал осмысливать происходящее, казалось, терял разум. Может, я оказался в ином мире, то есть – умер. Когда снова открыл глаза и ещё раз огляделся, осенила мысль, что все не так уж и плохо. Если эти существа и я разговариваем на одном языке, значит, очень возможно взаимное понимание, хотя-бы на примитивном уровне. Немного успокоившись, взял себя в руки окончательно и выкрикнул: «А ну, пузатые муравьишки ведите меня к вашему главному вождю!» Возникла пауза «муравьишки» притихли и тут самый старший жестом указал в сторону моховых островков, плавно выговорив лишь одно слово: «К королю». Подвешенного за руки и ноги на двух шестах мураши несли меня через заросли черники, багульника, кисличника без остановок, словно редкую добычу. Путь показался мне не близким, меня даже укачало, отчего разболелась голова. Я уже старался ни о чём не думать, ни о хорошем, ни о плохом. Все стало безразличным.

И только тогда, когда я очутился в центре какого-то подземелья, достаточно освещенного плоскими фонарями на головах маленьких зелёных насекомоподобных, то увидел перед собой большого чёрного муравья. На округлом брюшке ярко выделялось жёлтое пятно. Он сидел в чашеобразной ракушке, держа в правой руке заостренную рогатину. Слева от него сидели рядышком три рыжих мураша с крыльями, а справа – три черных. Все они внимательно рассматривали меня с ног до головы, пока один из них не подошел ко мне и приказал поклониться Королю. Я тут-же выполнил процедуру обязательного приветствия и продолжал стоять на месте. «Я, Король Яксукманского

муравьиного королевства» – монотонно, но властно произнёс самый большой муравей. «Я знаю, ты из Титанов. Твоё название Человек. Но, почему ты оказался на нашей территории? Что тебя привело к нам?» Я что-то начал лепетать со слов: «Достопочтимый Король, я случайно оказался в Ваших владениях по непонятным причинам. Обстоятельства сложились так, что я, возвращаясь с охоты, прилёг отдохнуть и уснул. Потом...»

«Достаточно!» – прервал мою сбивчивую речь Король и добавил. – Я не казню тебя, Человек, и даже мои братья доведут тебя до Большой реки, если ты окажешь некоторые услуги. Будешь советником по обороне и безопасности. Тебе покажут твоё жилище. Но одно условие – не пытайся сбежать. Если не мы, то тебя съедят другие. Знай, что наши враги: Титаны, Жукодроны, Личиноконы. Но об этом, поговорим потом». Ко мне приставили контролера, который выполнял ещё и функции помощника. Через какие-то лабиринты мураш привел меня в помещение, которое оказалось тесноватым. Под потолком висел гамак сотканный из паутины, а по углам горели фонари. Чтобы поближе познакомиться, я предложил мурашу выбрать одно из имён, которое ему понравится. Он охотно согласился называть себя по имени «Гром». Потихоньку я разговаривал своего помощника, рассказывая о жизни людей. Но почему-то он больше хлопал колючими лапками, кивая головой, и часто выкрикивал: «Титаны – плохие, наш Король – хороший!». Разговор не совсем клеился так, как хотелось. Но зато я узнал главное, что Титаны – это люди и крупные звери, Архидроны – птицы и более мелкие звери, Жукодроны – жукообразные насекомые, Личиноконы – личинки бабочек, жуков и другие мелкие насекомые. Гром постоянно жаловался, что Враги очень часто разрушают их жилища, разоряют семьи и кладки яиц, поэтому им часто приходится всё заново восстанавливать, обороняться от любых посягательств и быть начеку. Любопытно, но внутри подземного города было чисто, светло и аккуратно. «Наша дисциплина воспитывается с детства и каждый наш житель знает чем заниматься, а управляют нами «тысячники» – это старейшины, – подчеркнул важность своих рассуждений мураш. И ты, Человек, также должен подчиняться нашим Законам и дисциплине». Кивая головой в ответ, я не возражал, а ждал, когда же принесут пищу. Я не понимал, кто я для них? Арестованный плен-

ник или гость? Впрочем, шансы были примерно пятьдесят на пятьдесят. А если еще сумею что-то полезное для королевства сделать, то мой рейтинг выживания резко возрастет. Тревога перед неизвестностью немного уменьшилась, интуиция подсказывала, что с Королем, не таким уж и глупым, можно договориться. Да, и глядя на светящиеся живые фонари, я был поражен, что эти насекомые весь день на улице улавливают свет и аккумулируют в себе энергию, а затем в темноте используют её для освещения. Так объяснил мне Гром. Причём, если мой рост в два раза превосходил муравьев, то «живые» светильники были еще на порядок ниже. Радиальное расположение коридоров позволяло быстро собраться всем обитателям в центре, либо вывести их при опасности. Была и своя система оповещения по вариантам звуковых сигналов, подаваемых при необходимости дежурными мурашам на выход и внутренних коридорах. Полной неожиданностью стало четкое распределение функций между взрослыми особями, которые без возни и излишней суеты занимались своими делами: одни строили и возводили муравейник, другие охраняли от набегов «Врагов», третьи добывали и таскали пищу, четвертые волокли бесконечные тяжести, пятые, самки откладывали яйца и занимались воспитанием потомства... Пока я знакомился с условиями жизни, правилами и законами королевства прибежал посыльный и сообщил, чтобы я и помощник Гром немедленно прибыли к Королю.

– Понравилось ли тебе наше королевство, Человек, – спросил Король. – Доволен ли ты нашим гостеприимством?

– Высокоцитимый Король, я благодарен гостеприимству и поражен трудолюбием Ваших подданных, – начал я с похвалы, пытаясь наиболее точно и лаконично выразиться, – Справедливые законы укрепляют общую дисциплину и уважение друг к другу, поэтому я готов выполнить Ваши поручения по мере моих возможностей».

– Похвально, похвально, Человек. Ты не глуп. Но будь начеку, не каждый муравей тебе доверяет. Мы многое помним, когда Титаны разрушали наши жилища и среди Врагов были Люди, – монотонный голос правителя без всяких интонаций продолжал звенеть в просторном зале. – А как ты сам, Человек, думаешь, чем можешь нам пользу принести? У нас все заняты своим трудом от мала до велика. Королевство наше имеет границы от Южного ручья до

Северного бугра, от Западного болота до Восточной просеки. Только постоянная война с Врагами мешает мирной, спокойной жизни. Вот почему я и хочу услышать от тебя, что можно и нужно сделать до наступления зимы.

– Спасибо Вам, высокочтимый Правитель, за доверие, – продолжал я разговор со всей ответственностью, как представитель Человечества. – С Вашего разрешения сначала я должен обойти границы Королевства. Определить не только наличие Ваших Врагов, но и как их отогнать, не допустив к жилищам. Я могу заблаговременно услышать звуки и запахи опасностей, особенно Титанов и Архидронов. От них можем сделать задымления. А от Жукодронов выроем вокруг каждого муравейника каналы и рвы с наполнением дождевой воды. И я прошу, чтобы «тысячники» рыжих летающих муравьев разместили своих воинов по периметру границ Вашего королевства, они мобильнее в случае перемещения, а главное, на Врагов могут налететь сверху. Систему звуковых сигналов и посыльных оставим в прежнем виде. У меня всё.

Король со своей свитой недолго обсуждал предлагаемые мной меры и осторожно произнёс последнюю фразу, которую я не сразу понял:

– Я знаю, что Человек выше нас не только размерами, но и разумом. Мы доверяем тебе и надеюсь, ты уже почувствовал свою свободу, но если обманешь, ты навсегда лишишься её.

Только потом мой помощник рассказал, как изменников и лжецов привязывают к позорному столбу и держат, пока обреченный не умрёт с голода, а затем их выносят за пределы королевства и оставляют на съедение Врагам. И ещё, оказывается, с раннего детства каждый муравей присягает на верность Королю и беззаветно старается приносить только пользу своим тяжким трудом за свое короткое существование.

Вскоре наступило время еды. На длинном столе из гладкой осиновой коры накрыли экзотические яства. Не отведавать их означало явное неуважение к Королю, а вызывали они разные ощущения: сушёные личинки короедов, варёные «куколки» бабочек, желеобразные яйца, копчёное мясо крупных жуков, летающих кровососущих насекомых. Единственным вкусным блюдом оказался натуральный медовый нектар. А запивали пищу все участники трапезы соком морошки. Прозвучали только два

официальных тоста, первый – за мудрого Короля и второй – за процветание королевства. Муравьи понемногу с каждой глиняной миски клали в ротовую полость привычную пищу. Особенно им нравились лакомиться яйцами. Я, как мог, старался им подражать, пытаюсь даже пробовать незнакомые мне блюда, выглядывшие, мягко говоря, неаппетитно. Чтобы хоть как-то утешить свой желудок, который упорно противился принимать такое, я вспоминал кадры из документального фильма о диких африканских племенах, в рационе которых помимо плодов манго преобладали личинки, змеи и разные насекомые. Пропихивая в горло в прямом смысле слова, боялся только одного, чтобы не стошнило. В конце концов, общая трапеза была благополучно закончена и каждый, откланявшись Королю, удалялся по своим делам. Ту же процедуру выполнил и я.

Так начиналась моя служебная карьера в муравьином королевстве. С утра, а это означало восход солнца, и до позднего вечера, то есть до захода солнца, я выполнял функции и фортификатора по строительству укрепительных сооружений, и начальника штаба обороны, расставляя воинов для защиты границ, а также наблюдателей и следопытов. Предложенные мной новшества, в целом, одобрялись королевскими чинами и «тысячниками».

Прошло около недели. Особых происшествий не случилось, кроме мелких стычек с одиночными жукодронами, да лось, как представитель Титанов, неосторожно топтался около муравейника.

Я привык ко всем условиям и ходил по территории абсолютно свободно, как важное чиновничье лицо. Мало кто на меня обращал внимание, когда я двигался или помогал добывать Личиноконов. Больше интересовались и глядели, когда поджигал маленькие костры и показывал, как можно влажной травой или мхом потушить огонь, чтобы образовать дымовые завесы, пугающие и отгоняющие Врагов при их нападениях. «Тысячники» научились быстро перенимать мой практический опыт, и мне было приятно, что понемножку, шаг за шагом себя приближаю к своей заветной мечте – к Свободе.

«Человек! Поднимайся, вставай! Общая тревога! На Южной границе собралось войско Жукодронов» – взволнованный Гром торопил меня к Королю. Через полтора часа королевская свита и я, стоя на самом высоком бугор-

ке, коротко обменялись мнениями и готовились к отражению нападения. Всего в каких-то пяти метрах от нас наблюдалось заметное оживление, скопища различных ползающих жукообразных больших и малых, красно-бурых, черных, фиолетовых и зелёных. В центре самой заметной фигурой выделялся усатый Большой хвойный усач. Его угрожающие клешни и огромные габариты, а также тело, облаченное непробиваемым панцирем, для многих молодых муравьев внушали страх. Когда противник выстроил ряды своего войска клиновидной колонной, волнения защитников значительно усилились. Король лично отдавал приказания, по какой схеме выстроить шеренги воинов и как в тактическом плане пропустить жукообразных до черничных кустиков и там нанести главные удары с флангов, а уже потом разобщенных «врагов» уничтожить поодиночке силами отдельных отрядов. Кроме того, в тылу в случае необходимости уже по моей команде, естественно с учетом направления ветра, разжечь приготовленные костры для образования дымовой завесы.

Со стороны все это выглядело аналогично стратегии человеческих войн. На стороне противника все более нарастал гул рычаний, писков, скрипов и, наконец, они двинулись организованной массой на плотные шеренги муравьев. Об этом мураши-трубачи дружно известили по всей линии фронта, подав сначала звуковой сигнал тремя короткими нотами «бу-бу-бу», что означало «К бою! Приготовились!», а позже один длинный «бу-у-у!», то есть «Вперед!». Король гордо стоял в одиночестве, держа свою рогатину. Его верные «тысячники» своими палками пытались окружить полчища жукодронов. Мужественные муравьи своими баграми и копьями храбро набрасывались на более крупных по размерам жуков, пытаясь пронзить им глаза и брюшко, как их обучали командиры. Причём, с черничных веточек и верхушек кукушкина льна на Врагов набрасывали паутиновые сети, чтобы их запутать, а потом заколоть. С лубоедами мураши справлялись быстро, их бока не были защищены твердым панцирем, а вот со слониками и долгоносиками в открытую драться было бесполезно. Только хитростью умудрялись опытные воины их одолеть. Напав на такого противника только с одной стороны, защитники опрокидывали его, подпирая копьями. Конечно же, многие сотни муравьев полегли на поле битвы, затоптанные и раздавленные, но дальше чер-

ничных кустиков агрессоров не пустили. Когда жукообразные прорвали все защитные шеренги, пошла в ход надёжная дымовая волна, от которой некоторые нападавшие остались лежать на земле парализованными, а остальные разбрелись кто куда, часть войска спешно отошла за пределы границ Королевства. Но битва еще не была выиграна.

Вестовой с Западной границы сообщил о новом вероломном нападении уже Архидронов. Король отправил свой последний резервный полк и тут же дал приказ всем соотечественникам, занятым хозяйственными работами в муравейниках, кроме охранников, вооружиться и поступить в моё распоряжение для устройства костровиц на Западных границах. Я поспешил на новое место назначения с группой воинов и помощником Громом. С остальными силами верноподданных Король остался добивать разрозненные остатки Жукодронов. Пробираясь по тропам, мы еще не успели дойти до первого строящегося муравейника, как из елового молодняка появился на опушке целый глухаринный выводок. Птицы казались гигантскими курицами, которые всё время что-то искали в траве, копошились возле оголённых корневищ деревьев, клевали ягоду, даже недозрелую бруснику, пытались разгребать когтями лап жилище муравьев. Я сообразил, что эти пока еще глупыши могут натворить больше «дел», чем любые другие «чужаки».

— Срочно разжечь костры, — зычным голосомскомандовал я всем присутствующим, — Иначе они и нас склюют как мух.

Хватило и небольшого дыма, который разошелся по склону возвышенности, как я уже услышал хлопанье крыльями и недовольное короткое фырканье. Угроза миновала. Но при обходе участка границ неожиданно встретились с Малым хвойным усачом. Он как-бы нас поджидал на комлевой части дерева и совершил нападение сзади. С жужжанием и воем пикирующего хищника успел загрызть моего верного Грома прямо на моих глазах. Я и другие воины ничего не успели сделать. Не помню, как вскарабкался на Врага и успел несколько раз вонзить копые в глаз и дыхательное отверстие. Скользящая спинка не позволяла сохранять равновесие и, не удержавшись, я свалился вниз. Как раз в тот момент насекомое развернулось и, к счастью, я оказался под мохнатым брюшком. Со всей

силы удалось проткнуть мягкое место, откуда тут же ударил фонтан слизистой массы. Усач мычал и, топча меня острыми лапками, свалился на бок. Когда я открыл глаза, надо мной стоял Король и преклонил передо мной голову в знак глубочайшей благодарности и за отвагу.

– Тебя быстро поставят на ноги, Человек. Ты герой королевства и мой друг – такие трогательные слова Короля воодушевили меня. Я думал, что умираю, а тут воспрянул духом, но скоро вновь потерял сознание. Уже потом, через неделю, немного оклемавшись, с трудом припомнил яростную схватку с жуком, которая чуть не оказалась роковой для меня. Очень жаль, что гибель верного, доброго Грома никем не была замечена.

Каждый день «лекари»-мураши натирали мое тело какой-то вонючей жидкостью и по моей просьбе в качестве пищи приносили только медовый нектар. Сломанные два ребра казались пустяком по сравнению с глубокими рваными ранами на бедре и спине. В качестве обезболивающих препаратов «лекари» впрыскивали так называемый «муравьиный дурман». Честно говоря, после этого болела голова, и я не позволял себе большие дозы. Один раз, я уже начал ходить, вышел из муравейника и уселся возле какого-то бревна похожего на брус. Приглядевшись, узнал спичку, обыкновенную спичку с обгоревшей головкой. Я тут-же попытался расспросить у спящих поблизости мурашей откуда притащили, с какой стороны, но никто внятно ничего не смог ответить. По всем признакам спичка была свежая, не сгнившая, а это означало, что где-то близко прошелся Человек-охотник.

– Да, значит кто-то из людей проходил недалеко, без собаки, наверняка направлялся от Съод-ты в сторону реки Большой Субач, – размышлял я вслух. Странно в этих местах обычно никто не ходит, тем более сейчас. Скорее всего, брат приехал на лодке ко мне. Мысли путались в голове, и мне так захотелось обратно вернуться в свой мир, привычный и родной, что попросил через старшего охранника аудиенцию с Королем. Правитель пригласил меня на вечерню во дворец. Хотя дворцом был самый крупный муравейник, где многоярусные лабиринты размещали тысячу обитателей, все-же королевские апартаменты были глубже всех и просторнее, заметно украшенные разными растительными остатками и чешуйками от шишек.

Ужин затянулся из-за обсуждений важных дел, и лишь после этого Король спросил:

– Я вижу как ты, Человек, стремишься к своему народу. Наверно, пришло время решить этот нелегкий вопрос. Но прежде, чем ты покинешь наше королевство, я покажу тебе кое-что. Ведь ты заслужил уважение и доверие муравьев.

Он хлопнул лапками три раза и подошли его первый помощник и два «фонаря». Я поблагодарил за угощение, встал из-за стола и вслед за Королем удалился из зала. Мы спустились вниз в подземелье по узкому тоннелю и очутились в круглом помещении. Когда первый помощник Короля открыл дверцу, то я увидел яму, почти заполненную кварцевым и золотым песком, крошками слюды и разными минералами.

– Это наше хранилище, – начал объяснять Король, – много, много лет нам и нашим предкам понадобилось накопить столько драгоценных камушек. Иной раз на официальных переговорах с Врагами драгоценности нас выручают, но никому неизвестно, сколько их у нас, кроме присутствующих здесь. Хочешь, подарю любую песчинку на память? Выбирай!

Я выбрал маленький золотой самородок, который на самом деле оказался тяжёлым. Поблагодарил Короля за гостеприимство и память подарил ему свой нож. Утром следующего дня вся королевская рать провожала меня в долгий путь к большой реке. А дальше... А дальше я, свободный и радостный, по берегу всю ночь добирался до своей знакомой тропинки. Уставший от постоянных перелезаний сквозь траву и весь промокший от ночной росы, присел отдохнуть под дерево. В ночной темноте слышались самые разнообразные звуки и шорохи. Огромные деревья тяжело сопели. Вот где-то сова забукала «Бу-у! Бу-у!» Чтобы меня, такого махонького случайно никто не съел, я разжёг маленький костерчик. Спать было опасно. Я еще никак не мог отойти от всего увиденного и пережитого. Мы, люди не научились жить в мире и согласии. Примером достойного подражания оказались муравьи. Эти мужественные безобидные живые существа не обременены раздорами и жестокостью между собой. Они научились защищать себя. Благодаря неутомимому созидательному труду поддерживают и сохраняют жизнеспособность. И тут... И тут я проснулся. По рукам, лицу ползали мура-

ши. Тыфу, ты! Они и не могли быть великанами! Дождь давно кончился, и солнечные лучи прогревали плечи. Мошкара с комарами лезла под капюшон куртки. Наконец-то, я ощутил себя таким, какой я и есть на самом деле. Кряхтя, присел на край валежины и осмотрелся вокруг. Рюкзак и ружьё, приставленные к стволу дерева, были на месте. Судя по времени, я проспал не более получаса, но во сне «прожил» три недели. К радости, в наружном кармане обнаружил сплюснутую карамельку. Развернув фантик, положил на тропинку. Мураши тут же заинтересовались сладостью и облепили ее со всех сторон находку. «Передайте привет своему Королю от Человека, великие трудоголики!» – напоследок обратился к своим друзьям и уже не во сне, а наяву. Через год после этого случая количество муравейников в этом ельнике заметно увеличилось, что является доброй приметой.

А говорят, что на свете чудес не бывает... Бывают, да еще какие!

Глава 2 Таинственные чудеса

Прикосновение

Как правило, человек, находясь в лесном массиве или на водоёме довольствуется впечатлениями от видимой дивной красоты, разнообразия звуков и запахов. Приятные ощущения благоприятно отражаются на внутреннем и эмоциональном состоянии, поднимают настроение и, несомненно, оставляют незабываемые воспоминания. Но непосвященному невдомёк, что за внешними красотами макромира скрывается более загадочный микромир.

Северная природа со своей уникальной флорой, разнообразным ландшафтом и девственными лесами и в этом плане остается несравненной. Но она и очень ранима. Суровые климатические и слабо обогащенные почвенно-гидрологические условия не позволяют быстрому восстановлению нарушенной естественной среды до первичного состояния. К примеру, представим себя на месте грибника, который, ориентируясь на местности, лишь визуально любуется красотами ландшафта. Все внимание сосредоточено на поиске желанных трофеев. Озираясь по сторонам, Вы заодно замечаете притаившихся мелких животных, насекомых, птиц – всё разнообразие растительности и ее обитателей. Вы для себя открываете много интересного и удивительного.

Желание познать больше легко осуществимо. Достаточно заглянуть глубже и представить всё в увеличенном виде, тогда Вы увидите уже совершенно другой мир. Но к любому живому существу следует относиться с любовью, независимо от величины, формы, цвета, вида, ибо речь пойдет о микромире.

Каждый живой микроорганизм на суше, в воде или воздухе занимает свое место, имеет неотъемлемое право на существование. Загадочный мир природы устроен так, что любое вмешательство извне приводит к необратимым процессам, губительным для живой среды. Её обитатели удивительным образом связаны между собой. И эта связь настолько совершенна, что может менять свою форму, а видимо разрыва никогда не будет.

Если не поверить в то, что всякий живой организм имеет душу, в прямом и переносном смысле, – невозможно прикоснуться к таинствам, происходящим прямо на наших глазах. Стоит лишь внимательно приглядеться, что происходит под ногами и терпеливо понаблюдать за крохотным пятачком напочвенного покрова. Сначала среди мха или травянистой растительности Вы ничего не увидите, разве что пожелтевшие хвойные иголки, чешую прошлогодних шишек либо почерневшие листья и обязательно десятки нитевидных корневых усиков, возможно, ещё чёрно-бурую труху древесных остатков и пятнистые лишайниковые зачатки. Пройдёт некоторое время и непременно можно заметить движение. По мере активности меняется расцветка картинка. На фоне появляются видимые разноцветные точки: у оснований стебельков крохотные стручкообразные организмы с помощью множества усиков устраивают ползучую возню среди комочков почвы; желтобрюхие мушки заматались среди трубочатых споров мха; красноватая волосистая личинка выползла на свет погреться, везде снующие рыже-глянцевые клопики короткими, но резкими прыжками облепили всю растительность. В отличие от наземных существ совершенно по-другому представлен подводный мир. Наверняка Вы замечали в тёплую солнечную погоду, как на поверхности водоёма бегают десятки длинноногих тараканов и сотни мельчайших мошек, хаотично и бесперебойно вычерчивающих свои узоры. А верхний слой прозрачной воды как будто окрашен зеленоватым цветом. «Цветение» происходит от множества живых микроорганизмов. Свет, проникая в толщу воды, преломляясь, приобретает на их фоне такую окраску. Если присмотреться, можно заметить массу плавающих хлопьев и продолговатые частицы – это тоже живые организмы. А уже у самого дна обнаружите уже более крупные экземпляры-черных жучков, ресничных личинок, нитевидных червей и мельчайших головастиков. Причём из тёмного слоя ила изредка выползает проворный жук-плавунец. Из-за его размеров и жесткого панциря даже хищные рыбы пренебрегают им как пищей. Среди зелёной водной растительности постоянно прячутся стайки мальков, только что вылупившихся из икринок. Им необходимо держаться вместе ещё долго, чтобы выжить, поэтому они мгновенно реагируют на любые колебания и на время исчезают из поля зрения.

Ещё с десятков видов мельчайших животных можно увидеть, когда к вечеру прибрежная вода достаточно прогреется. В толще воды появляются светящиеся бляшки. На речных быстринах, где температура воды значительно ниже, нет такого разнообразия, но для ракушек и мелких моллюсков одна благодать. А на скудных водорослях верхушки усеяны белыми мотыльками.

Наверняка, затаив дыхание, Вы погрузитесь осмысливать увиденное и, в первую очередь, придет понимание, как ничтожно мало знали до этого момента об окружающем мире.

Потом непременно появится желание глубже разобраться в происходящем. И Вы станете бережнее и добрее относиться ко всему живому. Это, пожалуй, главное, ибо только человек с добрыми движениями сердца может приблизиться к познанию природы и собственной души.

Летучие «вампиры»

После четырех утомительных дней с большим трудом добрался по малой воде до лесной избушки. Построенная еще моим прадедом, приземистая, немного врытая в грунт с маленьким окошечком, она была рассчитана двух человек. Сруб из толстых лиственничных бревен устойчиво сохранял конструкцию, благодаря клиновидным «замкам», прочно удерживающим угловые стены уже более ста лет. Древнее искусство строительства без единого гвоздя поражало своей оригинальностью и простотой конструктивных решений. Пожелтевшие растрескавшиеся стены выглядели сухими и не имели сердцевинной гнили. Кем-то уже отремонтированная крыша успела обветшать, поэтому в первую очередь пришлось по-новому перекрыть верх берестяными кусками, закрепляя их обтесанным материалом из тонкомера.

Пока занимался заготовкой дров, нахлынули сумерки. Задул холодными порывами восточный ветер, отчего тяжело задышала угрюмая тайга. Высокие сосны с увесистыми кронами, копьевидные лиственницы с пожелтевшей хвоей на разветвленных макушках, разлохмаченные ельники с примесью осины зашумели разными звуками. Все сильнее и сильнее, напрягаясь под напором воздушных потоков, они скрежетали, скрипели, трещали, роняя

обломанные сухие ветки, шишки, веера хвоинок. Небо затянуло сплошными буро-свинцовыми тучами, которые, набегая друг на друга, пронизывали массивные «шапки», оставляя за собой фиолетовые полосы. Дымчатая пелена окутывала дальние лесные бугры и вскоре вся округа начала медленно погружаться в темноту. А к ночи непогода совсем «озверела». Вой с грохотом ощущался даже внутри избушки. Было похоже, что разыгравшаяся буря решила окончательно испортить мне настроение перед сном и вселить страх всему живому.

Я лежал на старой лосиной шкуре, в тепле, и думал не о причудах погоды. Подвешенный фонарь коптил солярой, и пришлось открыть дымник. Прошло всего несколько минут, как вдруг какое-то летающее существо залетело вовнутрь. Оно беспорядочно носилось по углам: то вверх, то вниз, издавая короткий писк. Это оказалась летучая мышь. Наконец, удалось накрыть шапкой и обратно выпустить на улицу залетного «гостя». Кроме улыбки, этот случай ничего не вызвал.

На Большом Субаче таких перепончатокрылых увидеть можно, если знать места их обитания. Я сразу вспомнил рассказы старых охотников, которые из-за своего суеверия неблагоприятно относились к этим существам, считая их сатанинскими тварями. У меня никаких предрассудков по отношению к ним нет, даже после того, что случилось со мной буквально через день. В былые времена, мало кто из числа местных охотников и рыбаков больше, чем на ночь, оставался в этой избушке. Да и местность здесь труднопроходимая: сплошные перекаты по речке; крутые, отвесные берега с обнаженными пластами известняковых пород и валунными нагромождениями.

Через день к вечеру буря утихла. Округа вновь оживала привычными звуками, шуршанием, запахами, светом, движением. Израненная, но не побежденная тайга приводила себя в порядок. Лишь отдельные деревья с вывороченными корневищами на ближайшем бугре, как на поле битвы, полегли верхушками на закат.

Пользуясь тихой погодой, на лодке я быстро спустился вниз по течению к знакомой яме. Сначала пробовал на блесну, затем на мушку, результат почти ноль. И только на мормышку с личинкой короеда улов превзошел все мои ожидания. Двадцать семь хариусов, а некоторые достигали весом до одного килограмма, сумел выловить за полто-

ра часа. Правда, мошкара одолела так, что пришлось на всех «парах» добираться до спасительной избушки, при этом еще и шест сломал. Благо, недалеко нашел подходящую сухую елку, которую осталось только окорить и чуточку обтесать.

Вечерние сумерки быстро поглощали свет, а на западе багряные полосы «висели» на верхушках деревьев. Стайки клестов, рябинников изредка проносились трелью над берегом. Красно-жёлтая листва пятнами выделялась среди хвойного полога. Я сидел на старом пне и аккуратно строгал ножом почти готовый новый шест.

Неожиданно вокруг меня откуда-то появились, сначала несколько, затем больше десятка летучих мышей. Бесцеремонно пикируя сверху и сбоку с пронзительным писком, они делали вначале пробные прикосновения, но потом некоторые впивались острыми коготочками в тело. Мне показалось, что маленькие «вампиры» пили кровь. Отмахиваясь руками, я их срывал с одежды и выкрикивал неприличные выражения, хотя вряд ли на них это подействовало. Вся эта возня продолжалась не более пяти минут, пока я не нырнул в избушку. Чем было вызвано такое агрессивное поведение мышей – не знаю.

Возможно, не зря издавна ирвинские называли их вампирами. Очередные сумерки следующего дня ничего утешительного не принесли – нападение летучих мышей повторилось. Оставшиеся небольшие ранки от укусов и коготков на спине, плечах и руках ещё целую неделю напоминали о загадочных обитателях. Через день с первыми заморозками я покинул это место. Два года спустя, побывал еще раз, однако летучих мышей больше не видел.

Бог солнца

Спустя двое суток я был на месте, именно на той старице, которая поразила меня своей необычайностью. Прошлой зимой во время охоты тропил кидуса, которого упустил из дупла по своей глупости. Поддавшись азарту, я погнался по следу и вышел к этому загадочному водоему. Картина, какую я видел, до сих пор стоит перед глазами. Узкая старица, шириной всего до семи метров, вытянутая дугой, в срединной части имела открытую поль-

нюю округлой формы. Из глубины выходили пузырьки, и клубы пара поднимались вверх. Развесистый серебристый иней полукругом, украшая ближайшие кусты и деревья, свисал серьгами. Красотища необыкновенная! Подойдя поближе к открытой воде, заметил как на глубине просматривается каменистое дно с желтоватым оттенком. Короткий зимний день не позволял долго осматривать окрестности, поэтому пришлось покинуть место.

Теперь, причалив на лодке к берегу, торопливо надев рюкзак, направился пешком в сторону старицы. Пройдя всего около ста шагов, вышел на пологий заросший зеленым мхом берег узкого озера. Примечательно, что на одной стороне выстроились вековые ели вперемежку с берёзами, а на другой – по краю обрывистой стены высились лиственницы, чередуясь с соснами. Отвесный берег уходил в воду, а сверху стекали струи подземных ключей, омывая вытягивающиеся известняковые пласты. Прозрачная вода открывала взору глубокий ров, похожий на излом. В его толще солнечный свет преломлялся перламутровым оттенком, и лишь голубые блики играли на зеркальной глади. Мелкие листочки водных растений окаймляли узкой полоской береговую линию, причём водорослей практически не было видно. Не было видно и каких-то ни было подводных обитателей, кроме мелкой живности. Любуясь в тишине дивной панорамой, через какое-то время всё-таки заметил всплеск рыбы. Пробовал на самодельную удочку с личинкой что-нибудь выловить, но безрезультатно.

И тут случилось невероятное. На противоположной стороне заметил вход в подводную пещеру. Охватившее любопытство настолько было велико, что, переборов внутренний страх, я разделся и залез в озеро. Моей решимости не было предела. Нырнув вниз, проплыл под водой пару метров через какой-то лабиринт и только тогда увидел светлую полоску над собой. Оттолкнувшись ногой от дна, неожиданно вынырнул в темном замкнутом пространстве. Оглянувшись, понял, что очутился в настоящей пещере. От ломаной трещины сбоку пробивалась узкая шлея света. Полусферическая испещренная жёлтая стена нависала над головой. Признаться, в каменном «мешке» чувствовал себя не очень комфортно. Да и затхлый, влажный воздух насыщенный, как мне показалось, миндальным запахом отнюдь не располагал к долгому пребыванию.

Однако, всматриваясь в темноту, я сумел различить на гладкой части стены круг. Нащупав рукой борозду, пальцами провел по нему. Сначала немного опешил, но потом осенила совершенно невероятная, но вполне допустимая мысль: «А что, если это творение рук человеческих?». К тому же, вокруг круга нащупал прямые полоски в виде лучей солнца. Древние северные люди поклонялись Богу Солнца. Я это уже где-то встречал. И тоже в Ирвинских лесах у одного озера в пещере. Вот это открытие! На сколько смог дотянуться, прощупал руками стены.

Увы! Ничего примечательного больше не удалось обнаружить. Мне захотелось осмотреть весь крутой берег. Через несколько минут, вплавь, цепляясь за камни, обследовал береговую линию. К своему огорчению, ничего необычного не увидел, кроме огромных древовидных топляков. Уставший и озябший вышел на сушу, быстро оделся и развел костер. Находясь во власти впечатлений, наспех перекусил и решил обойти прилегающие бугры. Как только спустился к болотцу, поднял глухариный выводок. С шумом, неуклюже взлетевшие птицы расселись на соседние деревья, не помышляя скрыться из виду. Глупыши цокали бормотаньем и подпустили меня совсем близко. Улыбаясь, я хлопнул в ладоши, и они тут же разлетелись в разные стороны. Теплый августовский день под пологом леса собрал в клубки мошкару и комарье. Старательно обходя нежелательные встречи, не заметил, как оказался перед крутым бугром. Окинув взглядом узкую низинку у подножья, ахнул. Сфагнум был устлан жёлтым ковром налившей, спелой морошки. Ягода осыпалась при прикосновении, вполне можно было даже с небольшого пяточка набрать ведро.

Сначала я полакомился, а затем не удержавшись собрал около килограмма в котелок. Жаль, не было посуды. Множественные мелкие родники указывали на близость артерий подземных вод. Они не только питали старицу, но и очищали воду. Выявил ещё одну особенность: разнообразие напочвенного покрова свидетельствовало о наличии изменений почвенно-гидрологических условий. В этом есть глубокий смысл одной из природных загадок. Ведь формирование флоры напрямую зависит от содержания необходимых химических элементов и органики.

Когда я обратно вышел к озеру, то увидел огромного орла сидящего на вершинке лиственницы. Протяжный

свист горделивой птицы нарушил молчание древней тайги и как бы известил всех обитателей о бдительности. Зоркий хранитель спокойствия, конечно же, узрел меня раньше, чем я его. Но скорей всего, пернатый обитатель решил продемонстрировать перед «чужаком», каковым я являлся, своё гостеприимство, надеясь на взаимное уважение. Пожалуй, в этом заключается истинный смысл благородства. С легким и радостным сердцем я покидал этот чудный уголок, наверное, потому, что «бог солнца» благословил меня сохранить тайну предков.

«Лосиная диалектика»

К утру огонь полыхал широким фронтом дугой между лесными буграми и озером Югьд-ты. Западный ветер все сильнее раздувал верховой пожар, который охватывал прибрежные сосняки и сухие ельники. Кругом гудело, трещало и скрежетало. Едкий дым серой мглой окутывал округу. Горячие воздушные потоки вихревыми порывами осыпали землю огненными снопами искр. Безжалостное пламя пожирало все на своем пути. Молодые сосны обгорали как свечки в одно мгновение. А мохнатые вековые ели, не выдерживая огненного натиска, тяжело охали и прерывисто трещали сотнями «пикард», то и дело, как бы выбрасывая в стороны горящие «хлопушки».

Выгоревший мох дымился, обнажая голую почву, отчего образовались множественные чёрные приямки. После огня обугленный, омертвевший лес скрипел и изредка грохотал падающими деревьями. Дым постепенно рассеивался, а хлопья сажи продолжали кружить в воздухе. Тлеющие угли древесных остатков злоеде краснели повсеместно. Обнаженные корневища причудливо выделялись почерневшими извилистыми формами. Жуткая картина с обезображенным видом простиралась кругом до самой воды.

И вдруг, сквозь дымчатую пелену посередине озера выросли контуры продолговатого силуэта.

Невероятно, но факт. Спасаясь от огня, брюхатая лосиха забрела в воду. Тяжело дыша, бедное животное фыркало, озираясь по сторонам обезумевшими глазами. Темно-рыжая спина лоснилась и парила от пота. Через какое-то время, успокоившись, лосиха медленно выбралась на

мелководье и улеглась на бок. Длинные настороженные уши часто шевелились, реагируя на любой шум, но чуткий зверь оставался невозмутимым.

Казалось бы, огненная стихия всемогуща, однако сила жизни отстаивала своё право на существование. Кроме того, наверняка великая ответственность во имя сохранения будущего потомства помогла животному побороть в себе чувство паники и безысходности в чрезвычайных условиях. И сейчас, когда смертельная опасность миновала, инстинкт самосохранения все равно не позволял полностью расслабляться, несмотря на изможденность. Судя по большому выпуклому брюху, момент появления новорожденного следовало ожидать на днях. Лосиха погружала морду в воду, пускала пузыри, а потом фыркала ноздрями и чихала. Эту процедуру она проделала несколько раз. Видимо, таким образом избавлялась от осевшей копоти в гортани и очищала дыхательные пути. Затем резко повернулась на другой бок, вытягивая тушу и дрыгая длинными ногами. После купания помотала головой и, упираясь передними ногами, заставила себя подняться. Отряхнувшись, медленно, но уверенно побрела по воде вдоль берега.

Животное явно направлялось к речке. Выйдя к протоке, оно пробиралось сквозь густой ивняк и, наконец, очутилось у речки. Пожар благосклонно не тронул низинные участки и узкие лесистые гряды, обрамленные листовым молодняком. Поэтому, здесь выглядело свежо и зелено. Молодая листва и смолистая хвоя благоухали приятными застоялыми запахами под пологом. Бодрящая речная прохлада изредка нарушилась дымками пожарища. Неожиданно лосиха опять улеглась среди кустов. Томительное тихое мычание прерывалось коротким отрывистым буканьем.

Можно было предположить нечто неладное в поведении зверя, но явных признаков не наблюдалось. В это время с противоположного берега раздался медвежий рев с харканьем. Мгновенно на какую-то паузу наступила тревожная тишина. Удивительно, но лосиха, вопреки всякой логике, спустилась к воде и протяжно промычала, подняв голову кверху и раздувая ноздри.

Оторопевшая медведица недовольно фыркнула брызгами слюны, лапой шлепнула медвежонка и семейка скрылась за деревьями.

Развязка закончилась также быстро, как и начиналась. Гордая лосиха степенной походкой процокала по берегу несколько десятков метров, после чего удалилась в сторону еловой куртины.

Все разрешилось под утро. Упругие вздохи и хрипы, звонко, отчетливо нарушали утреннюю блажь. Чувствовалось какое-то напряженное ожидание необычайного, загадочного природного явления. По крайней мере, естественная среда всегда полна самыми разнообразными живыми звуками. Но в данном случае свершилось самое сокровенное – рождение новой жизни. Ничто не могло помешать этому благостному событию, ибо высшее предначертание на земле – продолжение рода своего, а равно воспроизводство потомства. Огромные влажные глаза роженицы тепло и ласково смотрели на новорожденного, беспомощного и слабого, мокрого и дрожащего. Мать нежно облизывала свое чадо длинным шершавым языком, отчего детеныш лёжа покачивался и всхлипывал, издавая жалобные звуки, похожие на писк.

Остались позади мучения и страдания, но осталась внутренняя боль, боль за преодоление испытаний, прошлых и будущих. Скорее всего, предстоящие трудности теперь путали лосиху больше всего, ведь надо было бороться и выживать вдвоём. Ответственность за жизнь своего дитя требовала полной самоотдачи и в конечном итоге самопожертвования ради потомства.

К вечеру животные уже покинули прежнее место. Осторожно ступая по зеленому мху, впереди шла мама-лосиха, а сзади на тонких ножках неуверенно, с остановками семенило худенькое рыжее существо с длинными ушами. Лосёнок часто падал и пищал, тогда мама подходила к нему и мордой помогала встать на ноги, непременно несколько раз облизнув тельце. Иногда мама останавливалась и стояла неподвижно, а малыш подкреплялся живительным молоком.

Впервые совершив небольшое путешествие, теленочек лежал клубком изможденный, но счастливый. Хотя, вряд ли еще осознавал свое предназначение. Маленькое тельце пульсировало и от тепла исходила еле видимая испарина. Лосиха настороженно прислушивалась к каждому шороху, мотая головой, чтобы избавиться от надоедливых комаров. Шерстка часто вздрагивала от укусов насекомых, из-за чего животное, то и дело приподнимало ногу, либо

топталось на месте. Ночлег был выбран неслучайно на краю сосняка среди молодого подростка. Сухое место и теплая летняя ночь благоприятствовали спокойному отдыху удивительных животных.

Что чувствовал этот сопящий малыш, увидев своими глазами огромный, бескрайний и неизвестный зелёный мир? Что ему сейчас снится? Увы, эта тайна останется при нём. И что его ожидает в будущем? Одно можно сказать уверенно – никакие опасности и испытания не могут сломить это величавое и благородное животное, ибо оно остается ярким символом гармонии в дикой необузданной природе.

На исходе лета лосиха со своим отпрыском мирно обитали на северной стороне верховья Ирвы. Глухие места с болотцами и ручьями сменялись старыми гарями. Окрепший и подросший теленок уже имел представление о таежных обитателях, умел обходить буреломы, переходить водные преграды и топкие болота, научился распознавать чужие запахи и избегать опасные встречи с хищниками, а главное – выбирать подходящий корм.

Уроки заботливой мамы не прошли даром. Многие десятки километров пришлось преодолеть за последнее время лосёнку. Причем, каждая излишняя шалость наказывалась материнским тычком, поэтому игры допускались только во время отдыха. На одном из переходов телёнок напоролся на острый сучок. Рана на боку заживала медленно, и состояние лосёнка было неважным. Тогда лосиха заставила своего малыша поваляться в грязи. Подсохшая короста через несколько дней затянула рваный след.

Как-то неожиданно-негаданно состоялась встреча со своими сородичами. Первое время обе пары держались на определённой дистанции. Однако, на опушке дети оторвались от матерей и начали играть, подпрыгивая друг перед другом. Взрослые фыркали, ревниво поглядывая в сторону телят. Вскоре одна из лосих отвалила своего, и обе пары спустились к озерцу, где устроили небольшое купание. На этом и разошлись. Дальнейшее путешествие продолжалось по сосновым борам, где лосёнок впервые попробовал на вкус сыроежку и голубику. Трое суток с большим удовольствием животные бродили по ягелю. Особенно понравилось малышу, когда кувыркался, переваливаясь с боку на бок на мягком мху, вовлекая свою мать проделать то же самое. Даже любопытный бурундук цвиркал, забе-

гая на стволы деревьев, и наблюдал за необычной картиной.

Но безмятежность рано или поздно меняется, как и погода. Ночью задул сильный восточный ветер, который постепенно перешел на северный. Холодные вихри заволкли небо тяжёлыми свинцовыми облаками. Под утро зарядил дождь, сначала сплошной стеной, затем умеренно, но без перерывов. Лоси укрылись от непогоды в небольшом ельнике, откуда простиралось верховое болото. Дрожа от холода, мокрый лосёнок постоянно прижимался к туловищу матери. Лишь через три дня животные покинули убежище, удаляясь всё дальше и дальше на юг вдоль болота. В одном месте лосиха учуяла близость медведя. Быстрым ходом лоси устремились в сторону от следов хищника. Но прошло немного времени, а преследователь не отставал. Естественно, хитрый косолапый поддался соблазну из-за детеныша и у него не было агрессии, но и поживиться был бы не прочь.

Мать упорно подбадривала малыша прибавить ходу. Однако, его силы иссякали и, в конце концов, измученный бедняга еле переставлял тоненькие ноги. Вынужденный отдых не предвещал ничего хорошего. Лосиха стояла подле детеныша как изваяние, настороженно озираясь по сторонам и вслушиваясь в каждый шорох. Долго ждать не пришлось. Волнения не были напрасными.

Огромный зверь вырос перед лосями как из-под земли. Стоя на задних лапах, медведь коротко рывкнул, после чего опустился и медленно совершил круг утрашения. Испуганный лосёнок мычал и жался к ногам матери. Лосиха вытянула вперед шею, следя за каждым движением грозного соперника. Она готова была биться насмерть за свою родную «кровинушку». Возбужденно вздыхая и фыркая, лосиха, переминая ногами, ожидала нападения. Медведь пытался несколько раз симитировать нападение короткими движениями вперед, дабы нарушить единение животных и разделить их друг от друга. Но нервы у копытных выдержали. Напоследок косолапый еще раз поднялся на задние лапы и зловеще рывкнул, а затем скрылся в чащобе.

Лоси тоже быстро сиганули на вершину бугра и только там выпустили «пар». Мать облизала взмокшее тельце телёнка и сама улеглась рядом с ним. До самых сумерек они отдыхали. Но что их ждёт впереди?

Таинственная вода

Известно, что по своей значимости вода является основным источником жизни на Земле.

Чтобы разобраться ее в таинствах, хотя бы в некоторых, достаточно посетить свои, уже знакомые водоёмы, будь это река, ручей, озеро либо пруд.

Итак, начнем наше познавательное путешествие.

Таинство первое Все цвета радуги

Глядя на поверхность воды, нельзя не заметить, как играют блики света. Тёмная гладь быстро-быстро меняется разноцветными тонами, включая сине-желто-зеленые либо серо-охристые оттенки. В зависимости от глубины высвечивается дно сквозь толщу воды. Где песок либо галька – она прозрачнее, где илистые отложения – наоборот, тёмная. Но в любом случае стоит лишь зачерпнуть воду в склянку и на вид она окажется одинаковой по прозрачности и цвету. Так в чем же дело? Следует знать, что солнечный свет проникая в толщу воды, преломляется. Известно, что плотность пресной воды, меньше чем соленой, поэтому, купаясь в реке и море, мы видим совершенно разные цветовые гаммы.

Для начала давайте нырнём в нашу северную речку. Верхний слой воды самый светлый, ярко зелено-голубой и самый теплый; средний слой – почти однотонный, от лилового до светло-коричневого; нижний слой – наиболее с темным оттенком от фиолетово-серого до буро-серого, по температуре – самый холодный. Причём, по содержанию взвешенных частиц большее количество примесей приходится на нижний слой. А в верхнем, как правило, преобладают растительные остатки и мельчайшие живые микроорганизмы. Очевидно, что почвенно-минеральные примеси, как более тяжёлая фракция, присутствуют в нижнем слое, отчего образуются разные наносы. Приведенная выше характеристика присущая водоёмам с умеренным течением и, прежде всего, с песчано-глинистыми и карстовыми донными отложениями. Зато лесные речки с галечно-каменистым дном поражают взоры своей прозрачностью и голубизной, у них отсутствует многослойность воды, со-

храняется низкая концентрация минеральных солей и органических веществ.

Но самые удивительные явления происходят на озёрах (проточных и не проточных). В них вода на свету меняет цвет от ржаво-бурого до темно-зеленого; в другом – настолько светлая, что дно, будто в зеркале отражается. В первом случае большое содержание железа создает однородную среду, поэтому и цвет воды такой. Во втором – благодаря донным ключам и притоку свежей воды насыщенной кислородом происходит циркуляция. Плотный донный грунт практически не имеет илистых отложений за исключением береговых заводей и перемычек. В пред-рассветное время и особенно во время «белых» ночей можно увидеть серебристое свечение водорослевых островков. Тысячи воздушных мельчайших пузырьков, облепившие подводную растительность, не только радуют глаз необычной красотой, но привлекают своим свечением и насекомых, и рыб.

Нередко в глухих таежных уголках встречаются «дикие» озера. Они образовались в местах выхода на поверхность водоносных пластов и оседания почвы. Здесь своя специфическая флора, которая отличается не разнообразием, а скорее редкими видами. Если внимательно понаблюдать в тихую тёплую погоду, то нельзя не заметить, как в разных частях озера появляются все цвета радуги. Где-то расплывчатыми пятнами, а где-то полосами вода тускло светится слоями. Ярче всех выделяются жёлто-зеленые и лилово-розовые тона. Оказывается, подобная «цветомузыка» обусловлена выходом подземных газов и скудность живого планктона. Но существует ещё один тип лесных озёр, в которых ржаво-бурый цвет практически не меняется из-за большого количества иловых осадков..

Таинство второе **Живая и мертвая вода**

Главное достоинство воды не в умении преломляться всеми цветами радуги, а все-таки в способности обладать и управлять энергетическим ресурсом. Ещё в русских народных сказках не раз упоминали о «живой» и «мертвой» воде. С момента зарождения на Руси православного христианства на праздник Крещения освящается вода.

А сколько целебных источников у нас на Севере, да и каких удивительных! Почти каждое село либо деревня может похвастаться своими чудодейственными ключами. Как правило, в таких местах никогда не случаются ни массовые эпидемии среди населения, ни эпизоотии среди домашних животных.

В обычной повседневной жизни дождевую воду мы воспринимаем как самую мягкую, то есть без солей, а ещё и без примесей. Поэтому, после кипячения естественно на внутренней поверхности кастрюли либо чайника не появляется накипь. А в природе дождь орошает почву, проникая на определенную глубину, и в зависимости от этих факторов, формируется разновидность растительного слоя и микроорганизмов. Живительная влага в данном случае является прямым катализатором для протекания необходимых химических и биологических процессов в почвенной среде.

Совершенно противоположная характеристика о так называемой «мёртвой» воде. А это означает, что по химическому составу жидкость содержит предельные уровни кислотно-щелочных составляющих. В такой среде условий жизни нет. Преимущественно на низинных торфяных болотах в результате длительного застоя происходит естественное «омертвление» воды. Тёмно-бурого цвета с фиолетовым оттенком жидкость сохраняет лишь физические признаки, но переходит в вещество. Даже, если нейтрализовать эту агрессивную среду, количество тяжелых нерастворимых металлов останется запредельной. Такую «мёртвую» воду не пьют ни птицы, ни звери. А в местах нахождения таких «озер» отсутствует всякая водная растительность и живность. В них скапливается и отрицательная энергия, что опасно и для человека.

Таинство третье Главный аккумулятор Земли

Известно, что 3/4 Земной суши заполняет вода. На протяжении миллионов лет существования Земли уровень вод мирового океана, его запасы не раз претерпевали значительные, даже глобальные изменения. Естественно, происходили и структурные изменения земной коры и климата. Вода – не только проводник, теплосборник, отража-

тель, терморегулятор солнечной энергии, но главное – аккумулятор. А это означает, что она предохраняет земную атмосферу от разрушения, от «разгерметизации», а земную поверхность – от перегрева и переохлаждения.

Надо отметить, что среди ученых мира до сих пор нет единого согласия о структуре самой Земли. Ранее считалось, что ядро состоит из расплавленной магмы, однако, есть и иные обоснованные точки зрения.

Но все-таки попробуем выстроить современную схему происходящих процессов:

- поверхность Земли достигают только ультрафиолетовые лучи солнечной энергии, а космические отражаются;

- вода, поглощая энергию, становится заряженной и, будучи главной средой Земной энергосистемы, аккумулирует её в своих «кладовых»;

- расход энергии происходит исходя от потребностей жизни Планеты;

- от активности Солнца напрямую зависит и зарядка главного аккумулятора Земли-воды.

А сколько еще неразгаданных тайн предстоит раскрыть человечеству? И сколько еще воды утечет?

Глава 3

Всё прекрасное во сне и наяву

Я уверен, что любой человек, будь он охотником или рыбаком, грибником или просто любителем природы, в своих снах видит дивные открытия о новых встречах, ощущениях и впечатлениях. Испытывая скорейшее желание попасть в свои заветные места, получить истинное удовольствие после изнурительных, но приятных трудов, каждый думает об этом с добрыми намерениями.

А попадая в различные экстремальные ситуации, человек не теряет надежды на спасение, веря, что все получится удачно и не придется стать жертвой случайных обстоятельств.

Неслучайно в своих воспоминаниях о таёжных хождениях я старался описывать случаи, вызывающие только положительные ассоциации. Счастлив тот, кто все прекрасное увиденное во снах, ощути и наяву. И наоборот.

Этюды вдохновения

Когда я соскочил с поваленного дерева вниз под бугор, то левая нога провалилась глубоко в снег. В ту же секунду лыжа зацепилась за что-то твердое, и с разгона меня так развернуло, что нырнул лицом в снег, невольно сделал шпагат. Кое-как повернулся на бок, упершись пешней, приподнялся. Попытался сначала освободить застрявшую ногу вместе с лыжей, но безуспешно. Пришлось вынуть ее из валенка, потом с трудом разгреб снег и вытащил лыжу с обувкой. Все бы хорошо, но когда вновь обулся, почувствовал острую боль в области щиколотки. Отдышавшись, осторожно встал на лыжи и покатил по склону.

Следы большого самца куницы вели к ручью. Зверек только два раза «нырнул» под валежины зализывать раненую лапку. Утром он попал в капкан, но ускользнул, оставив только три коготка на память. Испуганная осторожная лесная «кошка» не реагировала даже на мелких грызунов встречающихся на пути, но и залечь в убежище также не торопилась. Торопился только я. Зимний день короткий, надо было успеть догнать. «Да, пожалуй, дело –

дрянь!» — подумал про себя, когда совсем стало больно ступать на ногу.

Прикинув по компасу в какую сторону «срезать» обратный путь, я прекратил погоню. Уставший, промокший от пота и, скорее всего, угнетенный медленно, но уверенно прокладывая лыжный след. Увы! Темные сумерки все быстрее и быстрее сгущали свои краски и, наконец, почти невидимая темнота накрыла всю округу. Впервые пожалел, что не взял с собой фонарик, а парафиновые свечи не годятся. Недолго думая, содрал охапку бересты, часть которой обмотал на железный наконечник пещни и туго затянул проволочными и заячьими петлями. С таким факелом хоть как-то получалось продолжать движение. Когда и эта возможность была исчерпана, натываясь на всевозможные препятствия, я упрямо двигался вперед, пока не вышел на спасительное болото. До боли знакомое место означало, что я дошел до избушки, которая ровно в ста метрах по просеке от квартального столба.

В такие минуты обычно приходит на ум одно и то же, надо приложить силу воли и не терять разум.

Может быть, поэтому Господь оберегает меня от физической гибели и нравственного разложения. Кстати, раньше много раз приходилось участвовать в поиске людей, пропавших в лесах. И когда находили кого-то живым, чаще всего он оказывался человеком, потерявшим рассудок. Но поразил один случай, произошедший в архангельских лесах. Собирая морошку, одна старушка, в возрасте 83 лет, плохо слышащая, отстала от своих внуков, и её потеряли. На третий день поисков посчастливилось мне её обнаружить на том же болоте, где и собирали раньше ягоду. Она сидела под елью в светлом платке с полной корзиной ягод и грызла сыроежку. Увидев меня, незнакомца в камуфляжной одежде, она не испугалась, а только спросила: «Сынок, почему же так долго Вы ищите, можно и совсем заоченеть». На все мои наводящие вопросы бабушка отвечала вполне нормально и адекватно. Мне запомнилось её признание, когда уже выходили к дороге: «Я уже старая, а жить очень хотелось, и я не теряла надежды, верила, что вы меня найдёте, поэтому ни одиночество, ни голод, ни холод меня не одолели». А добрая её улыбка была тому истинным подтверждением. Итак, растопив печку и разогревая остатки утренней перловой каши с кусочками копченого тетерева, почувствовал стран-

ный запах мяты. Осветив фонарем вокруг печки, в углу обнаружил несколько поникших, почти почерневших кустиков дикой мяты, торчащие прямо из расщелины. Видимо, влага и тепло на какое-то время дали шанс растениям жить, чтобы «выдохнуть» последние капельки жизни и уйти на покой до весны. Удивительно, что даже они не лишены способности в холодных зимних условиях сотворить чудо.

Однако припухлость на ноге ничего хорошего не предвещала. Выхода не было – пришлось воспользоваться традиционным народным способом – повязка с компрессом собственной мочи. Вроде бы, всего растяжение мышечных связок, а ходить невозможно.

День прошел почти впустую: наколот дров под навесом, выстругал новое топорище и две ложки из осиновой болванки. Настроение не придавало внутреннего подъёма, тем более, ближе к ночи стал сильнее мороз. За вечер, отлежав бока, решил подышать воздухом перед сном.

Яркая луна освещала лес и голубой снег. Нарядные деревья с белыми кружевами и снежными охапками молча «дремали». Гладкие снежные бугорки волнами искрились, отливаясь синевой. Берёзовый молодняк, забеленный инеем и чуть припорошенный, веером раскинулся до болота. Тонкая, лёгкая полоса тумана расплзлась везде, прикрывая низинки и ямки. А в воздухе ощущался тихий далёкий звон, изредка переходящий в потрескивание виде хлопков. Сжимаясь от холода, ствол любого дерева, особенно сосны, деформирует лубяной слой под корой, из-за чего образуются мелкие трещины. Наиболее часто подобным повреждением подвергаются перестойные деревья, у которых и волокна, и смоляные ходы и плотность древесины меньше.

А вот и долгожданное чудо! Северное ночное небо заиграло разноликими сполохами. Размытые светло-зелёные полосы колыхались волнами, покрываясь то оранжевыми, то синими, то жёлтыми, то ярко розовыми, то лиловыми цветами. Красочная картина явно предвещала о перемене погоды. И надо же, на фоне свечения на ближнюю опушку выскочила рыжая лиса. Опустив пушистый хвост и мордочкой обнюхав снег, зверь закружился на пятачке, а затем сделал короткие рывки взад-вперёд. После паузы поднял голову, прислушался и устремился в глубь леса.

Изрядно продрогший, но довольный впечатлениями об увиденном, я доковылял до избушки.

Предрассветные сумерки еле-еле освещали старую лыжню, по которой я двигался умеренным шагом, чуть хромая, в надежде успеть проверить два дальних капкана. Широкие самодельные лыжи на камусе равномерно, немного утопая, скользили по хрустящему снегу вдоль болота, уже давно оставив позади гладкую накатанную лыжню. Уплотненный снег хорошо держал на открытых участках, а в ельнике ноги проваливались по колено. Кое-как добравшись до первой ловушки присел отдохнуть. В тот же миг услышал хруст над собой, и снежные комочки россыпью посыпались с ели. Поднявшись и взяв ружье наизготовку, осторожно отошел в сторону, чтобы осмотреть верхушку. Чу! Вот он красавец! На согнувшейся макушке, нахохлившись от холода, сидел глухарь. Заметив меня, он напрягся и вытянул шею. Черная птица с фиолетовым отливом, красными бровями и бородкой смотрела куда-то на север. Грех такого молодца на «халяву» без труда убивать. Конечно же, я не стал стрелять. Еще несколько секунд гордая птица сидела неподвижно, медленно раскачиваясь вверх-вниз, потом, фыркнув и хлопнув крыльями, полетела и скрылась в лесном массиве.

Пока поправлял капкан, отряхал от засыпанного снегом приманку, попил горячего чаю из термоса, потерял минут двадцать. Далее маршрут пролегал через низкорослый сосняк. Я перешел его довольно быстро и уперся в стену плотного леса. И тут повезло, стайку куропаток взлетела из кустов, подпустив меня совсем близко. Выстрелив на вскидку, успел сбить одну. Вскоре добрался до места, и радостное волнение охватило, когда увидел, как от жерди свисает желанная добыча на капкане – знаменитая гордость северной тайги лесная куница. Сколько раз не охотился, а никак не могу успокоиться, когда в руках держу эту изворотливую, хитрую, прелестную, пушистую «кошечку». Популяция этого вида очень неприхотлива к условиям жизни, приспособлена к оптимальному воспроизводству даже в неурожайные годы. Куница появилась на Удоре всего лет сто назад.

И опять в темноте из последних сил скользил по лыжне до своего родного домика, который и обогреет, и накормит, и сохранит от всяких напастей. Сменив мокрую одежду, развесив около печки и переодевшись во все сухое, я

плюхнулся на полати! Какое наслаждение ощутить лёгкость в ногах и желание выспаться, не шелохнувшись хоть сутки. Расслабившись от усталости, я действительно тут же уснул. Проспал около часа. На плите чайник выкипел наполовину, а в печке мерцали красные угольки. Пришлось подбросить еще дровишек и, заварив щепотку индийского чая с чагой, принялся готовить суп.

Приготовление пицци в лесу – это особый процесс. Сначала поджарил кусочки сала вместе с остатками копченой дичи с луком. Затем в кипящий котелок положил перловки пару горстей, а позже сушеную крапиву с лебедой. Понятно, что соль по вкусу. Через полчаса суп готов. И обязательно в миску с супом, перед тем как есть, надо крошить сухарей. Попробуйте, объедение!

Знаменательное событие произошло через день. На охоту не вышел, а занимался «болванками» для топорниц. Чтобы придать нужную форму и толщину отбесал все четыре заготовки и подвесил на веревки сушиться. Залатал дырку в куртке, подшил ободок крепления на лыже. Усевшись у окошечка и держа ладонью поникшую голову, смотрел на улицу. Видимо, что-то нашло на меня, что называется «ушел в себя». Любуясь зимним убранством, увидел, как один за другим вышли на опушку пять лосей, двое из которых двухгодовалые, поменьше других и держались возле матерей. Самый крупный сохатый безжалостно хрумкал верхние ветки рябины, а остальные нехотя лакомились осинками. Двое постоянно прислушивались, шевеля большими локаторными ушами, и топтались чуть в сторонке, пока не улеглись на бок прямо между кустами. Величавые животные, ничего не подозревая, мирно мотали огромными темно-рыжими головами, и облизывая бока шершавыми языками, изредка фыркали. А я продолжал смотреть с удивлением и улыбался. Не так уж часто приходится наслаждаться такими картинками. Но вот самец развернулся и направился в мою сторону. Слово чеканя шаг длинными ногами, он шел прямо к избушке. Оставалось около десяти метров до нее, когда зверь замер на месте. Большие влажные глаза, чёрная спина с горбом и проседью, темно-рыжие бока со светлыми голяшками и, мощная темно-бурая грудь и клиновидная густая борода с белесой полосой – так, словно памятник, выглядел этот зверь. Только пар из ноздрей и подрагивание мышечных бугров подтверждали, что это великолепное

природное создание не парковая скульптура. Пауза продолжалась около двух минут, пока лось медленно вернулся к своим.

И вот тут я очнулся. Охотничий инстинкт разбудил во мне искорку азарта. Мелькнула мысль попробовать одного лося завалить. Но как? Ружьё висело на стене со стороны улицы, а надо еще перезарядить патрон с пулей. Осторожно открыл дверь, но предательский скрип успел сделать свое дело. Лосей как ветром сдуло. Ну и ладно. Такие неожиданные встречи всегда приятны вдвойне: во-первых, вызывают душевный подъём; во-вторых, практически не повторяются дважды, поэтому надолго памятливы.

Утром следующего дня все-таки решился сходить на свои заветные тайные родники. Я их так называю, никто о них не знает, холодные ключи бьют из-под земли около небольшого болотца, образуя небольшой водоём красного цвета. Понятно, что избыток застойной воды, насыщенный железом, смешивается с родником, но не успевает адсорбироваться. И получается ржавый оттенок. Зимой это место обычно замерзает, но узкое русло ключей лишь обрастает ледяными торосами. А особенно красиво зрелище осенью, когда красочный ландшафт украшают розовые, красные сфагnumовые мхи, белые пампушки пушицы, фиолетовые, жёлтые, чёрные и зелёные кустики вереска, клюквы, сабельника, багульника, морошки.

Несмотря на колючий мороз, я уверенно шел по знакомым буграм. От моего дыхания края капюшона так покрывались инеем, что меня в белом маскхалате можно было принять, наверное, за «снежного» человека. Кругом ни одной живой души, а все звери, и птицы попрятались. Лишь заячьи тропы и хитросплетенные следы горностая напоминали об обитателях. Но как только поднялся на просторные «чистые» сосняки – беломошники, смена лесных декораций вполне удовлетворила мои ожидания. На сотни метров виднелись изрытые оленьими копытами ямки со мхом и песком. Как на большом стадионе беспорядочные следы оленьих стад затоптали ягельные участки вдоль и поперёк.

По примятости снега уже завьюженного следа определил, что животные кормились вчера. Естественно, они где-то недалеко, места здесь для них отменные, а корма достаточно на пару месяцев. Обойдя полукругом западную сторону, вычислил, что два небольших стада по 15-20 го-

лов пришли с севера, а значит, недельки две точно будут пастись, если какой-нибудь охотник или волки не сгонят их с этих мест.

Северный олень – это стадное животное. Всегда есть вожак. Это осторожный и чуткий зверь, учует любой запах даже больше чем за километр. В каждом стаде существует и своя иерархия. В зимнее время заходят довольно далеко в таежные массивы, где легче добывать корм: мох, ягель. А порою, спасаясь от полярных волков в тундре, скрываются в северной тайге. Миграционные пути оленей в наших краях одни и те же, можно сказать вековые.

Наконец, через полчаса я подошел к своим родникам. Клубы паров поднимались вверх от незамерзающей полыньи, а прозрачная вода струйкой стекала в бездонную яму. Ледяные наросты обрамляли узенькое русло, и только тихое журчанье напоминало о живительной силе влаги. Согнувшиеся берёзки под тяжестью образовавшихся сосулек и порытые пыльным инеем рядом стоящие сосенки придавали особый шарм маленькому местечку. Ведь кругом высились плотной стеной мохнатые ели и сосны, как бы оберегая и защищая от «злых» ветров, живой островок.

«Эх! Все никак руки не доходят облагородить этот участок, – рассуждал вслух, глядя на ручеек. – Обложить валунами, укрепить русло, очистить вокруг от захламленности. Да мало ли что еще можно сделать».

По краям открытой полыньи заметил множество следов пернатых и даже лисьи. Судя по усеянным черно-бурым комочкам торфяной растительности можно было догадаться, что птицы клювом добывали из переувлажненного слоя корм: жучков и личинок. Не зря где-то поблизости горланили сороки, пересвистывались синицы, снегири. На обратном пути встретил глухарку, которая успела после дневки нырнуть в снег. Лунка оказалась совсем близко от лыжни и «глупышка», испуганно выпорхнув, неуверенно скользнула между густыми ветвями деревьев. Благополучно добравшись до избушки, сначала маленько отлежался, так как поврежденная нога снова припухла от нагрузок. Затем необходимые, но приятные хлопоты, сытная пища, душистый горячий чай из сушеных трав. Заменял высохшие можжевеловые пучки веток свежими, которые прекрасно стерилизуют и очищают воздух, а также не дают мелким грызунам «хозяйничать» в избушке, отпугивая своим запахом.

Обычно каждый день в тайге вносит свою новизну, приносит мелкие радости либо непредвиденные заботы, а иной раз – просто неудачи, но в любом случае одиночество не может стать причиной страха, растерянности, упадка душевных сил, ощущения потерянности. Нет и еще раз нет, ибо главное условие – в тайге ты не один, ведь кругом, рядом с тобой все живое. Надо только себя настроить, определить свое назначение в этом мире, войти в некий «внутренний» контакт и соблюдать условия выживания. Но для всего этого необходимо еще одно важное обстоятельство – научиться владеть и управлять самим собой. Тогда понятие одиночества для Вас приобретёт другой смысл, а именно – уединенного пребывания в радости и полезных трудах. А кто умеет радоваться жизни, тот никогда себя не считает одиноким.

На мой взгляд, нет более постыдного утешения, чем неоправданная жалость к самому себе, а главное – перебороть в себе страх и рассеянность. От этого избавиться можно, хотя трудно и долго. А когда остаешься один, ты сам хозяин своей судьбы. Ещё с далёких детских лет я приучал себя к условиям выживания в лесу. Нисколько не жалею, что не раз приходилось переносить нестерпимую боль, тонуть в ледяной воде, блуждать в лесных дебрях без пищи трое суток, при переломах накладывать шины из подручных материалов и останавливать кровотечение, участвовать в тушении лесных пожаров, выбираться из топкого болота да мало ли что ещё. Я привык ходить в тайге один, как говорится «без страха и упрёка». И поверьте, лишь суровая реальность, упорство и воля позволяют мне испытывать счастливые мгновения во время охотничьего вдохновения и азарта.

Таёжные откровения

Капризные сентябрьские дни потянулись более чем волнительно для меня. Вопреки прогнозам «бабьего» лета не случилось. Переменчивая погода то и дело сыпала своими сюрпризами. Короткие дожди бесстыдно нарушали мои текущие планы и охлаждали мой пыл, ветерок игрался и смеялся неожиданными порывами то с запада, то с востока. Оставлял надежду только воздух! Только этот освежающий, прохладный, и насыщенный какими-то осо-

быми терпкими лесными ароматами воздух явно вдохновлял, придавая некую постоянную уверенность. Поэтому я оставался внутренне спокойным и терпеливым, не теряя бодрости духа. Четвертый день в лесной избушке и только один раз посетил свое охотничье угодье. Собственно говоря, ничего удивительного нет. Ведь сырость в лесу не шуточная и простужаться не хочется, да и все живое притаилось. Очередная ночь, как ни странно, выдалась ясной и звездной. Я сидел в теплой куртке у костра и прислушивался. Такая тишина, а одиночества не испытываешь. С каждым часом заметно холодало, и лишь ярко-красные искорки веером уносились ввысь и гасли в загадочной мгле.

Но наконец-то! Вот они! Вот они первые ночные летающие гости! Сразу три, нет, уже пять, летучих мышей залетали возле костра, выделявая завораживающие пируеты вверх, вниз, в стороны, будто красуясь своим мастерством, каждая из них старалась максимально близко попорхать передо мной, отчего я даже чуть съезжился. Увёртливые летуны, однако, исчезли также внезапно, как и появились. «Да, видимо, интерес пропал. А что с меня взять? Я не летаю!» – подумал про себя и ещё раз огляделся. Улетели в свои жилища, благо есть где и зимовать. Рядом озеро, на берегу которого десятки вековых елей и сосен с многочисленными «ранами» от ударов молний. А сколько дупел и засмоленных трещин! Если внимательно приглядеться, эти могучие, поседевшие деревья могут приоткрыть свои тайны. Да, да! Ведь в их трухлявых «телах» теплится жизнь десятков обитателей, а не только летучие мыши нашли свое пристанище.

Они стареют и тихо умирают, но на прощание, как величайший дар новой жизни, отдают самих себя целиком без остатку ради созидания. Не правда ли, невероятное явление?

Всякий раз, даже, когда замечаешь самое малозначительное, наоборот, познаешь, пусть по крупинцам, величайшее для себя открытие – природное таинство, которое не каждому доступно. И вот тогда чувство гордости и радости охватывает тебя так, будто почувствовал высшее наслаждение.

А вот и бабочки! Стоп! Жёлтая оборка, чёрное одеяние и светящиеся ушки, величиной в пятирублевую монету – та самая «ночная блудница», у нас на Удоре бабушки окрестили ее таким названием. Кстати, она достаточно ред-

кий экземпляр. А сейчас, видимо, перед наступлением холодов совершает, последнюю ночную «гулянку», плавно кружась в нарядном платье.

Тут же на свету все заметнее увеличилось число мигающих белых пятен. Легкие малюсенькие мотыльки боязливо держали дистанцию, опасаясь жаркого дыхания коистра и лишь хаотично скучиваясь, мелькали перед взором. Странно даже подумать, что они с виду кажущиеся совершенно беззащитными и безобидными, могут нанести в периоды размножений непоправимый ущерб нежным весенним побегам растений, поедая не только тонкие волокна коры, но и распутившиеся почки.

Чу-у! Тихо! Невольно останавливаю дыхание, в ушах неуловимый звон от тишины и в то же время я слышу какие-то звуки.

Невозможно больше держать такую длительную паузу и напряжение внутри себя возросло уже до предела. И!.. Тоненькая далёкая трель свирели уносит меня в мир фантазий. Затем клавиши издают мелодичный ритм. И снова доносятся звуковые волны, как будто арфа заиграла распевным перебором. Но прерывистый писк постепенно усиливается и всё яснее ощущается контрастное восприятие таёжного сопения. Ночная симфония непредсказуема! Она сначала пронизывает, а потом долгим эхом оставляет всю гамму таинственных, неповторимых мелодий. Главное, надо очень постараться вовремя услышать.

Господи! В душе ликующие литавры! По правде говоря, подобные мгновения невыносимо трудно выразить словами ибо, когда испытываешь блаженство, ты растворяешься в окружающем мире.

«Цвырк! Цвырк! Цок! Цок! У-у-лю! У-у-лю! Тью! Тью!» – смешались уже знакомые звуки и чувства. То ли воображение заиграло, то ли обострившийся слух от напряжения сфальшивил, но в один момент показалось, что кто-то внимательно скрытно сверлит меня взглядом.

И действительно, всматриваясь в темноту, заметил еле заметные две мигающие светло-зеленые точки. Ага! Рядом ещё три таких же «светлячка». Что-бы это значило? Пока я размышлял, они вдруг исчезли. Не спеша, оглянулся и опять обнаружил их сбоку, затем – тихий шорох и огоньки погасли. Трудно сказать, что это было, но думаю какие-то зверьки, которые вылезли из своих укрытий на ночную охоту. К их числу можно отнести и горно-

стая, и ласку, и бурундука. На самом деле эти животные очень любопытные, хотя и осторожные. Легко приманиваются на пахучую приманку. Особенно податлив бурундук, который без всякой боязливости покажется на глаза и будет еще позировать. К примеру, два года подряд, в мае месяце бурундук настолько привык приходить ко мне в «гости», что хлебные сухарики он подбирал с валежины в трех шагах от избушки.

Бывало, когда поздно возвращался с реки, зверек терпеливо поджидал очередного гостинца в одном и том же месте.

А горностаю всю зиму ловит мышей в холодном чулане – в пристройке к избушке, чем оказывает неоценимую помощь в сохранности охотничьего снаряжения и продуктов питания. Благодарен и другим защитникам жилища. Пара «кувшинчиков» всегда висит над потолком, откуда летом вылетает целый рой молодых особей. Гарантия нешутливая – ни один чужой не сунется, как и ни одно стороннее насекомое. Причем, каждый год под крышей выводит птенцов трясогузка. И все обитатели живут в мире и согласии. А главное, я им не мешаю, и они мне не мешают, с ними только в радость.

Скажу прямо, такое соседство не случайность, а закономерность. Хочу добавить, всего в каких-то ста метрах от избушки постоянно гнездится рябчик. Понятно, что есть непреложный «закон» тайги – никогда вокруг жилища не нарушай спокойствие лесных обитателей. Какое умиление слушать и смотреть на доверчивых рябков, которые, усевшись на березы около избушки, по утрам и вечерам поют тебе свои серенады.

Разве не благодать? Да ещё какая!

Звездный купол над головой стал ярче. Воздух зазвенел от прохлады. Костер догорал, а пляшущие световые блики игрались с причудливыми тенями. Тихая дремота незаметно охватила меня и уводила от приятных впечатлений и воспоминаний. Внутренняя усталость брала своё и заставила меня пойти спать в теплую избушку.

Выспавшись на славу, проснулся уже тогда, когда под лучами солнца от легкого утреннего инея осталась лишь испарина. Кругом стелился дымок молочного цвета, мерцали росинки на блеклой траве и поникших на кустах. Желто-красные листовенные балахоны на березах и осинах блистали верхушками, и лишь раскидистая рябина,

согнувшись от гроздьев, наливалась тёмно-вишнёвым цветом. Перистые листья равномерно покрыли своей густотой изъяны на оголённых веточках и не поддавались ни холоду, ни порывам ветра. Если понаблюдать, рябина под пологом леса устойчиво сохраняет свою листву до снега, то есть не чета другим лиственным породам. Хотя есть исключение – ольха, которая и сейчас сохранила в прежнем виде свой зелёный наряд.

Я неторопливо облачился в привычную одежду, какую носили коми охотники ещё в старину. Фасон нисколько не изменился за исключением отдельных деталей. Суконная накидка, наподобие куртки-«безрукавки», обшитый поверх лоскутами из кожи спереди, плечики и спинка предохраняли от намочания, а для ношения топора на спинке приделано кольцо-чехол. Глубокие внутренние карманы позволяли вмещать необходимые вещи, а также добытые трофеи. Пояс с пряжкой каждый охотник изготавливал сам, либо получал в наследство от отца. Судя по поверию, каждый стежок, узор, своеобразные знаки хранили личные тайны и имели определенный смысл. Приметы и суеверия являлись практически неотъемлемыми особенностями как перед выходом на охоту, так и во время промысла. Пожалуй, можно добавить ещё один элемент – шейный платок, подаренный женой своему кормильцу. Холщовые штаны, рубахи с глухим воротом, шерстяной вязаный свитер и кожаные бахилы с удлиненными голенищами традиционно оставались одеждой охотников многие века.

Увы! Времена меняются, а традиции мало-помалу уходят в небытие. Но я горжусь, что свою накидку не променял ни на один современный «крутой» охотничий костюм. В этом тоже есть некая преемственность, сохранилось до сегодняшних дней и родовое угодье, а значит еще не все забыто.

Старенькая курковая двустволка тридцатых годов выпуска прошлого века германского производства, хоть и выглядела потёртой местами, ничуть не утратила свою надёжность. Ружьё ни разу не подводило во время применения, благодаря совершенству механизма и что ещё важно, редко замечал налёт ржавчины. Вот оно, немецкое качество!

Привычно зашагал по еле заметной тропинке вдоль ложбины и постепенно углубился в зелёный ельник. Мох-

натые колючие деревья, бесстыдно приподняв ветвистые подолы, оголяли комлевые части, а серая плотная кора, словно напудренная тальком, блестела освещенной стороной. Когда-то в годы отрочества на охоте я срубил около ручья, где воду брал, несколько ёлок. Отец сердито посмотрел на меня, а потом тихо пояснил: «Помни, сынок, им тоже больно. Они, как дети, как ты, несмышлёныши, только защитит себя не могут». Я запомнил его слова на всю жизнь, а чувство вины до сих пор не утихает. И теперь, когда пробирался через островки колючего подроста, по привычке поглаживал верхушки, совершенно не чувствуя колкости иголок.

Неожиданно услышал совсем близко над головой знакомый звук: «Цок! Цвирк! Цок! Цок!» Затаив дыхание, медленно окинул взглядом еловый «шатёр». «Ага! Вот они ушки с кисточками торчком и глазенки неподвижные, карие, усатая мордочка рыжевато-пепельные окрасом...». Белочка, прижавшись к сучку, с любопытством наблюдала, как я глазею на неё. Пауза была недолгой. Зверёк юркнул вверх по стволу дерева и вновь зацокал, будто подзывал к себе. В ответ прощальная улыбка – и дальше в путь.

Когда спустился с очередного лесистого бугра, то упёрся в болото. Оно тянулось несколькими рукавами и исчезало в синеватой дымке среди зеленовато-оранжевых сосняков. Сухостойные омертвевшие деревья, почерневшие от дождей и ветров, стойко держались на красно-серой мшистой равнине. Пушица с редкой осокой, заросли карликовой березки и небольшие сосенки придавали местности особый шарм. Кое-где краснела клюква. А местами меховые подушки, обрамлённые лужами с ржаво-бурой водой, почернели. Только белый налёт пятнами украшал чёрную глянцевую гладь, будто кто-то нарочно рассыпал пудру. Сапоги мягко утопали на зелёном ковре, каждый раз выдавливая грязную жижу наверх и оставляя углублённые приямки.

«Да, дожди натворили дел! – подумал про себя, когда очередной раз увяз в торфе, провалившись по колено. – Чудно! Столько воды накопилось, давно такого не было. А, главное, столько живности вылезло на поверхность!». Действительно, жучки, клопы, мушки сновали десятками, сотнями везде на листьях, стебельках, и даже мелкие серые бабочки порхали то тут, то там.

С трудом преодолев метров восемьсот, я выбрался на противоположную сторону и присел на валежину. Платком вытер пот с лица, отдышался и только сейчас заметил в нескольких шагах примятую траву. Осмотрев место, сразу определил, что лосиха с телёнком недавно отлеживались, видимо, после дневного перехода, потому что боковой лёжки, характерной для ночлега, поблизости не оказалось. Чуть поодаль виднелись разрытые копытами три ямки. Ошмётки моха с комьями земли и растительных остатков разбросанные вокруг говорили о серьёзном поводе найти ответ на возникший вопрос «Зачем?».

Сработала наблюдательность. Красный мокрый песок стал ключом к разгадке тайны. Попробовав на язык, сразу почувствовал солоноватый вкус. Мать-лосиха точно определила своим природным чутьём скопление солонцового почвенного слоя. Нехватка соли в организме дикого животного практически постоянно ощущается и подобная зависимость непосредственно отражается на его самочувствии, особенно перед зимовкой. Доводилось и не раз слышать от бывалых охотников, как в отдельных случаях ослабленные лоси не выдерживали длительных зимних переходов и становились лёгкой добычей волков. Хищники терпеливо преследовали отставших и выжидали лишь удобного момента, чтобы расправиться с жертвой.

Как мне кажется, в этом есть жестокая логика выживания. Но вмешательства извне в естественный процесс, не войдут ли в противоречие с законами природы? Думаю, мнения разделятся. Где же эта оптимальная грань сёрдобольности и благородства?

Лось – удивительное животное, прежде всего, по образу жизни. Поражает его умение проявлять особый избирательный подход в поисках пищи и лекарственных растений. Всем известна ядовитость обычного мухомора. Однако для сохатого лучшего – противомикробного средства вряд не найти; мох ягель, личинки насекомых – отменные белковые продукты, а разные грибковые тела и лишайники – отличные витамины и стерилизаторы. Весь традиционный корм включает в себя более двадцати видов растений. К тому же, лосиная слюна обладает ранозаживляющим эффектом, моча пригодна для примочек на отёчные участки конечностей.

Но вот где-то совсем близко заулюкали тетерева. Повернув голову, я тихонько пытался рассмотреть на кронах

деревьев прилетевших птиц. Увы! Напрасно! Густая зелёная стена стройных сосен никак не позволяла увидеть молодых «болтушек», пока они сами вдруг не разлетелись. «Ах! Вот оно что!» – бесшумно над головой пронёсся ястреб-тетеревятник, и я только успел его взглядом проводить. Он неожиданно взмыл стрелой, косачей лишь распугал, но не тронул. Засмолённые, тусклые зарубки на деревьях всё дальше уводили меня по знакомой тайге. В некоторых местах, где «чистые» островки ельников и сосняков можно пощупать, посидеть на огромных замшелых стволовых частях деревьев, наверняка добрую сотню лет уже лежащих на земле. Сгнившая древесина не превратилась в труху, а расслоилась и затвердела, словно окаменела. Мох с лишайником вместо кожуха также защищает и сохраняет поверхность от полного разрушения. Поэтому древние великаны почти в два обхвата в комле, как лежащие памятники, давно уже приобрели почётный статус реликвий. И каждый раз, проходя мимо, я испытываю странное чувство внутреннего волнения. Дыхание старины напоминает мне, что вот также, как я, когда-то здесь в похожем облачении с рогатиной, арбалетом или кремнёвым ружьём ходили мои прадеды. Они также на плашки-ловушки добывали глухарей, тропили зверя, а на привале около ручья восстанавливали силы горячим отваром из трав и мечтали о будущем.

В одном месте лежит здоровенный валун, на нем высечен не совсем ровный круг с лучами наподобие «смеющегося» солнышка. Покрытые растительными пятнами борозды не утратили свои очертания, а лишь «постарели». Очевидно, что древний сородич не зря оставил доброе напоминание о себе потомкам, а со смыслом.

Порой представляю себе былые времена. Приручийный ельник вперемежку с пихтовыми куртинами постепенно меняется на примыкающие «чистые» сосновые боры. Однодвух ярусные массивы создают свой фон и атмосферу. Воздух насыщен хвойными ароматами, а над кустиками голубики, черники, брусники колыхает еле заметная молочная пелена дымки. Терпкий запах багульника в низинках плавно сочетается со свежим дыханием лесной герани, папоротника, костяники, плауна и ягеля. Всё смешалось, а в густых зарослях под пологом леса даже образовались застойные воздушные слои. Тёмно-зелёные

контуры ветвистых крон где-то затемяют молодую поросль, а где-то позволяют ей буйно разрастаться.

Кромка бугра, обнаженная от напочвенного покрова талыми водами и дождями, волнообразным изгибом тянется почти на две сотни метров. Переплетенные корневища с мелкими корешками образовали висячий козырёк сверху, а жёлтая песчано-галечная почва выставила, будто напоказ, валунные кладовые. Разные минералы говорят о своём происхождении как составляющие моренных отложений. А по краю редкие небольшие воронки – это порхалища глухарей. Тщательно подбирая себе места, птицы прилетают сюда рано утром либо вечером. «Умываются» в сухом песке, очищая кожный покров от надоедливых мелких насекомых. Глодают мелкие зернистые камешки для перемалывания растительной пищи в зобу.

Вытянув мускулистую шею, нахлывшись и распрямив чёрную бородку веером, глухарь медленно начинает перебирать лапами и топтаться на одном месте и только после этого приподнимает огромные крылья. Покачиваясь сбоку на бок, умудряется проделывать массивной грудью ныркообразные движения. Разгребая под собой песок и хлопая крыльями, поднимает на себя песчаную пыль, а затем судорожно отряхивается, поправляя клювом нерасчёсанные перья. Подобная процедура, похожая на своеобразный ритуал, длится недолго, после чего птица обычно взлетает с земли.

Но стоит немного пройти по сосновым буграм, и обязательно обнаружишь следы других постоянных обитателей. Снежная пороша, выпавшая за ночь, помогла мне без труда найти мирно пасущихся лесных оленей. Стадо, голов под пятьдесят, неровным клином разбрелось на склоне возвышенности, выделяясь светло-серыми пятнами.

Осторожные животные отличаются отменным обонянием и слухом, поэтому любоваться приходится издали. А вот и «сторож»! Высоко подняв голову, он постоянно принюхивается и глазает по сторонам, чтобы вовремя обнаружить любую опасность. Пепельно-седой окрас, тёмная спинка, огромные ветвистые рога, крупнее среди остальных со своей вожденной походкой – так выглядел вожак на переднем плане. В центре самки с телятами старательно щипали сочный ягель и изредка фыркали. Лишь молодые особи из числа самцов то и дело гонопились друг перед другом подростыми рогами. Благо, дисциплина в

стаде контролировалась взрослыми, и строго пресекались любые nepозволительные шалости.

И вдруг, где-то в стороне – треск сучьев! В один момент, как по команде, организованные животные скрылись из виду. Выстроившись, галопом, ведомые опытным нырщиком, олени послушно пустились в привычный путь.

Если подняться вверх по ручью непременно встретится именно тот бурелом и та тёмная чаща, откуда бьют десятки холодных ключей, образуя глухие озерца. В них нет рыб, но кишит живой планктон и даже редкие рачки. В толще чёрной воды отсутствует какая-либо растительность и лишь в застойных ямах целые «подушки» водорослей. Каждое озерцо окаймлено кустами ивы и березняком. А чуть выше могучие ели выстроились стеной, закрывая их от лишних глаз. Оттиск парных следов от когтистых мохнатых лап на снегу заставляет задуматься о встрече с таинственным зверем. Сказать, что это росомаха, значит ни о чём не сказать. Охотники знают, что в светлое время редко когда можно заметить её, она ночной «обитатель». Жесткий длинношерстный, чёрно-бурый мех с колючим загривком. Скуластая и усатая морда, острые клыки и круглые сверкающие глаза. Зверь приобретает поистине угрожающий вид в случае единоборства. Мощные задние лапы с длинными крючкообразными когтями. Едкий пахучий запах, выделяемый железами, и даже упругий хвост выполняют не последнюю роль при самозащите. Бывали случаи, хоть и крайне редкие, когда росомаха и медведь, не поделив добычу, между собой устраивали нешуточное побоище.

Однажды и мне довелось тропить раненого зверя, только точное попадание второй пулей вовремя утихомирило разъяренного хищника.

Не знаю, как бы сложились обстоятельства в случае промаха, до этого росомаха чуть не растерзала мою собаку лайку, успев нанести ей серьезные раны. Подумать только, с виду тушей не крупнее годовалой собаки, а по силе, ловкости и выносливости не уступает практически ни одному лесному зверю.

В старину удорские охотники промышляли росомаху только при необходимости, чтобы использовать внутренний жир в лечебных целях и чтобы выполнить заказ купцов с Большой Земли на шкуры для столичных вельмож. Коми с уважением относились к этому животному.

Вездесущие зайцы, облюбовавшие заросли с молодыми кустарниками, успели вытоптать берег ручья. Строчные следы вензелем разрисовали и кромку бугра, с высоты которого, как на ладони, синела бескрайняя тайга. В таком мире ощущаешь себя свободным и вдохновенным. Безбрежная ширь от горизонта, словно гигантское живое тело, дышала! Глухие шумы чередовались со струнным звоном и заглушались общим гулом, не пугающим слух, а как бы затухающим.

День заканчивался. Света становилось всё меньше, и под пологом леса сгущались сумерки. Вполне довольный и в состоянии воодушевления, несмотря на усталость и промокшую одежду, я завершал круг. Более двух десятков силков на глухаря были обустроены и установлены на сторожки. А в дальнейшем, как удача улыбнётся! Как говорили раньше старики: «Боженька – милосердный! По трудам да разуму светлому и воздаст!»

Всё бы хорошо, да натёр всё-таки левую ногу. Хоть и разувался, поправлял носок и портянку, но не помогло. Последнюю версту до спасительной избы не без труда пришлось осилить. Зато какая благодать, когда позже горячая кружка душистого чая медленно разливает тепло по мокрому телу. Переодевшись, я развалился на полатах, расслабился и не заметил как «улетел» в никуда. Очнулся через два часа весь продрогший. В полной темноте нащупал спички и зажёл лампу. Какое-то ощущение общего недомогания нагнетало лёгкий страх, не от одиночества, а именно от избытка нагрузок. Интуиция меня редко подводила, и сейчас я чувствовал непонятный дискомфорт, не зная истинной причины. Подобное состояние случалось и раньше. Перед глазами проплывали разные картины воспоминаний, далёких и близких.

А вот один из незабываемых осенних «этюдов» навсегда оставил неизгладимый отпечаток в душе. Нет, не «этюды», а волшебное зрелище! Хотите верить, хотите нет! Два года назад в сентябре месяце, будучи на охоте, как обычно я обходил уголье и проверял силки. Два увесистых глухаря давили на плечи, оттягивая лямки рюкзака, и поэтому решил немного сократить обратный путь через Каменный ручей. Как сейчас помню, погода выдалась умеренно-теплой и сухой.

Вдоль ручья небольшие елово-сосновые возвышенности смешались с перестойными лиственничными кустика-

ми. Длинные искривлённые стволы вековых деревьев издали выделялись рогатыми верхушками, а ярко-жёлтая хвоя украшала неповторимым узорчатым орнаментом. Когда солнечные лучи пробивались сквозь дымчатые облака, кроны «вспыхивали» на какое-то время, а затем постепенно угасали.

Переведа дух от ходьбы, я стоял у воды и тяжело дышал. Всматриваясь в даль перед собой, вдруг заметил, как одна вершина лиственницы причудливой формы совершенно отсвечивает, как позолота. Выждал ещё раз момент, когда солнце выглянет, и опять заметил этот блеск. От разыгравшегося любопытства снял рюкзак и ровными шагами направился в ту сторону. Оказалось, что надо пройти всего-то около трёхсот метров, чтобы увидеть настоящее диво. Господи! Пред моими очами высилось позолоченное чудо-дерево. С кроны сыпались еле видимые блёстки, а вокруг трава, мох будто были выкрашены золотом. Какой-то загадочный налёт, похожий на пыльцу, долго ещё оставался на моей одежде, руках. И было абсолютно непонятным, откуда он и почему только на одном дереве? Ещё раньше, я слышал легенду от отца о том, как его дед в молодости также видел в тайге подобное чудо.

Мой сказ о «золотой» лиственнице неслучаен. Ведь сколько народных сказаний существуют до сих пор, такие как «Золотые рога», «Золотая баба», «Золотое руно», «Золотой корень», «Золотое дерево»... И, вообще, мне кажется, что каждый из нас призван создать свой собственный мир в той области, где человек способен себя максимально реализовывать.

Немудрено, что успокоение блудной души можно найти не только в религиозном храме, но и в храме природы. Просто ждать какого-то волшебного чуда – это иллюзия и самообман. Только упорством, трудолюбием, чистыми помыслами, терпением и верой можно постичь новые открытия. Я свои счастливые мгновения познаю в таёжных дебрях. Это не только означает, что довольствуюсь любимой охотой и рыбалкой, а главное, окружающий живой мир для меня и есть вечный благодетель.

Честно говоря, все мы грешные, и порой становится горько, но не из-за того, что ты умышленно сделал плохое, а из-за того, что где-то по причине слабоволия либо легкомыслия пренебрёг стараниями, смалодушничал. Са-

мое страшное потерять чувство личной ответственности, а значит, потерять чувство стыда.

Безудержная потребительская психология человека порождает в нём вольно или невольно самые низкие качества – неуважение и безжалостность. Когда малышу родители показывают зелёную веточку либо росток и говорят, что нельзя ломать, она живая, то чадо их понимает, любуясь красотой. Невинное создание ещё многие годы будет искренне и с любопытством познавать мир природы, в его сознании заложено главное – доброта.

Только порой наступает тот роковой момент, тот случай, когда человек переступает свой порог нравственности. Духовный мир каждого невозможно измерить помыслами, пусть благими. Можно открыть душу, а можно под этим предлогом с лукавить. «Возлюби ближнего...» – как просто и точно сказано в Евангелии. Мало мы умеем радоваться жизни и просто мечтать! Суетные дела во имя личного благополучия, слепое стремление обособиться, утрата чувства сопричастности к нуждающимся стали обыденным явлением. Так где же прикосновение к нежности, просветление разума, духовная потребность, любовь к ближнему?

Ответы помогает найти природа. Любите ее, как ближнего, и вы станете иным, познавшим радость жизни!

Глава 4

Корни из прошлого

Феофилова мудрость

Удивительно, но багряное зарево вечернего заката, озарившее западные склоны высоких сосновых бугров золотисто-оранжевым отливом, не сулило больше тихой, ясной погоды на завтра.

«Да, райские солнечные дни, пожалуй, закончились, — с грустью прошептал Феофил, стоя на берегу в промокших кожаных сапогах. — Жди снега, а потом морозов». Свинцовые тучи с фиолетовым оттенком скапливались на горизонте, постепенно пожирая красно-бордовый островок уходящего солнца. Наконец, нависшая над головой мгла совсем поглотила остатки света. Лишь отдельные блики на воде и в просветах между деревьями позволяли различать знакомую округу. Коренастая мужская фигура, сгорбленная от тяжелой ноши, довольно быстро двигалась в сторону низенькой лесной избушки. Запахавшийся человек ловким движением мягко опустил пестерь, доверху набитый белой рыбой, прямо возле двери. Вскоре в маленьком окошечке появился желтый свет, потянуло дымом, изнутри доносился легкий звон медной и деревянной посуды, скрип двери, глухой топот шагов. Пока топила печь-каменка, расторопный обитатель жилища успевал одновременно и ужин готовить, и разделкой рыбы заниматься. Такие привычные хлопоты не обременяли Феофила, были неотъемлемой частью быта. Уже ближе к ночи, казалось, накопившаяся за день усталости вот-вот свалит человека на полати, усталые теплой оленьей шкурой, но тот, превозмогая дремоту, тщательно просматривал швы на просушенных сапогах. Причем, после этого еще заштопал злополучную протертую дырку в шерстяном чулке. Подвешенная цепочкой к потолку, самодельная лампа с медным «носиком» еле заметно коптила. Топленый желтый жир россомахи, сгорая, насыщал теплый воздух терпким кисловатым запахом, а язычок пламени изредка вздрагивал, играя тенями на освещенной стороне стенки. Лишь мирное посапывание глубоко спящего обитателя чуть слышно нарушало тишину.

С рассветом Феофил сначала опустил в яму рыбу, засоленную в бочке, а затем разогрел мучную похлебку с рябчиком. После завтрака, сделав необходимые приготовления, он тщательно протер длинноствольное ружье – «пистонку» и заранее зарядил свинцовой пулей «кругляшкой». Свой план обхода родового угодья держал в голове в деталях, важнее всего было проверить места обитания выдры, рыся, медведя. К тому же, первый раз Феофил ушел в тайгу без любимой собаки, которая накануне только-только оценилась. Но охотник за последние две недели сумел добыть силками тринадцать глухарей и около тридцати рябчиков. В душе он был доволен своим промыслом, только какая-то непонятная тревога терзала его. Всякий раз, когда Феофил задумывался об окружающем его мире, появлялось неистовое желание хоть одним глазком заглянуть в тайнства природы.

«Все вокруг: трава, деревья, птицы и звери – это Божьи создания. Отец говорил, что все они – живые. Тогда Божья заповедь «Не убий» их тоже касается? Я научился познавать повадки зверей и птиц, но не научился их понимать. Чиню над ними свой суд единолично: «казнить или миловать» ради своих нужд. С другой стороны, Господом не возбраняется. Надо и семью кормить, и одеться, и обуться...».

Прохладный северо-западный ветер дышал резкими порывами, раскачивая могучие деревья и беспощадно срывая последний цветной наряд уходящей осени. Низкие темно-серые, слоистые облака сплошной полосой набежали друг на друга и уносились в даль. В суконном камзоле, с поясным ремнем с ножнами, с котомкой, с ружьем на плече, в серых холщевых штанах, заправленных в сапоги с высокими голяшками, в вязаной шапочке с кожаным верхом, Феофил выглядел как обычный местный охотник, но висевший на боку патронташ в виде небольшой кожаной сумочки с накладными карманами и обшитой по краям узорчатыми оборками, придавал особый шик обрамлению. Как маститый охотник Феофил чтит старинные традиции и во время охоты всегда носил на груди свой амулет-хранитель – медвежий клык. В свои тридцать пять лет он многому успел научиться, постигая нелегкую науку благородного промысла. С малых лет он был верен принципу «сколько добыл, столько сохрани, ибо только добрые промыслы благопристойны перед Господом на-

шим». Всякое случалось: и холод, и голод, и неудача, но упрямства и упорства Феофилу было не занимать. Казалось, ему чаще других везло, даже в неурожайные годы пустым домой ни разу не возвращался. Бывало и такое, когда деревенские поговаривали о том, что Феофил знает таинственные заклинания на рыбу, дичь, зверей. Конечно, ничего подобного не было на самом деле. Просто знатный добытчик придерживался своих правил – «с пониманием и любя относиться ко всему живому, проявлять усердие в трудах полезных».

Жена не родила ему желанного сына, только трех дочерей, но он надежды не терял. Хотелось иметь помощника и продолжателя отцовских дел и начинаний. Суровые условия выживания в глухой коми деревушке, затерянной в Ирвинских лесах, заставляли людей беречь веками сложившийся уклад, быт. В каждой зырянской семье сохраняли традиции и устои для будущих поколений. Философия жизни коренных сельчан, строгих, мужественных, скромных и трудолюбивых, неразрывно была связана с суровой и ранимой, сказочной и щедрой северной природой. В этом проявлялась некая гармония, скорее гармония отношений и чувств. Люди научились чтить законы природы и искренне верить в Христа, как их предки поклонялись Богу Солнца. Непреложным оставался принцип: «Поделись добычей с тем, кто нуждается, да сотвори добро на благо!..»

Мягко ступая на шуршащий «ковёр» опавшей листвы, идущий ловко и бесшумно перебрался через заросшую плотным можжевельником ложбину. На мелкоколесном подъёме человек вдруг замер на месте и, пригнувшись, повернул голову в сторону странных звуков, доносившихся от одиноко стоящем сухостойной сосны. Приглядевшись, он заметил, как два зайца копошатся под деревом, быстро-быстро разгребая передними лапами сухой песок. «Ага! Вот они, ушастые, чистят шубки от разных паразитов. Зима на носу, а всё ещё не белые», – подумал про себя Феофил и заулыбался. Только зашагал дальше, как над головой послышалось «Кру! Кру! Кру! «Ну вот уже услышал и увидел ушастых. Ух, хитрая bestия!» – недовольно отозвался охотник о крылатом санитаре леса. А чёрный ворон, как ни в чём не бывало, уселся на макушку самой высокой ели, зорко наблюдая за каждым движением удаляющегося человека. Но Феофил спешил и уже не обра-

чивался, впереди его ожидали новые встречи, не менее яркие и удивительные. Когда он очутился в лиственном бору, то невольно присел на валежину дух перевести после нескольких подъемов по крутым буграм. Пожелтевшая мягкая хвоя, словно припудрила искривлённые кроны высоких деревьев своим цветом, отчего снизу они выглядели как гигантские одуванчики. Пожухлая трава попережку с хвойным серпантинном искусно закрывала зелёные моховые «подушки» и небольшие приямки. А вот и блестящие жуки-златки облепили оголённые тёмно-бурые корни деревьев, а серебристая тля по соседству успела заполнить отдельные трещины в замшелой коре. Эти и другие насекомые, каждое по-своему, готовились к зимовке. Наклонившись, охотник внимательно разглядывал мельчайшую живность, осторожно прикасаясь пальцем, и удивленно мотал головой. В одной трещине он обнаружил ещё и большого рогохвоста. Прозрачные крылышки насекомого были сложены, а массивное цилиндрическое тело черно-жёлтого цвета будто было приклеено. «Дивные Божьи создания! Каждый знает свое место! Знает, когда в спячку впадать. Жаль, что бурундучок уже в норке, а то бы можно было поесть луток. Ладно, всему свое время», – вздохнул сердобольный Феофил, закинул на плечо ружьё и тихо скрылся за деревьями.

Через некоторое время он вышел к ручью, с заросшими берегами и темными омутами. Чёрный шелковый блеск водной глади переливался на быстринах лёгким волнением и уносился течением. Разноцветная мишура из опавшей листвы окаймляла очертания берегов по краям где-то больше, где-то меньше, а сверху увесистыми опахалами свисали тёмно-зелёные еловые ветки. Охотник почти сразу заметил узкую тропу выдры через излучину. «У-у-у! Да тут целое семейство «гостило», судя по следам, и не раз прогуливались», – спокойно раздумывал Феофил, направляясь к соседнему бугру, где под навесом были уложены две деревянные ловушки. Зная особенности леса, умелому мастеру не пришлось долго выбирать подходящие места. Каждую нехитрую конструкцию установил поочередно в узких проходах, замаскировал, оборудовал козырьки из жердей от снега. Наконец, все необходимые работы были завершены, и он продолжил свой путь дальше на восток по еле заметным засекам. С шумом и треском несколько раз взлетали глухари, но охотник лишь на мгновенья ос-

танавливался, и каждый раз с умилением провожал птиц пристальным взглядом.

Постепенно пасмурная погода просветлела, хотя ветер не утихал. Тайга то «охала», то «шипела». Только в сумрачном ельнике было тихо. Длиннохвостые рыжие кукушки сновали между ветками, перелетая с дерева на дерево, в поиске мелких насекомых. Стайка коростелей уселась на старую березу, о чём-то громко щебеча и нахохлившись, ёрзала на ветках. Но что это? Кем-то нанизанные сыроежки и моховики на острые сухие еловые ветки невольно бросались в глаза. Грибы настолько хорошо сохранились, что даже цвет и форма практически не изменились. Лишь почерневшие царпины и сморщенные шляпки портили вид. Несложно было догадаться, что самым запасливым лесным обитателем здешних мест являлась обыкновенная белка. Причем, другие припасы этот зверек зарывал ещё и в слое подстилки вокруг деревьев. Благодаря удивительной памяти он безошибочно находил свои кладовые зимой, несмотря на снежный покров.

Пока человек пробирался через густые хвойные заросли; впереди неожиданно что-то громыхнуло со страшным скрежетом. Феофил убыстрил ход и вскоре вышел на небольшой косогор, где воочию увидел, как огромная сосна рухнула на соседние деревья, подмяв под себя две ели, а сама разломилась пополам. Вроде бы ничего особенного не произошло, печальная участь всех, отживших свой век, перестойных деревьев. Но человека привлекло внимание то, что сбоку от вывернутого корневища поваленной ели виднелась в почве пустота. Заглянув вовнутрь, насколько это было возможно, он заметил, что сухая ниша, устланная примятым слоем мха, уходила дугой в сторону. «Ага! Похоже на брошенную медвежью берлогу. А вот и выходное окно. Жаль, что хозяина жилища нет. Может быть, и к лучшему? – спокойно соображал про себя Феофил, – Этот великий и умный зверь ещё и искусный землекоп, таежный зодчий. Господи, Спаси и сохрани!».

Умудренный опытом промысла зрелый охотник не раз встречался с медведем и даже имел честь «здороваться» с ним за лапу в прямом смысле слова. Поэтому он никогда не переоценивал свои возможности, находил в самых критических ситуациях нужные решения. Известность любого охотника не оценивается по количеству добытых трофеев. Философия охоты, как науки, заключается абсолютно

в другом: «не причиняй вреда ради тщеславия и прихотей», «научись любить, беречь, сохранять природу через познания и труд». Так считал Феофил, ибо так учили его отец, дед.

Мудрость простых истин во все времена учила не допускать равнодушия и жестокости к окружающему миру. Добро и зло всегда находятся рядом, как любовь и ненависть. Ирвинский мужик следовал устоявшимся традициям, накапливая свою мудрость жизни и не переступая черту добра и любви. А сдержанность и терпеливость не мешали ему быть, когда нужно, расторопным и азартным.

Едва заметная тропинка уводила его к знаменитым белым борам. Красивее этих мест в уголье было не найти. Чистые сосняки волнистыми возвышенностями простирались на многие версты. Беломолочный ягель сплошным ковром светился даже в темноте, а сейчас днём он переливался завитушками. Стройный подрост рассеянными куртинами покрывал ложбинки, будто слоистыми ярко-зелёными островками. Голые, охристо-рыжие стволы сосен с тёмно-бурой корой у основания высились, распутив кроны. Какое блаженство! Созерцать на окружающую красоту, а потом распластаться на белом мху и полной грудью вдыхать ягельную свежесть. Раскрасневшееся потное лицо и увлажненные тёмно-русые волосы испускали испарину. Феофил безмятежно лежал на спине в камзоле нараспашку, с закрытыми глазами, ни о чём не думая. Почти каждый раз в осеннюю пору он позволял себе с величайшим удовольствием расслабляться таким образом.

«Фу-у-у! Сразу легче стало на душе, и усталость почти прошла», – поднявшись с земли, выдохнул охотник, потом достал из котомки туесок и сделал несколько глотков настоя из сушений черники и шиповника. Сапоги скользили по мху, и он короткими перебежками преодолевал бугорки. Не обошлось и без досадного падения. Приподнявшись на колени, человек вдруг замер – в дальних проветах между деревьями стояли около семи оленей. Для верного выстрела было далековато, но реально. Стрелок, затаив дыхание, как рысь, незаметным движением руки медленно поднёс приклад к плечу. Выбор пал на среднего рогатого самца, ибо вожака нельзя было трогать. Короткий сухой выстрел и ... копытных как ветром сдуло. Феофил лишь успел заметить, как пуля прошла под брюхом животного. Он молча перезарядил ружьё и не спеша по-

брел дальше. Дотемна установил ещё три ловушки на рысь и с трудом добрался до избушки.

Изнуренный, но довольный хозяин сначала зажег лампы и перед образом поблагодарил Бога: «Господи милосердный! Дай мне силы на день грядущий, да пищу, да ночлег. Спаси и сохрани Раба твоего смиренного, благослови на труды благие и праведные». Ночью большими хлопьями повалил первый снег. Он непрерывно падал до рассвета, постепенно редая на глазах. Почти весь день Феофил пробыл на речке: выбирал снасти, сушил их и ремонтировал. А потом устроил себе маленький прощальный пир. Выбрал несколько крупных хариусов и закоптил их на ольховых углах. Остальную добытую рыбу засолил. Вечером похолодало. А к ночи бездонное черное небо застыло бесчисленными звездами.

Утром после недолгих сборов человек уложил в лодку свой скромный скарб, две бочки с добычей и отчалил от берега. Крепко удерживая шест в руках, Феофил ловко управлял лодкой на крупных и узких поворотах. Опаснее всего было преодолевать порожистые участки. Местами валунные гряды выпирали из-под воды, зловещими краями преграждая путь, и с шумом опрокидывали набегавшие волны. Два раза лодка бортами ударялась в обледневшие каменные глыбы и чуть не опрокидывалась. Феофил, хотя и знал все проходы, с трудом удерживал свою «лайду» от столкновения с препятствиями. Наконец, марафон в три версты закончился, и на тихой воде уставший и промокший он немного отдышался, сидя в лодке. Снял кожаные рукавицы, достал варежки и спокойно начал грести веслом, а впереди, через четыре поворота его снова ожидало единоборство с очередным перекатом. Он прекрасно понимал, что за ночь уровень воды в речке поднялся, и Большой Субач покорить не просто. С внешней стороны борта лодки обрастали ледяными наростами, что еще более затрудняло маневрирование. Лодочник уже дважды на ходу откалывал ледовой панцирь. Опасный участок удалось проплыть без особых волнений, но на повороте лодка налетела на корягу. От неожиданного удара Феофил не удержался на ногах и кувыркнулся в ледяную воду. Хорошо, что лодку развернуло, и она не перевернулась. Кое-как человек выбрался на берег, догнал лодку, наспех привязал к кусту, забрал котомку, топор и совик. Быстро разжег костер, так что не успел продрогнуть до

озноба, пока переодевался. Наступали сумерки, а до ближайшей избушки оставалось около двух с половиной верст. Нужно было торопиться, чтобы до темноты успеть. До ночлега удалось добраться вовремя.

После скоротечного ужина распарил ноги в корыте с пихтовым настоем, остальную часть тела растирать было нечем. Ночью все-таки поднялся жар. Пришлось в избушке ещё сутки проваляться, пока не полегчало. «Спасибо; Господи за милосердие твое и избавление от недугов. Помогли до дома добраться, да от беды уйти. Спаси и сохрани», – прошептал Феофил, перекрестился и поклонился избушке перед тем, как продолжить путь. Но неприятности не покидали человека, как бы испытывая его на прочность. На одной быстрине острым краем подводного валуна прорубило в поддоне лодки глубокую трещину. Пришлось вновь причалить к берегу, собрать смоляные «слезки» в комлевых трещинах седых елей, растопить их и зашпаклевать пробойну. Когда уже в темноте он вышел на реку Ирва, то, переведя дух, тихо запел любимую «Долюшку-долю...».

Совсем рядом на горе маячил силуэт Савватьевской избы. Обессиленный Феофил сейчас не думал о некогда дурной славе хозяина жилища, который ушёл в мир иной ещё три года назад. С тех пор люди не только сторонились этого проклятого местечка, но и вовсе не подходили к избушке. Прошлой весной нашлись смельчаки, которые пытались спалить её. Однако огонь также быстро погас, как и убежали очумевшие поджигатели. А таинственная история о старце Савватии заключалась в следующем. Когда-то в молодости у него на глазах утонули родители, а он никак не смог им помочь, ибо сам не умел плавать. Переживая случившуюся трагедию, Савватий через месяц тронулся умом. Люди жалели его и пытались заботиться о нём. Но однажды тайком от жителей обиженный человек, взяв самое необходимое из вещей и домашней утвари, навсегда покинул родную деревню. На лодке поднялся вверх по течению Ирвы до Устья Большого Субача, где построил избушку. До глубокой старости скрывался от людских глаз, оберегая жилище. Отшельник легко общался с дикими животными на своём языке и приручал пернатых. По слухам, якобы умел наводить порчу, знал заговоры и привороты. А некоторые люди искренне считали его колдуном. В действительности, Савватий обладал неким

тайственным даром не только удивлять людей, но и воздействовать на окружающий живой мир. Феофил когда-то сам наблюдал со стороны, как старик взмахами руки заставлял выбрасываться на берег крупных щук без каких-либо снастей. Когда «колдун» умер, а его безжизненное тело обнаружили на берегу рыбаки, то тут же похоронили около избушки. Поговаривали потом, что иной раз крест светился ночью.

Сейчас, с трудом поднимаясь по крутизне вверх к мрачному жилищу, кроме кромешной тьмы Феофил ничего не видел. Нащупав кривую ручку, «гость» не без труда потянул на себя массивную скрипучую дверь. Изнутри пахло мятой, не то анисом, но чувствительной влажностью не ощущалось. Феофил чиркнул огнивом несколько раз и в светлых вспышках успел заметить три висячие лампы в углу перед потемневшими образами. С помощью лучины удалось зажечь истлевшие концы фитилей. Освещенное жилище больше всего поразило своим убранством. На тесёмках были развешаны разные пучки каких-то трав, коренья и чем-то наполненные холщовые мешочки, а на полках красовались туески, аккуратно сложенная посуда, фигурки различных зверей и птиц, вырезанные из дерева. А еще стены были увешаны разноцветными бусами и дудочками. Вместо привычного столика у окошка стоял сундук с железным кольцом на крышке. Печка-каменка была обнесена каменной стежкой, возле которой на подставке стояли глиняные горшки, медный котелок и кувшин с крышкой. Величественная медвежья шкура с головой, разложенная на шлаг, свисала краями до пола. Конечно же, Феофил не предполагал увидеть подобное, и был изумлен.

«Господи! Добротно и красиво. А говорили колдун-босоногий да сумаспешный. И как дед Савватий умудрился прожить без семьи, без людей один, как перст? Даже паутин не видать по углам, — удивлялся охотник, размышляя про себя. — Царство ему Небесное, Господи!». Ничего не трогая из вещей бывшего обитателя, в своем котелке отварил рыбу и полакомившись немного, не заметил, как усталость свалила с ног, погрузив его в глубокий сон. Спящий Феофил вздрогнул от грохота и шума, проснувшись, испуганно озирался по сторонам. Хоть и горела всего одна лампа, он отчетливо увидел рухнувшие полки, болтающиеся рваные концы нитей с бусами, в беспорядке валяю-

щие на полу туески, какие-то порошки, фигурки, сушеные веники, а главное, дощатые образа. Человек сошел с лежанки, нагнулся подобрать иконы и как только прикоснулся руками, отпрянул назад. «Господи! Свят, свят, свят! Что за наваждение! – с недоумением пробурчал Феофил, заметив на пальцах покраснения. – Чудеса да и только. Действительно, жжёт». Затем вытащил из котомки варежки и поочередно поднял каждую святыню на уцелевший уголок. Перекрестившись, он потихоньку прибрался и избавился от беспорядка. Но тревожное предчувствие не оставляло его. Хотя его воображения не рисовали ужасные картины, но сумбурные мысли лезли в голову, а перед глазами постоянно возникала фигура старца в длинной белой рубахе.

Феофил не испытывал чувство страха, а скорее всего беспокойства. Стараясь сохранить выдержку и самообладание, про себя читал молитву, чтобы изгнать всякого рода дурные мысли. На всякий случай ружьё положил рядом, полулежа уперся спиной к стене, в дремоте дождался рассвета. Дверь к утру сама приоткрылась, и через мгновение обратно закрылась, никаких странных явлений больше не произошло. Не изменяя своим привычкам, Феофил на улице разжег костер, разогрел вечернюю уху, накрошил в нее сухарей и спокойно позавтракал. После чего спешно собрался, перекрестился, поблагодарив за крышу и тепло. Прорываясь сквозь шугу, на следующий день добрался до родной деревни. Дома, окруженный заботой и вниманием со стороны родных и близких, он отлеживался почти неделю. От простуды и слабости его поили целебными настоями, и каждый день в бане растирали медвежьим жиром. А Феофил, в свою очередь, нехотя рассказывал о происшедших с ним случаях и показывал обожженные пальцы рук. Следующей весной Савватьевская избушка внезапно сгорела дотла. Говорили, что в тот роковой день над Большим Субачем пронеслась сильная гроза, во время которой молния прямо угодила в фасадную часть жилища. Позже Феофил побывал на месте пепелища в надежде найти образа. И на самом деле удача улыбнулась ему, одна из икон, хоть и обгоревшая по краям, сохранилась. Она стала семейной святыней.

Отцовское послание

Шли четвёртые сутки поисков. Евлампий с присущей ему дотошностью и аккуратностью, обошел всю прилегающую территорию отцовского угодья но, как ни странно, нигде не обнаружил ни следов, ни каких-либо признаков пребывания в приметных местах для охотника. Внутреннее напряжение возрастало с каждым часом, даже несмотря на то, что этот ушлый, бойкий парень, не по годам познавший тяжелый труд промысла, не думал о самом худшем, а скорее был уверен, что его именитый отец либо немощный лежит в дальней избушке и ждёт его помощи, либо оленей тропит, чтобы в удобный момент загнать рогатых в ямы-ловушки. Но чем дальше продолжались поиски, тем сильнее одолевало недоброе предчувствие.

Очередную ночь Евлампий коротал под мохнатыми елями около небольшого озерца. Сгорбившись у тлеющего костра в своём поношенном суконном камзоле, в короткой ушанке из меха выдры конусообразной формы, в новых кожаных бахилах с длинными голяшками, скрестив руки на ремнях, он дремал и тихо сопел. Его короткие усы и мягкая борода в темноте казались чёрными, а слабые блики огня лишь грубо высвечивали скулы и лоб, отчего уставший молодой человек выглядел старше, чем на самом деле. Рядом на холщевой котомке лежало длиннствольное ружье – «пистонка», отцовский трофей, привезенный с Кавказа лет десять назад. На поясе свободно висели ножны с белеющей костяной рукояткой ножа, а кожаный патронташ в виде плоской сумочки на ремешках морщился под своей тяжестью на левом боку.

Наконец, ночной обитатель разогнул спину и поднялся, слегка пожившись. На удивление конец октября выдался умеренно теплым и малоснежным. Тихая погода с морозом скорее подбадривала и щекотала, чем остужала. Где-то в непроглядной мгле изредка слышались загадочные прерывистые звуки, а совсем рядом – шуршание мышей, которые совершенно не боялись горящего костра. И вдруг «Ти-ти-ль! Тиль! Тиль!», негромко, но отчётливо пронеслось тиликанье. Ага, кто-то нарушил покой ястреба-тетеревятника. Пернатый хищник в такое время зря не будет беспокоиться и выдавать свое присутствие. Евлампий, как сведущий и толковый охотник, знающий практически все повадки, нравы зверей и птиц, насторожился.

Лишь после того, как выдержал напряженную паузу, выдохнул и медленно уселся на валежину. Ночная трапеза была привычным делом, но требовала соблюдения особых правил. Сначала мучная похлёбка с толченым щавелем и кусочками вяленой дичи доводилась до кипения, а затем достаточно было добавить туда и перемешать горсть сухариков. Такую нехитрую и полезную пищу можно было быстро приготовить в любых условиях. Не нужно было солить, так как солоноватое мясо придавало навару необходимый вкус. Горячий котелок парил, разнося вокруг кислото-мясной запах, который тут же уносился ввысь со снопами красных искр от языков пламени. Охотник чинно сидел, чуть наклонив голову, и не спеша, деревянной ложкой хлебал суповую вкуснятину. Тщательно пережевывая мясные ломтики со свойственным только ему чавканьем, едок не озирался по сторонам, а весь был поглощен важным процессом еды. Когда трапеза закончилась, Евлампий чуть слышно поблагодарил Бога и родителей за сытную пищу, а затем, подложив под голову котомку, улегся бочком на устланный еловый лапник, чуть подобрав к животу колени и засунув руки за пазуху. Только, расслабившись, почувствовал, как «гудели» уставшие ноги. Пришлось подняться, снять бахилы и натянуть «чуни»-чулки, спитые из оленьей шкуры. Каждую бахилу носком вверх подвесил на сучки для просушки.

От утренней изморози слегка побелели ветки деревьев, а под ногами, изредка поскрипывая, мягко шуршал снежок. Вскоре, по колено утопая во мху, путник перешел заросшее болотце и вышел на знакомые затески, потемневшие от времени, которые уводили его все дальше и дальше на север. То и дело со склонов бугров с шумом и треском взлетали глухари. Евлампий замирал на месте и прислушивался, чтобы определить, куда птица садится. Дичь улетала довольно далеко. Вдруг молодая глухарка обозначилась во всей своей красе в пагах пятидесяти. Охотник с привычной лёгкостью незаметно подошел на нужное расстояние и точным выстрелом свалил птицу с высокой кроны сосны. Теперь можно было еще пару дней без проблем утолять голод. Приятная ноша прибавила уверенность в благоприятном исходе тревожных поисков.

А дальше, около небольшого ручейка, Евлампий обнаружил висевший на сучке недавно закрученный, имевший форму конуса берестяной черпачок. От такой наход-

ки лицо его засветилось, загорелись глаза. Он понесся вперед как угорелый, невзирая ни на что. Он верил, что найдет, обязательно увидит своего отца. Рябчики нежно свистели ему вслед, а неугомонные стайки клестов сбрасывали сверху под ноги еловые шишки, будто торопили, дабы непременно успеть до темноты добраться до последней избушки. Сердце учащенно билось и испарина от пота слегка покрывала голову и плечи. Евлампий хорошо помнил, что малая отцовская избушка у Соленого источника стоит на бугре в окружении причудливых сосен – «великанов».

Необычайный пейзаж покорила его с первого раза еще восемь лет назад, когда отец рассказывал древнюю легенду о глухонемом одиноком старике-охотнике, который в этом месте всю жизнь копал землю, чтобы найти чистый незамерзающий родник. Но вышло иначе. От обильно политого пота пробитый подземный источник воды до сих пор содержит солоноватый вкус, отчего даже вокруг растущие молодые сосенки искривились, но не погибли, а выросли поистине «великанами». И сейчас, когда перед его взором открылась знакомая картина с приземистой избушкой, Евлампий почувствовал нечто похожее на внутреннее облегчение. Чутьё подвело его вопреки ожиданиям.

Скрипнув дверью, согнувшись, он вошел вовнутрь, в холодном полумраке на лежаке сразу узнал фигуру отца, лежащего ничком в одежде с полусогнутыми ногами в коленях. Волнистые седые волосы свисали до плеч, прикрывая расшитым узором ворот холщевой рубахи. Короткая кожаная парка-накидка с поясным ремешком висела на стене, а около печки-каменки валялись бахилы. Почерневшая лампада висела на цепочке в углу перед небольшим образом. Черный потолок и стены от сажи зловеще поблескивали в бликах пробивающегося дневного света. Неприятный, затхлый запах стойко держался внутри жилья, несмотря на свежий приток воздуха через открытую дверь.

«Отец, – тихо окликнул остолбеневший сын. – Отец? Это я пришел», – повторил Евлампий, опустившись на колени у изголовья. Затем, охватив окоченевшее тело, повернул на спину, сложил руки крестом на грудь и с трудом выправил ноги. Морщинистое землистого цвета лицо покойника обвисло, посиневшие губы сузились, скупы резко выдавались костным овалом, а почерневшие глазницы

провалились. Пожалуй, никогда раньше сын не разглядывал так долго и внимательно каждую складку на коже лица своего родителя, при этом испытывая чувство вины и стыда.

«Как же так?» – как-то еще полностью не осознавая уже невозполнимую утрату, Евлампий пытался собраться с мыслями, но постепенно нахлынувшая тяжесть сдавливала грудь и дыхание. Он сумбурно и невнятно что-то пролепетал и закрыл глаза, сжимая кулаки. Было видно, как на некоторое время человек ушёл в себя.

И вдруг сгорбленная фигура, сидящего на корточках содрогнулась, сначала одиночными рывками, затем – частым всхлипыванием.

Леденящие звуки рыданий словно прорвали черное безмолвие в округе. Казалось, они разбудили даже вековые сосны, которые тяжело задышали под порывами ветра. Тихо зазвенели густо сплетенными свисающими бахромой ветвями белоствольные березы на спуске к роднику, таким образом тоже выражали своё сочувствие. До наступления темноты Евлампий перенёс покойника в сени, завернул оленьими шкурами и перевязал обрывками верёвок.

Изнурённый продолжительными поисками и подавленный горем молодой охотник тихо стонал лёжа на полу, пытаясь уснуть. Лампада горела дрожащим пламенем, а под потолком колыхалась седая пелена дыма от топившейся печки. Под утро после недолгих сборов Евлампий воедино связал обе котомки, свою и отцовскую, поставил надёжную подпорку к входной двери и, перекрестившись, двинулся в обратный путь. Через два дня о печальном известии мигом узнала вся деревня. А еще через четыре земляки с большой скорбью проводили знатного охотника в последний путь. Вряд ли кто из жителей глухой коми деревушки мог забыть, как в голодные годы покойный Лука Моисеевич бескорыстно раздавал добытые туши оленей всем нуждающимся, хотя своя семья жила впроголодь. Этот добрейший человек, умевший кое-как читать и писать, явно не обделенный умом, всегда любил говорить: «Христос завещал: любите да любимы будете». Никому не отвечал грубостью на грубость, никому ни в чем не отказывал, себя нисколько не жалел в трудах праведных, отчего и надорвался. После смерти отца, Евлампий остался за главу семейства. Он был единственным сыном, стар-

ше своих трёх сестёр, все основные заботы ложились на его плечи.

Только спустя почти год Евлампий вновь вернулся к Соленому источнику. На вид все выглядело по-прежнему. И тут охотник заметил на одной из старых сосен довольно большой разлом со свежей зияющей продольной трещиной по стволу. Запекшая смола золотистого цвета успела вытечь до самого комля. Однако, ствол диаметром в два обхвата, не меньше, как будто издавал звуки.

«Хм! Странно, вроде, похоже на какое-то писклявое гудение или в ушах какой-то звон?» – задумался человек и ради любопытства зашагал к дереву. По мере приближения звук усиливался.

«Господи! Вот что делают небеса. Молния ударила, и сосна загудела! – с удивлением рассматривая глубокую трещину, вслух рассуждал Евлампий, – К плохому аль к добру такое диво?».

Вечером, после трапезы, он распластался на шкурах, умиротворённый и спокойный, стараясь забыться до утра.

Не прошло и получаса, как суматошные мысли безжалостно нарушили хрупкое спокойствие и наваяли волнение. Здесь всё напоминало об отце, поэтому неслучайно ощущалось, хоть и ненавязчивое, его присутствие, вернее отдельных вещей и даже запахов. Евлампию даже неожиданно почудилось, будто около окошка на стене отражается тень отца, от испуга он резко вскочил и огляделся. «Тьфу! Что за наваждение? Что-то видимо, с головой не в порядке», – пробурчал про себя и вышел на улицу. Всматриваясь в еле различимые очертания сквозь ночную мглу, его вдруг осенила простая мысль – помолиться за упокой души усопшего. Он вспомнил, как когда-то ему бабушка говорила, чтобы избавиться от наваждений и призраков, надо помолиться перед образом, три раза перекреститься и вслух прогнать прочь приходящих покойников.

Когда же охотник взял в руки дощатый образок с ликом Пресвятой Богородицы, обнаружил за ним берестяной сверток в кожаном мешочке. Осторожно развернув пожелтевший лоскут, он медленно, по слогам начал читать еле разборчивые, местами выцветшие слова написанные сажевыми чернилами: «Мой сын, хочу уберечь от грехов излишних и ошибок ненужных заранее, поэтому и пишу. В жизни нельзя фальшивить, надо быть естественным и искренним. Тогда будешь чистым перед Богом и по

совести, и по духу. Тебя могут очернить, невзлюбить в силу разных обстоятельств, но в такой ситуации сохранить чистоту и честь возможно, даже несмотря на унижения. Поэтому, никогда не обманывай себя и других. Прислушайся к своему сердцу и слову Божьему, тогда не ошибёшься. Научись любить, как Христос заведь, ибо тогда любим будешь. Помни, любовь порождает любовь в человеке. Люби землю свою, мать-кормилицу. Гордись своими трудами праведными, да не возвышай гордыни. Храни тебя, Господы!»

Это предсмертное отцовское послание сын сохранит и будет помнить до конца своих дней. Через полгода он создаст свою семью, и уже его сыновья продолжат родовые традиции именитых охотников земли Удорской. А сам Евлампий скончается от ран после роковой схватки с медведем в возрасте сорока семи лет.

Островок жизни

Рассказы

Ирвинский починок

Древняя Удорская земля хранит в своих недрах множество неразгаданных тайн, но не менее таинственны легенды, чудом сохранившиеся до наших дней.

На правом берегу знаменитой реки Ирвы, в верхней части течения, высится лесистый холм, на первый взгляд, ничем не примечательный. Высокие мохнатые ели вперемежку с соснами и лиственницами выстроились как бы круговыми выступами и оберегают это место с разных сторон почти до самой воды. Но стоит подняться на вершину и перед взором возникает выложенная из камней, заросшая мхом и лишайником, часть какой-то стены. Причем, в окрестности не найдете ни одного камня. Почва здесь глинистая, даже речное дно почти не имеет галечных наносов. Поразительно и другое, что среди буйной прибрежной травянистой растительности преобладают крупные, широколистные виды трав. Помимо лопухов, осоки, папоротников, плаунов особые черты ландшафту придавали своим благоуханием дикая мята, пион, вербейник, даже герань лесная. Небольшая ложбина от основания холма плавно уходила в глубь леса, словно показывая дорогу в далекое прошлое. А возможно, здесь и пролегает высохшее русло именно того светящегося ручья, который наши предки называли «чудом Божьим»? Так или иначе, но даже через три с половиной столетия Природа-матушка бережно сохранила этот таинственный уголок до наших дней.

А тогда... Тогда многие вымские коми-зыряне недовольные царским побором, насаждением новой христианской веры покидали родные места и обживали новые. Бескрайние леса простирались на многие сотни верст и водная артерия являлась единственной дорогой в поисках лучшей жизни. Вскоре людская молва о богатейших местах по Ирве и Мезеню дошла до глухой деревушки Чур, что на берегу Выми.

Два разных родовых семейства здесь вместе составляли всего четыре двора со своим домашним скотом и хозяйственными пристройками. Главным достоянием была кузня, хозяином которого был Филарет Ионович, глава семейства Вурдовых.

В отличие от других обитателей внешне он выглядел чуть сгорбленным, небольшого роста, но жилистым, седовласым с длинной бородой и мозолистыми ручищами, широкие «граблевидные» натруженные ладони с костлявыми фалангами пальцев никак не соответствовали худощавому телосложению. Немногословный, умеренно строгий, пятидесятилетний старик умел владеть собой даже в самых непредвиденных ситуациях. И когда до него дошла весть о том, что его старший сын Леонтий со своей семьёй подался на запад из деревушки Пегыш без его благословения, ни один мускул на лице не дрогнул. К удивлению близких он испытал некую радость за смелость сына.

Лишь к осени, после сенокосной страды, Филарет Ионович собрал свое семейство на совет и изложил свои соображения «о житии на будущее». По обычаю, как полагалось, сначала все собравшиеся воздавали поклоны богу Солнца в центре двора около священного столба, а затем, после трапезы, все слушали необычную речь «отца-благодетеля», от которой женщины прослезились. Тусклый свет горящего масла освещал суровые лица мужчин, сидящих на лавках и пребывавших в раздумьях.

А хмурый Филарет продолжал удивлять своих сородичей и говорил так, будто в последний раз:

– Времена меняются, и уже вера христианская поглотила разум людской, души наши черствеют. Кресты высятся над тайгой! Одумайтесь, дети мои! Хотя и принуждать никого не собираюсь, ибо выбор за вами. Бог всем нам судья! Только наш бог светом озаряет нам путь, и только он теплом согревает землю-матушку – помните об этом. Нам, родителям, поздно менять и веру, и родовое место, а вам, молодым, подобает сохранить уважение и почтенье к корням исконным. Сбережь честное имя свое, что крайне тяжело и мучительно, но во истину благо. Север велик и хрупок, суров и ласков. Изыскать место свое в познаниях и трудах – дело нужное и полезное, потому и наставляю обживать дикие края. Самому также доводилось не раз мерить вот этими ногами глухую, неухоженную тайгу, богатую и зверьём, и дичью, а рыбу на озерах-

речках выбирал только такую, какую желал. Думу важную хочу открыть вам.

Сие не мудрено по воде добраться до мест дивных и диких. А я предлагаю вам, Ларион и Силантий, сократить дальний путь, да лесами дойти, сначала выбрать место для жития, устроить подсеки, построить жилища, лишь в следующем году переселиться. Вот мой сказ, сыны мои, а дочери при нас, родителей, тут останутся счастье свое испытать.

– Леонтий Ионович! Молви слово, ибо согласие в помыслах необходимо как зернышки в одном колосе.

Возникла пауза. У некоторых перехватило дыхание от излишнего волнения.

– Брат мой, сердечный! Спору нет. Ты прав, но родители наши завещали нам держаться вместе, наша сила в единстве и вере. А сейчас получается, мы сами отлучаем сыновей наших от родового гнезда! – с дрожью в голосе начал говорить младший брат старейшины. – Хотя с другой стороны, лучшее житие иметь – право каждого. Может земли западные и богаче нашенских. Во имя продолжения и укрепления рода надо старания приложить. Пусть поведают да испытают себя избранные. Свет да тепло, да благодать божья на радость всем!

– Кто-то ещё молвить желает? – обратился глава родового семейства ко всем. – Ну, как сыны? Не иссякло ли желание благое?

– Нет, нет, батюшка, благодетель наш. Хватит и желания, и сил, и разума, – ответил старший сын Ларион – Благословения просим.

– Благословляю, благословляю, дети мои! – поцеловал в лоб каждого сына Филарет Ионович. – Да озари светом путь ваш нелегкий!

Через три дня сборы закончились. С восходом солнца двое крепких «бурлаков», нагруженные пухлыми кожаными мешками, с копьями в руках покинули родное гнездо. Десятки людей прощальными поклонами желали им удачи и скорейшего возвращения домой. Ясная солнечная погода благоприятствовала путникам первые два дня, а затем встречные ветры нагнали тяжелые свинцовые тучи. Ларион столь старательно наносил пройденный маршрут на тонкие кожаные лоскуты, обозначая нужными знаками и ручьи и болота, и бугры, и гари, и буреломы. Соб-

ственно, люди уже преодолели порядка пятидесяти верст и ожидали выхода на реку Ирва.

Дожди помешали ускорить темп хода, но первый этап был завершен благополучно.

– Та-а-к! Судя по описаниям родителя, мы, Силантий, вышли на Ирву в верхнем течении, нам надобно ниже. Сегодня свяжем плот, а завтра спустимся вниз искать подходящее место, – размышлял Ларион, советуясь с братом.

– А места-то здесь и впрямь завидные, а бугры, бугры какие крутые да ели высоченные, да боры светлые, ягелевые! Да озари светом путь наш! – выдохнул Силантий и прижал к губам свой родительский амулет, висевший на груди.

– У нас все получится. Мы с тобой как нареченные новое житие созидать да род наш славить на лета многие. Ведь скольких медведей встретили, пока шли, и каждый зверь радушно уступил дорогу, это хороший знак сверху, – подняв руки к небу, Ларион запричитал. – Не обдели нас Солнце светом и теплом, поклоны земные за пищу и кров. Храни нас да родителей наших в добром здравии и радости!

Привычный завтрак из печёных в золе кусков глухариного мяса с ржаными лепешками оба усердно запивали душистым горячим настоем из плодов черники, малины и листьев брусники. Ни повседневная усталость от ходьбы, ни морозящий дождь никак не отразились на настроении искателей. Они с азартом сооружали из сухостоя крепкий плот в два наката.

Много времени заняло связывание бревен по краям «петлёй», размятые гибкие сосновые корни толщиной в большой палец приходилось осторожно закручивать на втулки.

Когда Силантий случайно повредил кисть руки, он только засмеялся, вытирая выступившую кровь, и вымолвил свои заветные слова:

– Да будем и впредь потом и кровью славить только землю родную, а не чужую! Слышишь, Ларион, пожалуй, счастье и впрямь обретем на Ирве. Пот и кровушку уже попил. Изрядно не только ослабели руки и ноги, но и голова помутнела от недосыпания. Все! Улова хватит на три дня, а там дальше видно будет, – Силантий улегся в шалаше на сухую моховую подстилку, укрывшись от надоедливой мошкеры накидкой. – Брат, вечерить будешь, разбуди, коль усну.

– Отдыхай, отдыхай! Силёнки беречь надо. А вот я жду – не дождусь отправиться в путь, – вздохнул Ларион, складно развешивая выпотрошенные тушки щук на коротенькие рогатинки над горящими углями.

Сизый дым укутал огромные мохнатые ели и увесистые кроны сосен каким-то немислимыми причудливыми клубами, отчего «бородатые» деревья в потёмках казались живыми великанами. Их призрачные тени колыхались в бликах красного света только что вспыхнувшей багряной вечерней зари. С запада чёрная блестящая водная гладь реки покрылась рыжими полосками.

Молодой бурлак, зачарованный увиденным, выпрямился и стал всматриваться вдаль, словно боялся пропустить нечто таинственное и неповторимое.

Вскоре багрянец исчез, а на его месте возникли несколько световых сполохов, которые отдельными «мазками» таили на глазах. Какое-то время Ларион ещё стоял неподвижно, а затем, очнувшись от состояния оцепенения, быстро принялся ложкой поливать растопленным внутренним рыбьим жиром забытые прокопчённые тушки.

– Уф-уф! Чуть не обгорели, совсем забыл. – запричитал вслух да так, что брат проснулся.

– Ну как, братец-кормилец? Не пора ли вечерить, живот впрямь сводит, – не удержался Силантий спросить у Лариона, когда тот аккуратно начал укладывать готовую пищу на берестяной поднос. – Да! Право верно, не грех поддаться искушению, ибо еда это необходимость, а запах какой приятный!

– Эх, брат мой любезный! Проспал ты сегодня зарю необычную. Она какая-то таинственная была, – заговорил Ларион, жестикулируя руками. – То ли небеса к нам благосклонны, то ли бог печать светлую ниспослал. Точно, верный знак! Знамо мы на верном пути.

Чутьё Лариона не обмануло. Уже к вечеру первого дня плавания на плоту братья, почти не раздумывая, выбрали высокий берег со склоном в форме «завитка». Светлый ручей, вытекающий сверху, разделял чистый сосняк от примыкающей еловой куртины. Когда люди обошли округу, их больше всего поразило светящееся белое песчаное дно, откуда бурлили холодные ключи. У самого подножия бугра выступали оголённые пласты зеленовато-голубой глины, а на северном склоне – скученные гряды камней.

– Бог наш светлый! Это наше пристанище! – Ларион поднял руки кверху.

Силантий стоял рядом и радовался, как дитя. Братья немедленно нанесли разметки по сооружению жилища. Потянулись тягучие дни и ночи. Себе времянку «срубили» довольно быстро. Полуземлянка в традиционном стиле, достаточно просторная, имела не только прямоугольную форму и наклонный скат крыши, но и двухъярусное чердачное помещение. Смекалистые строители сложили печь из камней на глине с дымоходом через трубу в боковой стенке. Ларион понимал толк в глине, отец обучал сына и секретам отбора сырья, и технологии замесов и обжига. В его голове рождались самые невероятные мысли, как лучше использовать эту добротную ирвинскую глину.

– Двор ставить будем вот здесь, брат, но фундамент дома и сруб поднимем из камня, а не из брёвен. Площадку выровняем, и только после этого выкопаем по чертам траншеи, – без колебаний, пытаюсь убедить в своей правильности слов, старший брат последовательно и наглядно излагал план строительства младшему. – Надо вырубить корыто для раствора, заготовить угловые столбы, подъемник. стальное по ходу дела. Лишь бы камней хватило. Родитель одобрил бы наши помыслы строительные.

– Ларион, а ты не задумался, откуда здесь камни, ведь в округе мы не видели ни одного? – вдруг спросил Силантий.

– Да-а! Ты прав. Чудеса какие-то! Ручей светится, откуда-то огромная груда камней, очень даже пригодных для строительства.., – тихо заговорил Ларион. – Бог наш светлый, вразуми нас! А может это дар небесный, ведь я же видел знак твой?

Прошло чуть больше месяца, как раз до первого снега, предвестника предстоящих холодов. Природа-кормилица хоть и щедро потчевала людей своими дарами, но без хлеба и соли, ох, как тяжко человеку.

Исхудавшие и почти обессиленные братья старались всячески противиться унынию и упадку духа. В минуты отдыха любовались светящимся ручьём, не забывая ежедневно обливаться ключевой водой; подбадривали друг друга рассказами о чудных сновидениях; вырезали деревянные игрушки, а потом даже использовали их в качестве персонажей в своих шутливых сочинениях... Лишь иногда вслух

вспоминали о доме и о близких, хотя каждый в душе про себя мечтал о скорейшей встрече с родными.

Каменного материала хватило почти до половины строящегося большого дома, разделённого перегородкой на две части высотой в человеческий рост. Строительство на этом и закончили. К тому же, нужно было ещё успеть заготовить брёвна в штабеля.

— Оставалось венца три-четыре ещё поднять до крыши, и дом готов. Будет загляденье! Такого ни у кого ещё нет. Это уже будущим летом,— толковали между собой братья.— Сейчас, главное, побольше бревен успеть запастись, холода на носу. Жаль, подсеки не успеем вырубить, даже одной. Заморозки уже лютуют, аж брусника заледенела и опадает.

Не обошлось и без курьёзного случая. Как-то рано утром забрёл к ним медведь. Косолапый сначала полакомился вываленными вчерашними косточками около костровища, а затем принялся катать лапами пустой котёл. Выпешший из избы на странные звуки Силантий оторопел от увиденного и схватил в руку топор. Зверь никак не отреагировал на появление человека и продолжал свою забаву. Изумлённый «бурлак», в конце концов, догадался прогнать непрошенного «гостя», размахивая горящим факелом. Хорошо, что котёл остался целым, хоть и помятым.

Под вечер, любопытный зверь снова приходил, но не решился показаться людям на глаза, а лишь угрожающе рычал из соседнего ельника. Но случилось непредвиденное. Когда последние отборные брёвна подтаскивали сырмятными ремнями, Силантий поскользнулся и умудрился подвернуть ногу.

На следующий день она распухла и посинела. Ситуация ухудшилась ещё и тем, что ясная сухая погода резко переменилась. Крупными хлопьями повалил снег. Двое суток братья почти не выходили из жилища. Припасов боровой дичи, ягод и рыбы еще хватало на несколько дней, но организм больше всего требовал соли, которой давно уже не было. Мизерный запас муки берегли на обратный путь в туеске. Ларион заботливо ухаживал за братом, накладывая на больное место примочки с размягченной еловой смолой. Тревожное внутреннее состояние явно угнетало обоих, но упорная воля к жизни и вера надёжно оберегали этих мужественных людей от душевных срывов и потрясений.

– Снег всю тайгу забелил. Не знаю, как обратно пойдем, – сокрушался Силантий. – Еще и нога медленно заживает. Тяжко на душе, а деться некуда. Да прибавит Солнце терпенья большего и духа крепкого!

– Подождём денёк и двинем в обратный путь, ближе к своим, – промолвил Ларион и похлопал брата по плечу. – Главное, начало положено, и пусть наша родовая печать на столбе будет вечно светиться и славить земли ирвинские.

Тихо потрескивала горящая лучина, а пляшущий свет играл серыми тенями на их скуластых и обросших лицах. Тёплый воздух, насыщенный запахами печёного мяса, промокших кожаных бахил, смолистых стен, вереска, мха, пота веял привычными ароматами для обитателей в новом жилище.

Рубленый массивный стол у маленького окошка, двойные полки на втулках, вешалки, скамейки, пристенные полаты, ковши, ступа, корыто, туюски, чаши, ложки придавали внутреннему убранству вполне домашний уют. Связанные пучки целебных трав и пионовых корней, были развешены вдоль стены. Не забывали хозяева каждое утро проводить и ритуал окуривания жилища, очищения от злых духов, для чего чаще всего использовали охапки сушёной лесной мяты, либо ольховые ветки. С давних времён коми-зыряне считают ольху «живым» деревом.

Настал момент отъезда. Не иначе как «чудом божьим» называли братья этот таёжный уголок. Светящийся ручей, груды таинственных камней в одном месте, чистый сосняк, южный склон бугра с плодородными гумусом, богатая дичью тайга, река, обильная рыбой, добротная глина – как будто матушка-природа заранее приготовила щедрые «подарки» для первооткрывателей. В том, что удача первой улыбнулась именно вымским братьям, была какая-то закономерность. Многие вымские семьи, покинувшие родные места в поисках новой жизни, по реке Ирва сплавлялись до Мезени, где и находили основное пристанище.

Никому и в голову не пришло обратить более пристальное внимание на эту благодатную гору. А сейчас бородастые мужики, опоясав потуже свои лёгкие, но тёплые парки, зачехлив топоры, надев мешки-котомки с нехитрым скарбом, с копьями в руках тронулись в обратный путь.

Шли тяжело. Силантий по-прежнему прихрамывал и

с трудом преодолевал крутые бугры, а также буреломные участки. На третий день, когда путники наконец вышли к знакомым соснякам, настроение явно изменилось к лучшему. Причём, неожиданно для себя в одном месте встретили большое оленьё стадо. Охотники не поддались искушению, а осторожно, дабы не испугнуть своим присутствием, обошли животных.

Свой ночлег братья устроили около маленького ручья под вывороченной сосной на сухом песчаном склоне. Ночь выдалась тихой и умеренно тёплой. Светила серебристая луна, мерцали яркие звёзды, а сосновый бор сквозил голубыми лучами на фоне оранжевых стволов деревьев. Укрывшись меховой накидкой и подложив под голову котомку, Силантий несмотря на усталость, ненароком размечтался:

– Брат, а скажи мне, почему луна улыбается? А-а? Не знаешь! Бабушка, когда-то рассказывала, что это Дух ночи. Его ледяной лик даже Солнце не может растопить, Луна прячется за горизонт, когда Солнце просыпается. Не зря волки воют, а совы – охотятся по ночам, когда луна светит. Но самое примечательное полнолуние – это время разгула злых духов. Тогда они превращаются в зверей и птиц. Тьфу! Уберечься от них не так просто, заговор особый нужно знать.

Костёр трещал, выбрасывая вверх яркие снопы искр. Силантий о чём-то ещё говорил, но Ларион давно уже сопел и видел «седьмой сон».

К вечеру нового дня братья благополучно завершили свой поход. Трудно передать словами волнительную встречу с родными. Слёзы радости, обнимания, возгласы положили конец переживаниям и мытарствам.

Всё, что потом рассказали путешественники, поразило всех. Не осталось и тени сомнения, люди, сидящие за общим семейным столом, уже обсуждали переселение будущей весной. Никто не скрывал своей радости, в каждом жил дух свободолюбия и чувствовалась гордость за свой род. Даже растроганный Филарет Ионович обещался сыновьям подарить свою любимую лошадь.

Бурная ранняя весна 1610 года на какое-то время задержала намеченный переход к новому месту. Но настал день, когда две семьи с навьюченными лошадьми, коровой с телёнком, овцами, собаками, необходимым скарбом покинули родную деревушку навсегда. Ни прощальные

слёзы, ни страх перед неизвестностью не могли помешать смелым людям отказаться от твёрдых намерений в поисках счастья. В пути их настигла сильная гроза, шаровая молния задела и прожгла шапку на голове Лариона. Испугавшиеся путешественники сначала растерялись, но Ларион поднял руку и с улыбкой произнёс:

– Это божий знак! Возрадуйтесь!

И действительно, Ирвинские места переселенцам приглянулись по душе. К осени возник новый починок, поселение, которому было суждено светиться ликом своим почти три десятка лет. Люди не просто сумели выжить, а растили детей, возделывали землю, держали домашний скот, занимались охотой и рыбалкой. Возвели плотину в устье ручья, устроили пасеки для диких пчёл, с вымскими и вычегодскими купцами торговали мехами, шкурами, пером, глиняной посудой, украшениями из кости. Общинная жизнь позволяла не только сохранить свой уклад, но, главное, за счёт запасов выживать в неурожайные годы. И всё бы ничего, да неожиданный случай вмешался в житие – бытие дружных поселенцев.

Как-то летом причалили к ним на лодках их же сородичи, которые поднимались по Ирве до Пегышского волока. Они-то и рассказали о Новой Слободе, что на правом берегу Большой реки с названием Мезень. Когда Авросим, сын Леонтия Ионовича предложил переселиться в Глотова Слободку, Ларион Филаретович призадумался. Силантий отказался покинуть обжитое место. На следующий год починок посетил батюшка-миссионер, который вновь затронул вопрос об укрупнении Слободы и единстве жития. Ларион Филаретович окончательно принял решение переселиться в Глотова Слободку, а Силантий Филаретович со своим семейством проживут ещё пять лет, пока крупный лесной пожар не вынудил их также покинуть «божий» уголок.

Впоследствии Авросим Леонтьевич будет основателем деревни Боровое, что на Ирве, а Ларион и Силантий до конца своих дней проживут в Глотова Слободке.

Наверняка когда-нибудь остатки каменной стены на месте первого починка Вурдовых затянутся слоем земли. Увы! Время неумолимо. Только пока живы родовые корни, память об ирвинских первопроходцах останется.

Островок жизни

Когда-то ещё в старину построенный форт уже давно потерял своё предназначение и сейчас выполняет лишь две функции: почтовый двор и лесосеменная станция. Затерявшийся в глухих пермских лесах этот островок жизни располагался как раз на стыке двух трактов: Уральского и Печорского. Стоя на высоком сосновом бугре, потемневшие от времени строения были обнесены высоким бревенчатым забором, местами обветшалом. С северной стороны было тонкое болото, а с южной – река. Сохранившаяся сторожевая башня служила колокольной. Многократно устланная гать протянулась почти на полверсты до кромки леса.

Следуя прежним традициям, каждое утро на высокой мачте поднимали флаг Государства Российского. Уже двадцать три года Лыков Федот Моисеевич, он же управляющий уезда, бывший поручик, участник обороны Севастополя, исправно выполнял свои обязанности на вверенном ему посту. Когда-то в молодости он обучался лесоведению в Московском университете и успешно занимался любимым делом без ущерба казённой службе. Высокий, статный в тёмно-зелёном камзоле с медными пуговицами и стареньком сюртуке всегда подчеркивал своим внешним видом официальность. Его жена, Ефросинья Ильинична, спокойная и кроткая, безропотно помогала мужу во всём. Детей у них не было, и оба усердно занимались заготовкой и сбором сортовых лесных семян. Для этого были заложены экспериментальные плантации по выведению высококлассного посевного материала сосны, кедра, пихты и ели. В своё время Лыков лично добился губернаторского решения на право заниматься полезным и нужным делом, и отборные сортовые семена отправлял заказчикам на Большую Землю.

Кроме Лыковых, не менее важными обитателями была семья Лукиных. Глава семьи, Матвей Игоревич, был потомственным охотником. По возрасту старше Лыкова,

коренастый, бородатый и немногословный, он ведал всем общим хозяйством, в том числе конюшней, возделыванием земли, строительством построек, охотой и рыбалкой, шитьём обуви и одежды, заготовкой сена, дров. Трое его взрослых сыновей и две дочки умело справлялись с нелёгкими хлопотами. А добродушная хозяйшка Ольга Владимировна часто хворала и занималась домашними заботами. Держала семья девять лошадей, семь коз и четыре лайки.

Обычно почтовые кареты заезжали зимой менять лошадей, запастись фуражом, отдохнуть и всегда привозили в форт самые необходимые товары по заявкам управляющего.

Лыков согласно предписанию вёл письменный отчёт о расходах провианта, фуража, снаряжения и другого имущества, туда же прилагал и расписки от почтовых чиновников. Это случилось, «когда по акту приходилось принимать казенное имущество на длительное хранение». Самой большой проблемой было отсутствие лекаря. Губернское ведомство никак не реагировало на просьбы Лыкова о его присылке. Лечились, как могли: снадобьями и настоями.

До ближайшей почтовой станции было почти сто двадцать вёрст, а до первого селения почти в два раза больше. Отдалённость от городов, цивилизации должна была угнетать горстку обитателей форта, но сила привычки и жажда жизни сплачивали их.

— Общность интересов, атмосфера доверия и уважения раскрывают в каждом человеке скрытые творческие способности, если хотите, таланты для общего блага, только в трудах полезных и праведных сохраняется дух единства и благородства, — так рассуждал Федот Моисеевич и был рад тому обстоятельству, что все они здесь живут единой семьёй без раздоров и склок.

По выходным и праздничным дням, а также при каждом появлении на горизонте санных упряжей либо верховых «гостей» звонили в колокол. А с каким азартом любил устраивать ритмичный перезвон младший сын Лукиных — Василий, слух у него был отменный. Он сам научился изготавливать дудочки и свистульки, сочинял мелодии и часто играл вечерами перед всеми.

Лыков, будучи человеком целеустремлённым, без усталости вёл свои наблюдения, проводил изыскания по клас-

сификации лесов, изучал их состояние по типам, видам растительности. В летний период занимался отбором почвенных проб, на основании чего составлял сравнительные таблицы. Всё чаще и чаще убеждался в том, что необходимо системное изучение, а главное, устройство северных лесов по схеме квартальной сетки.

Недавно он закончил обоснование своих суждений и выводов в отдельной пояснительной записке с приложением отчётов о наблюдениях и изысканиях. Только все его труды пока лежали мёртвым грузом.

Федот Моисеевич откинулся на спинку стула и рукой теревил свои пышные тёмные усы, закручивая кверху. По краям стола секретаря стояли две массивные бронзовые канделябры с горящими свечами. Расплавленный воск изредка потрескивал и стекал, застывая на ходу причудливыми извилинами. На стене висела огромная карта-схема лесов с нанесением ручьёв, рек, болот, озёр, пунктирной сетки, кружков и треугольничков. Участками она была раскрашена в разные цвета и обозначена цифрами и буквами. В углу под потолком на сосновом суку застыло чучело соболя. Самым ценным достоянием хозяина кабинета была его личная библиотека, уместившаяся в красном шкафу от потолка до пола. Книги и журналы для Лыкова являлись не только первыми советчиками, но и источниками творческих начинаний и открытий. Он находил в них истинное вдохновение, совершенствовал свои познания в любимом деле, и при каждом удобном случае, по настроению, старался поделиться с любимой супругой.

Ефросинья Ильинична не была лишена творческих способностей в живописи. Около десятка пейзажных картин украшали книжный зал и комнаты двухэтажного бревчатого дома. Одарённость помогала ей с особой аккуратностью и точностью оформлять планшеты и рабочие карты по фрагментам полевых схем и контуров местности. Муж всегда поощрял её старания, не скупясь на похвалы.

Но сейчас этот спокойный и рассудительный управляющий вдумчиво и мучительно подбирал нужные слова для написания официального обращения губернатору о необходимости устройства северных лесов по новой системе. Он понимал, что только губернатор своим ходатайством перед сенатом может дать ход обсуждению на государственном уровне.

– Читать иллюзии – дело неблагодарное и беспочвенное. Как убедить в полезности исследований и результатов трудов моих многолетних? Вся нужда моя скромная только на пользу Отечества, а значит, здравомыслие во имя благих помыслов должно возобладать в головах государевых мужей, – всё никак не мог избавиться от тревожных мыслей Лыков. – Неужели прахом пойдут усилия, воля, усердие, знания, мечты?

Ближе к ночи была поставлена последняя чернильная точка, а пакет запечатан сургучными печатями, как и подобает почтовым требованиям.

Подходила уже середина апреля, а последнего курьерского всё не было. Люди волновались, ибо оттепель с кратковременными дождями приближала распутицу. Понятно, что если речки вскроются, курьерскому не доехать. Никто не покидал пределы форта, все были в напряжённом ожидании.

К вечеру 16-го дня с колокольни первым заметил надвигающуюся по краю болота двойную упряжь с каретой всё тот же шустрый Василий, который своим перезвоном известил округу, горланя: – Едет, едет курьерский!

– Слава Богу, слава Богу! – произнёс с облегчением, перекрестившись, Федот Моисеевич. Накинув на себя тулуп, он окликнул Матвея Игоревича, который со старшим сыном Денисом ловко запрягал лошадь в санную повозку, чтобы выехать навстречу «гостям».

Гать, местами подтопленная, прогибалась под тяжестью саней и в одном месте лошадь, провалившись, застряла. Спрыгнув с саней, Лукин и Лыков с трудом раздвинули брёвна и высвободили животное. Но после этого лошадь лишь топталась на месте и отказывалась идти вперёд. Лыков пошёл пешком навстречу ожидающим у верстового столба. Из разговора с курьером выяснилось, что они целых две недели добирались до форта из-за ранних оттепелей. Израненные ноги коней пришлось перевязывать, чем попало, даже рубахи использовали для этих же целей. В общем, коней распрягли и на привязи по двое перевели до форта. Мастеровые Лукины полозья и рваную упряжь отремонтировали быстро и добротнo. Уже на следующий день Лыков отправил свою почту и посылки с отборными семенами с курьерским в обратный путь.

В своём напутствии Федот Моисеевич не удержался и ласково попросил курьера:

– Братец! Что бы не случилось в пути, пакет сохрани. Он очень важен для меня и для Отечества нашего. Провианту Вам хватит, да в придачу ещё двух лошадей дарим. С Божьей помощью доедете. Спаси и сохрани! С Богом!

После проводов все обитатели форта сидели за общим столом, пили чай с брусничным вареньем.

– Ну вот, други мои, закончился очередной год службы. Да, да, именно служба! Все мы трудами справными служим Отечеству Российскому, чем пользу оному приносим. Благодарствую за прилежность и усердие! Ольга Владимировна! Подай нам всем наливочки, она как раз, кстати, – стоя произнёс Федот Моисеевич.

Все молча слушали и смотрели на своего благодетеля, улыбаясь, и их просветлённые лица выражали уверенность и гордость за свой скромный вклад в общее дело. Расслабившись, без всяких официальных этикетов, в атмосфере доброты и раскрепощённости большая единая семья изволила в этот вечер от души повеселиться. Под игровые мелодии дудочки все танцевали польку, плясали «камаринскую», спели любимый романс о «зимнем вечере». Нужно отдать должное Лыкову, который не только был образованным, культурным, порядочным и благородным человеком, но и тонким психологом. Благодаря его личному обаянию, пониманию индивидуальных человеческих тонкостей, умению находить правильные, осмысленные решения в сложных вопросах, остальные обитатели сумели сплотиться.

Федот Моисеевич прекрасно осознавал, какой груз ответственности лежит на нём, поэтому понимал, что любая грубость либо унижительный тон в обращении, либо проявления высокомерия могли разрушить это хрупкое единство.

Был случай, когда средний сын Лукиных Пётр, помогая в трассировке площадей, потерял нивелирное устройство, его после долгих поисков так и не нашли. Огорчённый и раздосадованный Лыков не показал виду, а лишь высказал поощрение. Даже не вычел ни одной копейки из жалованья работника. А сумма от ущерба впоследствии была взыскана вышестоящим ведомством с управляющего Лыкова, но об этом никто не узнал, и вряд ли кто узнает.

Спустя некоторое время перед самым ледоходом неожиданно для всех чуть не произошло несчастье с Матвеем Игоревичем, который провалился в полынью на реке, но

чудом сумел выбраться. Третий день Лукин ходил сам не свой. Всё валилось из рук, не спал и не ел. Пожалуй, для него дороже, чем старая кремнёвка ничего не было, а теперь ружьё покоилось на дне бурной реки Чомчи.

– Миленький Матвей Игоревич, – вдруг окликнул его Лыков. – Поднимитесь, пожалуйста, ко мне в кабинет.

Лукин поднял голову кверху и увидел в открытом окне высунувшегося управляющего.

– Да, да, пожалуйста ко мне на несколько минут, по делу, – повторил Лыков.

Матвей Игоревич молча кивнул головой и направился со двора в дом.

– Это Вам, от всего сердца. Я всё равно не ахти, какой охотник, а Вам без него нельзя, – с улыбкой произнёс Лыков, протягивая своему другу охотничью берданку и ягдташ с патронами. – Возьмите, не откажите мне, иначе обидите.

Лукин стоял перед ним полностью растерянным и на какое-то время потерял дар речи. Пауза затянулась, и Лыков сам вложил в руки Матвея свой подарок. Обескураженный Лукин тихо заговорил:

– Господи! Федот Моисеевич! Да, как же можно? Я не могу принять такой подарок. Да, я, да...

– Всё, всё, перестаньте, – прервал его Лыков.

– Ваше великодушие безгранично. До гроба Вам буду обязан, – пролепетал Лукин и низко поклонился.

– Полно, полно. Вы и так мне во всём помогаете, – ответил Лыков, похлопав по плечу соратника. – А теперь ступайте.

Шёл 1901 год. За последние три года в маленьком форте произошли три важнейших события. Благодаря настоятельным хлопотам Лыкова, Василия по рекомендательному письму определили в церковно-приходскую школу при духовной семинарии в Вологде, а старшая дочь Лукиных Даша с благословения родителей уехала со своим суженым во Вятскую губернию. После венчания молодые остались жить в поместье мужа в деревне Красавино. А для семьи Лыковых самым значимым событием явилось официальное сообщение о признании многолетних исследований «нужными и полезными для использования на практике по устройству лесов на северных территориях». Даже пришло приглашение на имя Федота Моисеевича от Московского университета на чтение цикла лекций перед студентами и научным сообществом.

Не обошлось и без беды. Во время охоты на медведя, Денис Лукин не уберёгся от когтей зверя и навсегда остался калекой – повреждённые сухожилия ограничили движения левой руки и ноги. И теперь, почти вся основная тяжесть хозяйственных забот лежала на главе семьи Лукиных и его сыне Петре.

Зима в этом году выдалась на редкость снежной. До начала Рождественского поста уже проехало немало санных подвод как с Севера, так и обратно. Только что проводили второй курьерский, и можно было спокойно отлучиться на несколько дней за пределы форта.

Матвей известил управляющего о том, что собирается с сыном съездить в тайгу проверить ловушки на куницу и соболя. Каждый год на зиму от Урала соболь заходил в эти края. Опытный охотник Матвей Игоревич знал толк в промысле ценного зверька и старался не упускать возможностей отлова и на сей раз. Лыков неожиданно попросил взять и его. Лукин с радостью согласился показать свои охотничьи владения, поэтому сына оставил дома. Назавтра с рассветом резвая лошадь понесла сани с людьми по заснеженному уральскому тракту на восток.

Бодрящий морозец обжигал лицо, а снежная пыль изпод копыт забеливала едущих на санях. Но довольный Лыков не обращал на это никакого внимания, был поглощён предвкушением воочию увидеть желанный трофей. Хотя до этого ему приходилось один раз мельком видеть живого соболя в лесу, то теперь у него есть шанс подержать его в руках. Он верил в успех, Матвей Игоревич считал лучшим промысловиком во всей округе. Ежегодно десятки первоклассных меховых шкурок отпускал купцам, которые затем перепродавали Лукинские трофеи на аукционах впятеро дороже.

Преодолев не более трёх вёрст, лошадь устала и взмокла, она останавливалась, тяжело дыша, и издавала короткие стоны. Пришлось встать на лыжи и тянуть ее за поводья. Пока шли две куницы попались в плашки. Но перед выходом на спасительный тракт, где мало-мальски утоптанная дорога удача по-настоящему улыбнулась охотникам. В цилиндрической ловушке рычал еще живой красавец-соболь. Таких Лукин называл «серебристый» из-за седого блеска кончиков ворса. Цепкой хваткой Матвей ловко выполнил процедуру придушения зверька, дабы не повредить мех, и передал в руки своему товарищу.

– Вот ты какой, знаменитый уральский, – держа двумя руками за тушку с радостью произнес Лыков. – Чудо природы!

Черно-бурый мех посыпался блеском, а белая дужка, как белое кольцо, придавала необычность пушистому красавцу. Почти черный отлив спинки от дыхания, переливался седым оттенком.

– Бог милостив. Одарил нас щедрой добычей. Но надо торопиться, а то скоро стемнеет, милейший Федор Моисеевич, – обратился Матвей к Лыкову.

– Да, да. Пора опять на тракт. Благо близко уже, – ответил Лыков.

Когда они, буквально, выползли на дорогу, лошадь будто преобразилась – в сторону дома сама побежала рысью.

Через некоторое время, уже в сумерках, чуть не наехали на повозку, развёрнутую посередине дороги. Лукин вовремя успел удержать вожжами распаренную лошадку. Вокруг валялись припорошенные рваные тулупы, оборванная упряжь, а между оглоблями саней останки лошади, полностью разодранной и обглоданной. Несколько изгрызенных рёбер с ошметками рыжей шкуры, остатки голенных костей, хвоста и гривы валялись вокруг саней. Чуть дальше лежал изорванный холщёвый мешок с домашней утварью и деревянной посудой, высыпавшейся на краю дороги. Кругом были волчьи следы. Заледеневшие большие тёмно-красные пятна крови повсеместно свидетельствовали о страшной трагедии, разыгравшейся, скорее всего, вчера. Лыков, выдавший и не такие виды на войне, разволновался и опешил не меньше, чем его товарищ. Он подошел к саням, на которых стоял сундук, и только потянулся рукой к крышке, как она сама открылась. Он остолбенел и молча смотрел на мальчика, который, откинув крышку, поднялся во весь рост на ноги. Одетый в лощину с обмороженными щеками и носиком, он что-то невнятно пытался выговорить дрожащим голосом на языке коми, но Лыков ничего не разобрал. Федот Моисеевич осторожно взял мальчика на руки и отнес на свои сани и укрыл его своим тулупом.

– Полежи сынок, успокойся, всё хорошо, всё хорошо, – проговорил Лыков, поправляя длинные полы козьего тулупа.

– Федот Моисеевич, подойдите ко мне! Господи! Свят,

свят! – закричал Лукин, наклонившись около сосны. – Эти дьяволы даже людей не пощадили.

Как оказалось, отца и мать мальчика серые хищники загрызли насмерть. Обезображенные их тела охотники завернули холщевыми кусками тряпок, сложили на перекладке сажей и только после этого двинулись вперёд.

Потрясённые случившимся обитатели форта долго ещё пребывали в тяжёлом состоянии. Останки погибших людей похоронили через день на старом погосте.

Зырянского мальчика заботливо выхаживала Ефросинья Ильинична. Судя по сохранившемуся отцовскому свидетельству, фамилия его была Павлов, а имя – Вениамин, пять с половиной годиков от роду из селения Глотова Слободки, что на Мезени. Лишь через год удалось законно усыновить его супругам Лыковым. О большем счастье они и не мечтали. Новые родители обучили Веньку грамоте и подобающим манерам. А ещё через четыре года семья Лыковых навсегда уехала в Москву. Федота Моисеевича пригласили преподавать в Московский университет, а на его место прибыл другой управляющий. Тихая, безропотная Ольга Владимировна Лукина после долгой болезни скончалась незадолго до отъезда Лыковых. Дальнейшая судьба Лукиных неизвестна. Говорят, что ещё несколько лет Лыковы переписывались с ними, но потом связь оборвалась. Известно одно, что до событий 1917 года Вениамин Павлов-Лыков обучался в кадетском училище. Так закончилась история повествования о некоторых обитателях далёкого затерянного форта, которого не без гордости называли «Островком жизни».

Тайна о ските

Ярко-белый снег так слепил глаза, что они ныли и слезились. Холодные кристаллики таяли от лучей солнца и светились нежно-голубым цветом. Плотный крепкий наст нещадно срывал ворсинки камуса на лыжах, хотя и несколько не затруднял скольжения. Как ни странно, но эта удивительно красивая снежная белизна не прибавляла особого энтузиазма идущему. Облачённый в потёртый суконный камзол с поясом, а сверху с кожаной накидкой и капюшоном, с котомкой и ружьём на спине, усердный охотник старался, не сбавляя хода, держать курс на самый высокий сосновый бугор, вытянувшийся по краю болота. Усталое, запотевшее лицо со стриженной, тёмной бородой покрылось испариной, и лишь прищуренные глаза блестели от влажности. На одном из лесных островков Савватий заметил около десятка косачей, которые своим бормотаньем как бы тоже извещали его о своём присутствии. Но человек только взглядом поздоровался с птицами и даже не пытался подкрасться к ним, у него и так в котомке лежала почти целая тушка копчёного глухаря.

— Вот глупыши! Даже не боятся меня. Ещё и недовольные. Уже начинают собираться ближе к своим товарищам, — подумал про себя охотник, не останавливаясь. Ему хотелось побыстрее добраться до заветного места, когда ещё выпадет такая возможность.

Прошло семь лет с того дня, как он побывал здесь с отцом всего один раз, а запомнил на всю жизнь. И вот снова сбывается его мечта увидеть, ощутить этот необыкновенный, поистине загадочный уголок, овеянный тайнами о бывших обитателях.

Уже на подходе к крутому бору, ускоряя шаги, он в такт размахивал руками, держа копьё, и с каким-то глубинным волнением внимательно вглядывался в различные деревья. Наконец, показались контуры строений скученных на небольшом участке. Снежные шапки покрыва-

ли крыши изб и навесов, а в центре подворья высилась угловатая башня с конусовидным куполом, похожая на часовню. Протиснувшись через покосившиеся массивные ворота, засыпанные наполовину снегом, Савватий проник во двор и уселся на конец торчащего бревна. Достаточно высокий сплошной забор, местами повалившийся, огораживал кольцом весь участок. Перед крыльцом часовни стоял поклонный крест, чуть выше человеческого роста, а по обе стороны от него в шагах десяти напротив друг друга располагались бревенчатые избы с небольшими окнами. С фронтальной стороны от стен наружу торчали короткие дымоотводные глиняные трубы, а с торцов примыкали явно хозяйственные двухъярусные постройки, в том числе амбары.

Почерневшие от времени строения где-то уныло «осунулись», а где-то топорщились, сохраняя былое величие и добротность. А вот оголённый сруб колодца с «журавлём». Видно было, что он сгнил и развалился, как и отходящие от него желоба на подпорках. Освободившись от котомки и сняв лыжи, гость, оглядываясь, неторопливо обходил общий двор, заглядывая почти в каждую дверцу. Удивительно, но на любом доме он замечал начертанные сажевой краской крестики. Отсутствовали всякие наружные запоры, кроме амбарных дверных клиньев. Когда Савватий вошёл внутрь большой избы, обнаружил в большом зале длинный двухрядный стол из тёса с расставленными скамьями. Голые рубленые стены с полками по углам разукрасились паутинами, а на полу валялись разбросанные остатки высохших можжевельных веточек.

Прохудившиеся потолочные стыки в некоторых местах совсем сгнили из-за протечек дождевых и талых вод, отчего почернели и потрескались. Стойкий прохладный и затхлый воздух не давал дышать полной грудью. Пригнувшись в дверном проёме, человек прошёл в соседнюю комнату, и его любопытный взгляд сразу остановился на потемневшем дощатом образе в дальнем углу, ибо изображённые лики святых даже в полутьме чудесным образом светились. Охотник стоял как вкопанный, не двигаясь и не дыша.

– Господи! Спаси и сохрани душу грешного раба Твоего, Савватия! – залепетал он и троекратно перекрестился с поклоном перед святыней. От леденящей тишины ещё сильнее забилось сердце, и некий внутренний страх охва-

тил человека не на шутку. Ему казалось, что какой-то неведомый хранитель скита строжайшим оком наблюдает за ним, готовый в любое мгновение подвергнуть каре небесной. Постепенно Савватий взял себя в руки и неожиданно подошёл к образу, не зная зачем. Вблизи контуры изображения совершенно не воспринимались чёткими и светлыми, поэтому с трудом рассматривались. Что заставило гостя взять в руки скитскую святыню, объяснить невозможно. Но он спокойно и бережно двумя руками снял с полки запylённые дощатую икону, прижал к груди, а затем неторопливо вышел из избы.

– Грех большой, если образ пропадёт. Он не должен быть брошенным и забытым. Господи, благослови меня на дела благие, – перекрестился охотник перед поклонным крестом, а образ завернул в запасную рубаху и положил в котомку.

Солнце клонилось к синееющему горизонту, на котором сходились волнистые возвышенности девственных лесов.

Савватий закончил свою нехитрую трапезу у костра, но не спешил в обратный путь, упёршись спиной к стволу дерева, продолжал глазеть на умирающий скит, который перед ним сейчас выглядел как на ладони абсолютно беззащитным.

– Да-а-а! Еще пару лет – и рухнет здесь всё, останутся лишь развалины, а мезенские так и не узнают ничего. Чудная жизнь людская! Вот так живёшь. живёшь на своей земле, а что поодаль – ничего не видишь, – вздрогнул мужик и невольно поддался воспоминаниям.

Когда-то его отец Силантий Федорович во время зимней охоты случайно вышел к незнакомым жилищам. Изнурённый охотник явно удивился, когда ему навстречу через ворота вышли трое бородатых мужчин в тулупах, причём, двое с дубинами в руках. Третий, самый старший из них заговорил на своём русском языке. Через какую-то паузу, понимая, что непрощенный гость не понимает его, старейшина кивнул головой и посохом указал убраться отсюда подобру-поздорову. Уже сгущались сумерки, и Силантий прекрасно осознавал, что заночевать придётся где-то в ближайшем ельнике, ведь до своей избушки тридцать вёрст. Молча развернувшись, по своей лыжне привычным ходом направился в глубь леса.

– Ого-го-го! – эхо донесло до его ушей крик, как сиг-

нал «Возвращайся!». Оказалось, что чужие обитатели передумали и решили пустить охотника на ночлег.

Видавшему виды за свои сорок пять лет таёжному человеку всё казалось здесь странным: и чужой говор, и неистово лающие крупные собаки, не похожие на лаек, и неприятный запах после курения какой-то травой в маленькой комнате, куда его определили, и постная грибная похлёбка с лепёшкой, и жуткий запах горящей лампы, и длинные бороды, и ржание лошадей.

Но по большому счёту ему было всё равно, расслабившись в тёплом жилище, он обмяк, усталость победила все его мысли, и веки сами по себе сомкнулись. Утром гость проснулся от стука в дверь. Вошёл один из вчерашних бородачей, который объяснил жестами, что надо умыться снегом во дворе и собраться в дорогу. После недолгих сборов Силантий вышел в сени, бородач пригласил его в другую комнату. От увиденного и оказания таких почестей к его скромной персоне коми мужик сначала оторопел, а затем, когда ему указали сесть за утренний трапезный стол, последний замахал руками. Однако, проявляя свою настойчивость, старейшина ещё раз указал гость на скамью. Покраснев от своей стыдливости, Силантий в знак уважения подчинился жесту. Честно говоря, для него это было столь необычайно и волнительно, что вместе с остальными пятью бородачами, поблагодарив Господа за ниспослание пицци и благодати, машинально перекрестился двумя перстами. Исправить что-то было поздно, и после главы семейства уселись остальные. Разговор в перерыве приёма пицци, правда, не клеился.

Силантий, будучи неграмотным, не понимал русской речи и лепетал по-своему, а те, в свою очередь, кивали головами. Старейшина упорно пытался рассказать гостю о мытарствах и лишениях, которые пришлось пережить непокорным православным старой веры после жестоких гонений по Высочайшему Повелению царя Петра Алексеевича, о долгом путешествии на далёкую северную реку Печору, до берегов которой так пока и не добрались, а главное, почему пришлось в этих глухих лесах верховья Мезени обустроиться.

Это многострадальное семейство покинуло Олонецкую губернию ещё пять лет назад, чтобы на Севере сохранить свою веру. Но в пути из-за болезни детей промежуточный переход от Пинеги до Ижмы не осилили.

Не мог знать Силантий и то, что эти русские люди обучали друг друга древнерусской грамоте, сохраняли свою самобытность, уклад жизни, обряды, славились отменными мастеровыми, строго соблюдали каноны старого вероисповедания, оставались до конца гордыми и непреклонными. Не воспринимали никаких нововведений, вели уединённый, семейно-общинный образ жизни, избегали всяких контактов с остальными людьми, сторонниками так называемого «нового света».

Позже, когда проводили Силантия за ворота, старейшина кое-как жестами объяснил охотнику, чтобы больше он не приходил сюда и никому не рассказывал о встрече с ним. Благодарный за тёплое гостеприимство смущённый коми мужик низко поклонился и кивнул головой, что он всё понял. Попрощавшись и пройдя версту, охотник искренне пожалел о том, что ничего не смог подарить на память этим странным и мужественным русичам. Потом многие годы Силантий Фёдорович мысленно вспоминал об этой таинственной встрече. А сколько раз терзался искушением снова посетить затерянный скит староверов.

Но, однажды, произошло то, что он больше всего опасался. Как-то ижемские оленеводы обмолвились в разговоре о случайном обнаружении заброшенного жилища с постройками в верховье Большой реки. Вот тогда-то Силантий и решился изменить своему слову, с собой взял ещё и сына Савватия. И когда он вновь увидел пустующий скит, то не удержался от слёз.

Сейчас Савватию предстоял тяжелейший обратный путь. Горько, что уже два года прошло, как его отец ушёл из жизни. Но то, что он успел сыну открыть свою тайну о староверах, навсегда останется частицей истории земли Удорской.

Послесловие

Родовое древо остаётся основным стержнем человеческой сущности, нравственные ценности формируются в каждом из нас на основе исторического прошлого. Самобытная культура, традиции, уклад жизни коми-зырян – это не только этнографический материал, все это имеет свой философский смысл. Даже в смутные времена среди жителей Коми земли, в частности Удорского края, не происходили ни распри, ни волнения. Даже в голодные, неурожайные годы крестьяне не покидали свои родовые места, а, наоборот, объединялись. Сложившаяся общинно-племенная форма существования только укрепляла родовые корни. Недаром «верхнемезенские» и поныне сохранили свои исконные родовые фамилии в древнейших деревнях и сёлах.

Увы, но времена меняются, как и люди. К тому же, предыдущая эпоха освоения Севера не прошла бесследно. Изменилась и психология коренных жителей, большинство которых, стараясь идти в ногу со временем, к сожалению, потеряло интерес к прошлому, в том числе и к родному языку. В своих произведениях я стараюсь подчеркнуть великий смысл прошлых времён, дабы хоть чуточку осознать свою сопричастность и гордость за род исконный.

Когда у меня спрашивают: «Почему в Природе существует гармония, а среди людей – нет», я всегда отвечаю просто: «Ищите ответ в самом себе, и в этом Вам поможет Природа, если сумеете её понять». Главное для человека – честно нести свой крест, нести его с открытым сердцем. А для этого необходимо постоянно осознавать себя частью своего рода, частью Природы, частью своего народа, частью своей Родины, частью Вселенской Церкви.

Юриндалысь

Родовое начало	3
Глава 1. Лука	4
Глава 2. Мосей	19
Глава 3. Испытания	37
Глава 4. Благословение	44
В мире сновидений	47
Глава 1. В мире сновидений	48
В Ирвинской тайге	48
Муравьиное королевство	54
Глава 2. Таинственные чудеса	65
Прикосновение	65
Летучие «вампиры»	67
Бог солнца	69
«Лосиная диалектика»	72
Таинственная вода	77
Глава 3. Всё прекрасное во сне и наяву	81
Этюды вдохновения	81
Таёжные откровения	88
Таинственная вода	77
Глава 4. Корни из прошлого	101
Феофилова мудрость	101
Отцовское послание	111
Островок жизни	117
Ирвинский починок	118
Островок жизни	128
Тайна о ските	137
Послесловие	142

Литературно-художественное издание

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ВУРДОВ

ИРВИНСКИЕ СНЫ

На русском языке

Редактор — *А.Г. Попов*
Компьютерная верстка — *Н.В. Вахнин*
Корректор — *Н.В. Данилова*

Подписано в печать 28.02.2008. Формат 84×108 ¹/₃₂
Бумага офсетная. Гарнитура «SchoolBook»
Печать офсетная. Уч. изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 7,56
Тираж 1000. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Коми республиканская типография»
с дискет заказчика в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов
167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81